СИБИРЬ

2 90

Н. А. Соколов.
Убийство царской семьи

Протоиерей
Евгений Касаткин.
Милосердия двери отверзи

Фирс Болонев.
Месяцеслов семейских
Забайкалья

СИБИРЬ

2 90

Литературно-художественный и общественно-политический двухмесячник

Орган Иркутской и Читинской писательских организаций РСФСР

Основан в 1930 году

СОДЕРЖАНИЕ

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство

ISSN 0132—6740

Николай НАГОРНОВ

СУПЕРСТЕНА*

РОМАН

Мы стоим у какого-то страшного предела. Русское общество, и без того эгалитарное по привычкам, помчится еще быстре по смертному пути всесмешения, и мы, неожиданно, из наших государственных недр, сперва бессословных, потом бесцерковных,— родим антихриста.

К. Н. Леонтьев, 1870

— Вставай, дармоед! При товарище Сталине тебя бы расстреляли за опоздание на пять минут. Вот так-то лучше. И смотри мне! Да если б не тот паскудный профессор, я бы теперь стал генералом КГБ и вышиб бы из ваших мозгов всех ихних бахов и фейербахов...

— Все равно, отец, я никогда коммунистом не стану.

— Ты попом станешь, да?!

— Да, служителем Божьим. И ни за что — таким вот красным фашистом.

— Гад ты, и больше никто! Твой отец за советскую власть жисть отдавал, а ты продался буржуазной сволочи... Купил тебе Маркса-Энгельса, так ты его не читаешь, а своих тургенёвых загнивающих...

— Ты же у него ни одной страницы не прочел!

— Загнулась мне на хрен твоя иностранщина поганая... Я весь марксизьм-ленинизьм знаю и политику партии! Пострелял бы всех этих буржуев и попов. Если тебя еще раз твоя бабка в церковь утащит, я ее сдам, куда надо. Там меры быстро примут.

— Никто меня туда не тащит — я сам иду. Религия — это самое дорогое в моей жизни. А бабушку ты не трогай — она перед тобой ни в чем не виновна, а вот ты перед ней...

— Да ну вас к чертям всех! Смотри у меня! Сволочь... Попробуй только опоздай.

Ушел... Куда деться мне от тебя? Ведь я связан по рукам и ногам. Просто негде жить. И не на что. Почему родился я в такое время? Свобода и независимость упираются в презренный металл...

— Андрюшенька? Ты проснулся, милый? Хорошо выспался? Не болеешь?

Тихо заглядываешь в дверь. Ты любишь меня, бабушка, и готова все сделать для меня, но понимала бы ты, чего мне недостает в жизни...

— Пойдем, голубчик, святой водички попьем, просфорочку скушаем, помолимся — и на душе легче станет.

— Ладно уж, пойдем... Хотя партия запрещает религиозность разводить. И вообще научно-партийно доказано — Бога нет.

Хотя, на самом-то деле... Только идиот может сказать: «А вот космонавты летали — и никакого Бога не видели!» Бога не глазами видят, а чистым сердцем узрят.

— Да, бабушка... Маркс-Энгельс еще

* Печатается с сокращениями.

сто лет назад научно доказали — его выдумали реакционные элементы, чтобы злобно эксплуатировать трудящиеся массы.

— Скушал просфорочку?? Вот молодец. Теперь водичкой святой запей.

— Учти, это я лишь ради тебя. Я — убежденный марксист-ленинист и с религиозными пережитками идейно борюсь.

Если я тебе не буду говорить этого, то придется тогда каждый день ходить на обедню или вечерню, поститься, причащаться, исповедоваться... Нет, я не смеюсь над твоей верой, даже напротив — уважаю ее. Но не вижу в ней никакого смысла. Она никому не вредит, как отцовский фанатически-садистский коммунизм, но и не помогает. Впрочем, таково все искусство. Оно совершенно бесполезно.

— «Отче наш» прочел бы, Андрюша, перед завтраком...

— Не получается от души. Христос что говорил? Надо в душе молиться, а не напоказ, как фарисеи и книжники.

— Верно, Андрюша. А ты постарайся, чтобы из самого сердца молитва шла. Представь, как Господь любит тебя, как жалеет тебя и заботится — вот и родится в душе молитва.

Да, ты очень добрая и любишь меня, но снова придется вечером читать твою Библию... Нарочно ведь не хочешь очки заказывать, чтобы я тебе читал эти легенды... Как-то это не по-христиански... Это ведь даже фарисейство какое-то...

— Надо всех слушаться, Андрюша. Помнишь, как апостол Павел пишет? «Всякая власть — от Бога».

— И даже атеистическая?

— Так что же тут поделаешь... Выходит, так. Господь послал нам испытание. Кто истинно верует, тот не отречется и при атеизме.

— А кто же тогда от дьявола?

— А никто. Все люди—от Бога и всякая тварь. А по греховности и слабости своей всякий может впасть в соблазн и согрешить, как прародители наши.

— А мой прародитель? Он же сколько церквей взорвал, сжег и разграбил в тридцатых годах! И еще хвастается этим... И он — от Бога?

— Злобные люди всегда были. И православные, и даже помазанники Божие. Иван Грозный, помнишь, что творил? И на отца ты не сердись и не обижайся. Может быть, он еще покается перед смертью и прощен будет. У всякого свой путь, всякий по-своему живет... Кто нас рассудит? «Не судите, да не судимы будете...» Собирайся, опоздаешь ведь.

— Христос что говорил? «Не человек для субботы, а суббота для человека». Понимаешь? Не я для школы создан, а она для меня. Да и зачем туда ходить? Ведь там только растлевают и атеизму учат... Бога —нет, души — нет, загробной жизни —нет. Христа — никогда не было, человек произошел от обезьяны, что научно-партийно доказано... Никакого смирения, человеколюбия и жалости не надо, это вреднейшие внеклассовые чувства. А надо быть идейно-принципиальным, ненавидеть всех, кто против коммунизма, и убивать их, если не хотят перековываться...

— Что же делать, Андрюшенька? Смирись... Я ведь тоже изучала еще в войну весь истмат, и диамат, и Маркса, и Энгельса, и Ленина конспектировала... Что же было делать? А «Краткий курс истории ВКП(б)» Сталина до сих пор наизусть помню...

— Зачем же ты вообще в мединститут пошла? Прямо в монашки бы и шла.

— Ну как же... Война ведь была... Кто стал бы раненых лечить?

— Но в Апокалипсисе сказано: все, кто не записан в Книгу жизни, пойдут в гиену огненную. А раз так, то их все равно ничем не спасти уже...

Что же ты теперь ответишь? Ты и сама запутаешься в вере твоей. Если на самом деле Бог есть, то почему в мире столько зла и грязи? Значит, и дьявол есть? Но какой же это Бог, если Он не может победить дьявола и сделать всех людей милосердными, благородными и духовными?

— Тут, Андрюша, премудрость святых. Мы не знаем, кто записан туда, а кто — нет. Поэтому и помогать нужно всем, и любить всех. Иначе Христос не учил бы нас этому. И на крест не пошел бы, если бы не любил нас и не хотел спасти даже своей смертью.

— Вот отец любил китайцев и поехал к ним революцию устраивать. А они его за это чуть не убили. И какой в том был смысл? Все равно там началась

культурная революция, и всех революционеров угнали в глухие деревни на перевоспитание в духе Великого Мао... А теперь его любимые китайцы напали на Вьетнам. Я ему посоветовал вчера записаться добровольцем во Вьетнам, а он меня за это обозвал политически неграмотным пособником загнивающего империализма.

— Не ссорься ты с ним, Андрюша... Ведь он любит тебя, кормит, одевает. Кто виноват, что он таким на свет родился?

— А зачем мне такая любовь? Ведь он твою единственную дочь — мою мать — уже свел в гроб... Скоро и я к ней отправлюсь... Достану где-нибудь пули для маузера и застрелюсь...

— Андрюшенька! Грешно так говорить. Бог жизнь дает, не отец. Бог только и может жизнь отнять. Самоубийство — самый смертный грех. В нем уже раскаяться нельзя будет. И искупить тоже нельзя. Сразу в ад.

— А мы с тобой где живем? А вдруг мы уже и есть в аду? Только от нас это скрывают?.. Знаешь, почему все партийные работники носят шляпы? Они под шляпами рога прячут. А черные «Волги» у них, знаешь, для чего? У них же копыта в ботинках, им ходить неудобно, вот их и возят. И мягкие кресла у них потому, что на хвосте сидеть жестко...

...вот ключ от шкафа твоего, отец... Это должно быть замотано в несколько тряпок... вот!.. Мистический стальной блеск восьмизарядного маузера. «Капитану Орлову, борцу за коммунистический Китай. 1947» — гравировка на рукоятке. Но — нет патронов в нем. Где порох твой, отец?

Твой старый пакет с газетными вырезками... «Правда», 9 марта 1953 года: «Сыновья и дочери прощаются со своим горячо любимым отцом товарищем Сталиным. Отчетливо слышится каждое слово выступлений соратников великого Сталина, — Георгия Максимилиановича Маленкова, Лаврентия Павловича Берия, Вячеслава Михайловича Молотова. От всего сердца говорят собравшиеся:

— Прощай, отец наш, бесконечно дорогой и всегда любимый Иосиф Виссарионович! Бессмертное имя твое навеки станет знаменем борьбы за окончательную победу коммунизма!

Непоколебимая сила и уверенность звучит в словах этой клятвы. Чувство непреклонной решимости осушило глаза, опаленные глубоким горем.

Никогда не забудется этот день — день всенародной скорби!»

И ты, отец, хранишь эту лживую бумажку как самую святую реликвию всей твоей жизни...

А мне сегодня снова делать политинформацию и тоже лгать им всем... Повторять мысли каких-то обозревателей и комментаторов, а свои — тщательно скрывать. Сказал бы им, будь моя воля... Две социалистических страны. Обе строят коммунизм. И — воюют друг с другом. Задумайтесь над этим, дорогие мои одноклассники...

Но зачем мечтать впустую? Если я вам скажу это, Тафиса тут же вызовет в свой директорский кабинет и устроит проработку... Потом позвонит отцу.... И тогда отец устроит мне... Нет, лучше даже и не думать, что ты, отец, мне устроишь...

Но если даже и скажу вам это, все равно ведь вы ни о чем не задумаетесь... Эти биомодули, эти шудры, эти инкубы — они задумываются лишь о своем брюхе и о том, что в самом низу брюха — между ног. Все остальное для них просто не существует. Ни войны, ни страдания чужие, ни искусство, ни благородство, ни сочувствие друг другу — ничего... Анафема вам, инкубы!

А та дореволюционная детская книга, та чудесная сказка в ней...

— Бабушка, помнишь, ты приносила мне книгу какой-то твоей подруги? Это было в семьдесят втором году, я еще в школу не ходил...

— Помню, Андрюша... А что?

— Там был прекрасный индийский миф... «Вначале создал бог Брахма из головы своей — мудрых, благородных, высоких духом Брахманов, затем из рук своих — смелых непобедимых кшатриев, потом из живота своего — богатых трудолюбивых вайшьев и, наконец, из ног своих, запачканных грязью Земли, — ничтожных тупых шудр, чтобы те были слугами трех высших варн... И давал людям варну не по роду, но исключительно по их достоинствам. На что способен человек, то он и выполяет... Но потом низшие варны взбунтовались про-

тив высших — и начались великие несчастья. Все смешалось, культура упала, наступил хаос. И тогда бог Брахма наслал на Землю Великий Потоп...» И в Библии то же самое — люди развратились, и Господь покарал их потопом... Значит, он действительно был, раз его признают и Брахманы, и христиане...

— Конечно, Андрюша, был. Вот вернешься из школы, покажу тебе одну книгу старинную. Дал вчера на службе в Знаменском отец Анатолий. Там о погибели Руси и о конце света.

Закрываешь за собою дверь моей комнаты и уходишь к себе становиться на молитву.

Я ведь понимаю тебя, бабушка... Понимаю, милая... Ты хочешь, как лучше... Я знаю, знаю — ты очень любишь меня и желаешь мне одного лишь добра. Но если бы ты могла понять — не этого ждет душа моя, не этого! Ты прости меня — сам не знаю, зачем играю перед тобою какого-то врага веры... Ведь я тоже очень люблю тебя, бабушка... Но более всего на свете мечтаешь ты, чтобы я верил в твоего Бога и Христа, а значит, любишь ты как бы и не меня, а того, кем я стал бы, если бы уверовал...

Нет, ни за что на свете не пойду в это гадкое мозгоправительное заведение, чтобы слушать там чужую ложь и говорить свою... Но бабушка... Ты расстроишься, бабушка... Придется сделать вид, будто иду туда, а на самом деле пойду я в... куда же я пойду? А я пойду в читальный зал областной библиотеки... возьму там Верлена... непременно в подлиннике... и франко-русский словарь, если какие-то незнакомые слова встретятся... или возьму сборник Изабеллы Ахатовны... или Андрея Андреевича... и войдет счастье в душу мою... и далеко звездные горизонты распахнутся вдруг... и неведомый мир умирающих закатов примет меня в объятия свои, закружит в безумном вихре иных чувств, иных желаний, иных надежд... невиданных очертаний и неслыханных мелодий... и Прекрасная Незнакомка выйдет мне навстречу из мраморных покоев своих... и сброшу грязные тягостные путы всего этого пошлого, вульгарного мира... и медленно, медленно, медленно уйдет гравитация из тела моего...

— Андрюшенька, к тебе Игорь пришел.

Труфанов... Минуты не дадут побыть с собой наедине... Вечно у нас какие-то дела, заботы, злоключения...

— Андрюха! Спасай! Хана мне! Труба дело!

— Что у тебя опять стряслось?

— Тафиса в школу не пустила! Говорит, пока мать дневник не подпишет, до уроков не допущу!

— А матери ты дневник, конечно же, не покажешь... Все ясно. Ладно, давай— подпишу... Видишь — я тебе уже вместо матери.

— Ну спасибо, Андрюха, век не забуду!.. А ты чего сидишь? Скоро уже второй урок начнется. Пошли!

— Вот еще, пойду я туда... Да провались они в преисподнюю. Будто без меня не обойдутся.

— Андрюха, спасай! Там опять Толмач шарится... Накатит он мне и деньги отберет...

— Смех и грех с вами... Подговорил бы Волкова, Логинова, Бейкера, еще кого-нибудь, собрались бы и врезали ему, чтобы мало не показалось.

— Да уж врезали... Куда там... Потом переловит всех по-одному со своей бандой, и хана всем...

— Так пожалуйста — выворачивай перед ним карманы, подставляй лоб для чилимов и зад для чирков, «Хайль Гитлер» ему салютуй, раз тебе так нравится.

— Ха! Нравится! Да я бы его, падлу, пристрелил!

— Вот и возьми у моего фатера маузер и попугай его!

— Ну да... Он же мне потом твоим маузером башку и проломит... Андрюха, ну, пошли, а? Ради меня, а?

— Ладно, так и быть. Но учти — в последний раз. На один урок схожу, потом уйду. Сегодня второй номер журнала «Театр» должен появиться. Если утром не взять, разберут. Только ради этого из дома выйду.

Густой поток человеческих тел понуро течет к остановке автобуса... Серые помятые лица, пустые глаза, брюзгливые складки губ, взгляды, опущенные вниз... И вечером этот поток потечет об-

ратно. И лица их будут еще более скучны, а глаза — еще более пусты... Ни сильного чувства, ни глубокой мысли, ни вдохновения, ни надежды. Как можете вы жить такой механической жизнью? Люди вы или инкубы, искусственно выращенные в пробирках на потребу дьявольской экономической машине? И вы хотите, чтобы я стал одним из вас через несколько лет? Ни за что!

Нет, ни за что не стану таким, как вы все... Я буду Эдмундом Кином-младшим... или Смоктуновским... подмостки театра... или павильон киностудии... я ведь и сейчас играю кого-то... С отцом играю православного, с бабушкой — коммуниста, с Труфановым — всесильного благодетеля, с Тафисой — анархиста и бунтаря, с Зосимовой — еще более идейного комсомольца, чем она сама... Но когда предоставлен сам себе — не похож ни на одну свою роль. И для чего я все время играю в бессмысленные игры эти? Отца только напрасно злю, бабушку — напрасно расстраиваю... Что-то вдруг включается само собою в душе, когда начинается чья-то проповедь, и не я уже начинаю актерствовать, кто-то внутри меня... Хотя тут же ясно понимаю — глупо. Ведь лучше согласиться бы для вида лишь — и с отцом, и с бабушкой, и с Тафисой, и с Зосимовой, и — никаких обид, озлоблений, огорчений, ссор. Общее спокойствие. Но — увы...

Ведь согласиться с каждым из них было бы неблагородно. Заурядное лицемерие... Если все вокруг слепы, а один среди них — зрячий, то что же? Выколоть глаза самому себе? Нет, никогда...

Как я понимаю тебя теперь, мать. Всю жизнь — между двух огней. Ты ведь, как и я, не верила ни в Бога, ни в коммунизм. Нам бы твою убежденность, отец! Нам бы твою веру, бабушка! Но ты, как и я, не верила ни во что. Совсем ни во что. Но тебя убеждали, просили, заставляли, уговаривали, и ты билась в этих сетях лжи раненной насмерть птицей... И они погубили тебя...

Ты думаешь, я забуду когда-нибудь, как пришла ты однажды... когда это было? два года назад?.. Ты села у стола в комнате бабушки, взгляд твой был растерян и беспомощен... «Опухоль признают злокачественной. Говорят, надо ложиться в обкомовскую больницу, только там могут спасти... а кто меня туда без связей устроит?» И ты знала — у отца есть все связи, есть и эти. Но вы ненавидели друг друга, вы жили разведенными в одной квартире, но ни за что, ни за что не обратилась бы ты к отцу с самой даже ничтожной просьбой... И он узнал о твоей раковой опухоли только в мае, когда тебя привезли из больницы домой — умирать...

И теперь ты, отец, плачешь после стакана водки перед ее портретом в траурной рамке, бьешь себя в грудь кулаком и кричишь: «Да если б я знал! Да если б знал, я бы все сделал! Я бы спас! Я бы в лучшие больницы устроил! На лучшие курорты!..»

Но перед кем хочешь ты оправдаться? Перед кем?!

И ты, бабушка... Что все молебны твои, причастия, соборования? Помогли они ей? И зачем твоему Всеблагому Господу нужна была смерть ее? И муки ее нечеловеческие, когда не помогал даже морфий в вену два раза в день?! За какие грехи она кару понесла? Но у тебя на все один ответ: «Неисповедимы пути Господни...» Тогда зачем такой Господь?!

А я... Чем я мог спасти тебя, мать? Чем? Жалостью? Состраданием? Сочувствием? Но не спасла тебя жалость моя... Даже мук твоих не облегчила...

Так не обессудьте, милые. Не призна́ю я никогда ни Бога вашего, ни коммунизм...

И еще эти два ящика продуктов... Что было между вами тогда, отец? Что было, мать? Как вообще могли вы жениться именно друг на друге?! Вы же совершенно разные люди, совершенно чужие... И вы — не любили друг друга... А последние восемь лет и вовсе ненавидели... Так что же связало вас? И почему ты, бабушка, вспоминаешь время от времени какие-то два ящика продуктов, но тут же словно спохватываешься, замолкаешь и не даешь никаких объяснений?!

Тайна тут какая-то дьявольская...

— Вот тебе, Труфан, два рубля, сбегай до киоска за «Театром».

Взял деньги и убежал. Вот у тебя, Труфан, жизнь, очевидно, в сто раз хуже моей... Быть может, мне и жаловаться грех? Но что значит — грех жаловаться?! Если тошно, если тоскливо, если жить — незачем и не для кого? Если нет

ни одного друга? Ни одного единомышленника? Ни одного человека рядом, которого уважал бы от души? Конечно же, они есть где-то, Истинные, Благородные Брахманы... Где-то в Москве... В Ленинграде... Там академии, консерватории, Эрмитаж, Третьяковская галерея... Где-то там... Но смогу ли когда-нибудь оказаться среди них? И когда? Через два года?

— Эй, Орел! Выкупай своего корифана! Гони трояк, а то я ему вломлю по рогам!

Толмач... Мерзкий урод с «Беломором» в зубах... Так и думал — от судьбы не убежишь. Труфан... Орел... Как бы я проткнул тебя шпагой, мерзкий урод! Да за одно лишь оскорбление моей графской фамилии я тебя должен... Благородный граф де ля Фер на моем месте заставил бы тебя ползти на коленях и умолять о помиловании... А я... У меня нет ни шпаги, ни пистолета Лепажа, чтобы принудить тебя к расплате... не на кулаках же с тобою драться, мерзкая ты тварь... Сколько лет мне еще суждено терпеть тебя?!

— На, подавись...

Ловит зеленую бумажку, скалится, отпускает руки Труфана, что выкручивал за спину, отвешивает ему пинка под зад и орет:

— Зиг!

Труфан нехотя вытягивается по стойке «смирно» и тянет вверх правую руку:

— Хайль...

— Чо, Орел, скоро твой пахан сдохнет? Хана тебе придет тогда.

Исчез.

А я вот живу в стране поголовного равенства, где равны все — подлые и благородные, интеллектуалы и тупицы, таланты и бездари... И должен сносить самые гнусные оскорбления. Если убью Толмача, меня посадят в колонию, где сидят одни толмачи, и тогда... не смогу же я в одиночку перебить всех толмачей в мире...

— Ну спасибо, Андрюха... Спас ты меня.

— Ну ладно, ладно... Придет еще твой срок... Все, пойдем. Перемена уже началась. Се ля ви, Труфан. С волками жить — по-волчьи выть. Запомни это, как сказал великий Дарвин, главный закон жизни.

Нет, одна-единственная надежда — появится вдруг однажды в жизни моей... Прекрасная Незнакомка... Благородная Истинная Брахманка... Эфирное, неземное, волшебное существо... Утонченнейшая эстетка... Блестящая интеллектуалка... Грациозная фея... И тогда... и тогда жизнь моя обретет вдруг чудесный смысл, и окажется — ненапрасными были все страдания мои... Ведь счастье — это чудо, что является внезапно среди мук, бед, горестей и — избавляет от них... Иначе и не может быть. И не может быть.

Но, это — не надежда. Это мечта. И мечта бессмысленная... Откуда, откуда вдруг появиться в нашем городе провинциальном Истинной Брахманке? Нет. Она — спит колдовским сном в далекой сумрачной пещере, и я появлюсь однажды там и разбужу Ее поцелуем своим...

Вот уже лестница... И та же драка на ней. Сейчас мы с тобой, Труфан, войдем в кабинет, и там... там будет все то же представление, что и всегда. Праздднество ликующих и воодушевленных народных масс.

Все те же казенные стены вокруг, исписанные матами, все тот же заплеванный пол... Такова наша дорога в Рай, как писал сатанист Бодлер.

Темпора нон мутантур. Вот и дверь. Занавес, маэстро!

Левченко стоит на столе и радостно декламирует:

— Сядьте, дети, в круг скорее. Расскажу про гонорею — отчего бывает вдруг этот маленький недуг.

Взрыв хохота. Поэма продолжается. Квалис артифекс перео!..

Труфан рисует мелом старика с бровями-щетками и с проводом, протянутым из штанов в электросеть, со вставленной в щель на затылке перфокартой от ЭВМ. Старец стоит на неимоверно высокой трибуне, сгибаясь под тяжестью орденов, держит бумагу и читает: «О! О! О! О! О!». А сзади ему говорят: «Леонид Ильич, это — олимпийские кольца. Доклад — ниже».

Еще взрыв хохота. Кво ускве, Катилина, абутере пациенция ностра?

Зосимова бросается к доске стирать труфановский шедевр:

— Что ты делаешь? Это же антисо-

ветская пропаганда! Он ведь генеральный секретарь нашей коммунистической партии!

— Мужики! Новый анекдот! — влетает Волков в кабинет.— Построили, значит, коммунизм, выходит Чебурашка на сцену и говорит: «Товарищи! Мы строили! Строили! И наконец построили!» Гробовая тишина. И голос из толпы: «Абдулла! Поджигай!»

И опять взрыв хохота. Панем ет цирценсес! Гибнущий Третий Рим...

Логинов разворачивает веером американскую милостыню:

— Рублик — жвачка, тройка — пачка!

Зазвенели копейки, зашуршали рубли. Логинов ухмыляется -- бизнес цветет.

Бутакова шепчется сзади с конфидентками:

— ...Затарился пузырем «Вермути»... врубили маг... к нему па колени села... потом ■ «Ромашку» играли...

У конфиденток, наверное, поблескивают глаза и рдеют ланиты: они ведь тоже так хотят. И потому нервически хихикают и ерзают на стульях.

— Ну-ка дыхни! — Одеколоном похмелился! Старшина, ■ тигрятник бичару! — разыгрывает Волков в лицах картину Рембрандта «Ночной патруль» и скручивает Бейкеру белы руки за спину.

Левченко врезает Логинову пинок в зад — тот бьет челом и спрашивает:

— Чо, Логин, рупь нашел?

Весельчаки вы, отцы пустынники и девы непорочны... Воистину шудра есть шудра, брахман есть брахман, и вместе им не сойтись, как писал великий Киплинг... Проклят я богами от рождения, яко царь Эдип.

— Орлов! Где там твоя политинформейшен? Опять в облаках витаешь? Смотри у нас, довитаешься когда-нибудь! — голос Бутаковой за спиной.

Благородный человек не может чинить зла даме. Какою бы она ни была. Даже такою, как ты, Бутакова. А между тем, по закону Ману, я обязан был бы... А по законам Ярослава Мудрого, и тем более подобало бы.

Стоп. Все. Хватит погрязать ■ фантазии, как ■ трясине. Что же? Без Насти не начать. Выйти бы к доске ■ напомнить всем вам Некрасова: «От ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки ■ крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви», а после этого сесть и спокойно ждать вызванную вами психбригаду... Нет, я уж-таки вам скажу!

— В Багдаде все спокойно, господа! Политинформация окончена. Довольный.

— Нехай...— летит вялый голос откуда-то с задних столов.

Дверь распахивается с грохотом. Настя влетает, пол под ней скрипит, шапка сбита набок, шарф развевается, портфель с оторванной ручкой выскальзывает изпод мышки:

— Так вот, ребята! Андрей Орлов занял вчера второе место на городской олимпиаде по физике! Андрюша! Я только что взяла грамоту у директора. Поздравляем тебя. Вот тебе приз — твой любимый поэт!

Грамота и томик Лермонтова оказываются в руках. Надо же, каков пассаж... Значит, второе место...Стереопроигрыватель первого класса... Не высшего, к великому сожалению... Впрочем, и то слава Богу. Если бы не эта олимпиада вчера, пришлось бы уговаривать отца не один месяц, если не год. А сейчас — договор ■ письменном виде. Два экземпляра. Во избежание подделки одной из сторон. От высоты призового места зависит класс аппарата. Кто тебя таким на свет произвел, отец? И как ты, мать, могла жить с таким немыслимым героическим бюрократом тридцать лет?

— Андрей, мы все тебя поздравляем и желаем впредь не снижать достигнутого уровня.

— Благодарю вас, Анастасия Николаевна. Торжественно обязуюсь повысить производительность процесса успеваемости и посещаемости на сто четыре целых тридцать шесть сотых процента по сравнению с текущим кварталом прошлой пятилетки.

— Андрей! Что это такое! Уж сейчас-то ты мог бы не паясничать?!

— А я и не паясничаю, Анастасия Николаевна. Мне разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца — пламенный мотор.

Но шум и крики нарастают.

Следует пауза. Потом — удар кулаком по столу:

— А ну замолчите, скотины!!! У меня от вас мозг болит! Ничего по-человечески не понимают! Распустились совсем! Последний стыд потеряли! Как начну по одному выкидывать, и без родителей ко мне лучше не появляйтесь! Орлов, спрячь грамоту.

Последние слова прогремели в гробовой тишине. Все расселись по своим местам, выпрямились, сделали серьезные лица и глядели Насте прямо в глаза.

— Что за люди-звери... По-человечески с ними говоришь — звереют, скотами обзовешь — людьми становятся... Эх, и тоска же зелена с вами со всеми... Чтоб вы все провалились... Ну ладно, итак, образ Печорина.

Родиться бы мне лет двести назад... Я бы учился в Царскосельском лицее вместе с вами, Александр Сергеевич... Нас посещал бы император и отечески благословлял... Лучшие профессора, поэты и академики уводили бы нас в мир греческих мудрецов и римских героев, возвышали бы мысли мои немецкой философией, а чувства — итальянской живописью и музыкой...

Только Личность может нести в себе Истину, Красоту и Благородство. Личности не объединяются в коллектив. У них не возникает такого желания.

Объединение нужно слабым, чтобы стать сильнее, глупым, чтобы стать умнее, трусливым, чтобы стать смелее, бездарным, чтобы стать талантливее. Нет, не стать, конечно же, а — создать видимость, произвести впечатление.

И приходит к такому коллективу Сталин, Мао или Гитлер и возглашает: «Вы — Сверхлюди! Вы — передовой гегемон! Вы — прогрессивный авангард!»

А потом — океан крови, миллионы трупов, концлагеря, газовые камеры, пытки и расстрелы, идеологические проработки и допросы...

—...ребята, Печорин был далек от народа...

Конечно, еще бы... Революцию он не принял, в коммунизм не верил, а если бы его на БАМ, да с Толмачем подружить, он бы, глядишь, и в комсомол вступил...

...А сейчас литература уже кончилась, и ты, Зосимова, подходишь ко мне, чтобы снова меня агитировать.

— Андрей, ты теперь просто уже не можешь уклоняться от вступления в Ленинский комсомол. Ты, как один из лучших учеников школы, должен осознать...

— А я и так все осознаю.

— Ты допускаешь прогулы, опоздания, сбегаешь с уроков. Вот почему ты сегодня не был на первом уроке?

— Я организовывал сбор средств в помощь детям Вьетнама.

— И где же ты это организовывал?

— В подшефном детском саду.

— Орлов! Ты когда-нибудь перестанешь говорить глупости?!

— А что я сказал такого глупого? Детей нужно еще с детсадовского возраста воспитывать в духе пролетарского интернационализма.

— Да если ты не вступишь в комсомол, тебя потом ни в один институт не возьмут и в партию не примут. А без партбилета ты нигде карьеру не сделаешь — ни в науке, ни в искусстве...

— А я не карьерист и лицемер, чтобы вступать в комсомол ради карьеры. Комсомолец должен быть принципиальным и самоотверженным. А тут — какая самоотверженность? Вот Тафиса — директор школы и парторг. Она, по-твоему, самоотверженная? Нет, Марина, не нужно мне такого комсомола и такой партии.

— Атас!!! — Волков влетает в кабинет и воет милицейской сиреной.—Встать! Суд идет!

Тридцать шесть человек молниеносно вскакивают из-за стола и выстраиваются ровненькими, в затылочек, рядами. Значит, сейчас будет история.

Сначала в гробовой тишине раздается печатный шаг, потом появляется сама его обладательница. Тридцать шесть круглых глаз провожают ее от двери до возвышения, где стоит стол. Тамара Филипповна Санникова чинно водружает себя на помост, важно расправляет юбку, проглатывает аршин и торжественно откидывается на спинку стула. Взгляд блеклых, как у сушеной воблы, глаз, окруженных громадными коричневыми кругами, пригвождает к полу.

— Садитесь,— изрекает Тафиса. Точнее, вгоняет гвоздь в тридцать шесть черепов с одного удара по самую шляпку.— Крымская война. Кто желает отвечать?

Никто не желает. Тогда посмотрим, кто у нас долго [redacted] отвечал.

Ее ручка медленно поползла сверху вниз [redacted] графе классного журнала. И тридцать шесть голов так же медленно склонились [redacted] столам, втянулись в плечи, словно ожидая удара, и уткнулись в учебники. Словно [redacted] электросети начало падать напряжение, [redacted] стрелки тридцати шести вольтметров, испуская дух, упали до нуля.

— Орлов.

Вроде бы ничего не упустил. Зрение и слух медленно возвращаются.

— Ответил ты, Орлов, неплохо, но нужно взглянуть на твою контурную карту.

— Пожалуйста, взгляните.

— Как [redacted] так, Орлов? Ты не обозначил [redacted] и годы высадки десантов. Три, Орлов.

— Что?! Три?!

— Тебе кто позволил пререкаться с директором?! Это что еще за тон? У тебя головокружение от успехов?! Первое место в городской олимпиаде по математике, первое — по английскому языку, второе — [redacted] физике, и ты решил, что к тебе должны относиться по-особому? И [redacted] последний раз советую купить школьную форму. Здесь не театр, чтобы ходить [redacted] выходном костюме. А если не подстрижешься, на следующий урок не приходи.

— [redacted] не [redacted] армии, чтобы носить форму [redacted] подстригаться.

— Ты — [redacted] советской школе, а не в американском колледже, где можно анархию разводить. Советская школа призвана воспитывать [redacted] анархистов и антисоветчиков вроде тебя, а идейных бойцов.

— Это почему [redacted] я — антисоветчик?

— Ты категорически отказываешься вступать в комсомол уже второй год. Из каких [redacted] соображений ты так делаешь?

— Я православный. Мне вера запрещает вступать [redacted] бесовскую организацию.

— Ты бы, Орлов, собирал чемоданы [redacted] катился [redacted] свою любимую Америку. Если бы не твой заслуженный отец, я бы давно уже поставила вопрос о твоем пребывании во вверенной мне партией школе. Ставлю тебе не три, [redacted] два. И сегодня же позвоню на службу твоему отцу.

Вот сейчас достану из «дипломата» томик Лермонтова... [redacted] окажусь [redacted] салоне придворных... среди поэтов и кавалергардов.

«Когда Рафаэль вдохновенный Пречистой Девы лик священный живою кистью окончал,— своим искусством восхищенный, он пред картиною упал!» И это создано вами, Михаил Юрьевич, в пятнадцать лет... В моем нынешнем возрасте...

Но что может вдохновить меня? Но кто?

«Когда Орлов наш, вдохновенный, Тафисы-девы лик священный...»

Это было бы даже смешно, не будь это на самом деле столь грустно...

Нет, я непременно когда-нибудь начну складывать строки и рифмовать... Но лишь тогда, когда появится вдруг в жизни моей Прекрасная Незнакомка...

Вы появитесь, фея, из Ниоткуда... и двое свирепых телохранителей-негров будут сопровождать Вас следом... Вы — стройная, изящная, грациозная — поплывете медленно, слегка покачиваясь на высоких тоненьких каблучках... движения Ваши плавно переливаются друг в друга... легкие жилки играют на гибкой шейке... походка невесома и воздушна... неведомый приторно-терпкий аромат разливается вокруг пульсирующими волнами... [redacted] кружит, кружит голову... золотистые локоны ниспадают каскадом Вам на плечи — тюльпан, перевернутый бутоном вниз... Вы медленно оглядываетесь на меня... огромные карие глаза в пол-лица смотрят как будто испуганно — третий мир после мира первого... лик принцессы — плавные линии, прямые и ровные, словно из-под резца Фидия, сходятся на нежном подбородке... ямочки на матово-бледных щеках... тонкие губы подведены темно-вишневой помадой... лик Ваш кажется написанным масляными красками — «Всадница» Карла Брюллова? Герцогиня Боуфорт Гейнсборо? Мадонна Лукаса Кранаха?

Что это? У меня фазу вышибло? Перегрелся мозг вчера на олимпиаде? Кабинет плывет перед глазами...

Откуда Вы, фея?

Но Вы, фея, чуть закусываете губу и подходите к столу. Римский точеный профиль. Оборачиваетесь к телохранителям и говорите им что-то чуть слышно на неведомом языке — языке мира-1, очевидно, мира Истинных Благородных

Брахманов... Прядь волос падает вам на лицо. Вы поправляете ее длинными холеными пальцами — с чем сравнить белизну их? с афинским мрамором? с первым снегом?— [redacted] темно-вишневый лак того же оттенка, что и помада, напоминает разбрызганные по снегу капли благородного вина старинной выдержки. Массивный золотой перстень с рубином словно оттягивает книзу хрупкую руку и вдруг вспыхивает в лучах незакатного солнца...

Вы облачены в нечто воздушное и искристое, чему и названия нет...

Кто Вы, Незнакомка?

И Вы тихо говорите что-то Насте и окидываете взором своим испуганную орущую толпу биомодулей...

— А ну кончайте орать, а то всех выкину!!— гаркнула Настя на весь кабинет.

Нет, вот сейчас закрою глаза... И вы — исчезнете.

А сейчас открою — и Вас уже не будет.

Вы... не исчезаете... не исчезаете... не исчезаете... не исчезаете...

Сон или явь?!

...я схожу с ума... я заигрался, я запутался во всех своих бесконечных ролях и розыгрышах, я не могу отличить мираж фантом иллюзион призрак от яви.

Вы обернулись к своим телохранителям, что-то сказали им на неземном языке... Один из них встал... Стройный брюнет, похожий на индейца... Впрочем, он, очевидно, [redacted] есть индеец...

Телохранитель оглядел кабинет и вдруг что-то резко сказал, словно выстрелил.

— Мигель и Санчес передают вам привет от кубинской молодежи,— переводите Вы.— Теперь они вам расскажут об одиннадцатом фестивале молодежи и студентов...

...Мигель говорит по две-три фразы... Вы — переводите... Голос Ваш переливается из тональности в тональность, вибрирует, звенит, скрывает смысл слов... И мне вовсе не нужен смысл. Лишь слышать голос Ваш, лишь на долю секунды встречаться с глазами Вашими, когда обводите Вы взором кабинет [redacted] ни на ком не задерживаете внимания...

...не задерживаете внимания... Но смею ли надеяться... нет, смею ли даже... мечтать об этом?! В далеком неземном мире Вашем окружают Вас принцы крови, галантные поэты, возвышенные духом мудрецы... смеют ли сравнить себя с кем-либо из окружения Вашего?! Не будет ли оскорбительным это для них [redacted] для Вас? И — для Вас?..

Знаю — никогда не смогу приблизиться [redacted] Вам, просто приблизиться, ощутить легкое дыхание Ваше, услышать биение сердца Вашего, утонуть в волнах приторно-терпкого благоухания Вашего... Мне станет жутко. Сила неведомая сдавит тело мое, парализует [redacted] мои, тьма застит глаза мои...

Знаю — никогда не смогу заговорить с Вами. Уста мои не разомкнутся, голос не прорвется сквозь спазмы гортани, язык перестанет слушаться. Что бы [redacted] сказал — любое слово оскорбит Ваш слух и вкус Ваш обыденностью [redacted] безыскусностью своею...

Знаю — что бы ни подумал о Вас,— всякая мысль будет слишком грубой и вещественной, чтобы передать [redacted] чувства... О чем бы ни мечтал я, глядя на Вас,— все это будет лишь мечтаниями, пустыми [redacted] безумными... На что бы ни надеялся — несбыточными будут надежды мои...

Разве только на то, чтобы следовать смиренно за Вами, охраняя Вас, быть верным и преданным телохранителем Вашим, безмолвно служить Вам. Вы — не выживете [redacted] моем мире. Вы отравитесь, смертельно отравитесь зловредными ядовитыми испарениями и — погибнете.

Я — не выживу [redacted] мире Вашем,— [redacted] захлебнусь кристальным эфиром высоты и лишусь чувств, как привычный к смертоносным миазмам большого города теряет сознание, оказываясь в лесу, среди переизбытка животворного кислорода...

Телохранители Ваши свирепые поют гимн неземной красоте Вашей и грации. Два пронзительно-печальных голоса взлетают и падают, беспомощно жалуются и угрожают кому-то неведомому, тоскуют и надеются, замирают в отчаянии и взрываются скрытой чудовищной мощью... Они обречены навеки быть всего лишь бессловесными телохранителями Вашими — и не более. И не более. Оттого и бездонная бездна отчаяния и преклонения разверзается в вибрациях голосов их.

Глубочайший минор. Фа-диез-минор, как «соната квази уна фантазиа» сумрач-

ного [redacted] глухого германского гения? Соната призраков лунных?

— Дорогие друзья, Мигель [redacted] Санчес спели для вас кубинскую народную песню «Черная слеза».

Воистину... Воистину — уродливое лицо, улыбка уродует еще более, обыден- [redacted] лицо улыбка не меняет, но прекрасное лицо улыбка вдруг расцвечивает драгоценной палитрой полутонов скрытых, неуловимых, дарующих отблески нового Неба и новой Земли, где не проливаются слезы, [redacted] проступают морщины, не сжимаются страданием сердца, [redacted] сама природа [redacted] ведает осеннего увядания и зимней стужи... Золотой Век тихой радостной нежности... Эолова арфа под легкими ду- [redacted] ветра дарит чарующую гар- [redacted] вечнозеленому парку...

... зачем этот пронзительный звук столь грубо [redacted] беспощадно режет слух?.. Почему все встают и исчезают куда-то?.. Почему Вы делаете шаг [redacted] двери [redacted] телохранители Ваши следуют [redacted] Вами прочь [redacted] этого черно-белого кабинета?.. И почему я остаюсь один среди гулкой пустоты?..

— Вернулся уже, Андрюшенька? Как день прошел?

— Все [redacted] всегда. Будто ты не знаешь, бабушка... Грамоту получил за второе место во вчерашней олимпиаде.

— Поздравляю, милый. Ты уж не ленись, учись лучше. Помнишь, что Христос говорил? «Если свет, который в тебе,— тьма, то какова [redacted] тьма?»

— Помню... Еще бы...

Христос... Ведь я понимаю тебя, Христос... Ты хотел научить всех жить по Духу, [redacted] не по плоти... Но неужели не видел Ты, неужели не понимал — нельзя их научить этому, нельзя... Если сейчас еще [redacted] каменный век, то тогда, две [redacted] лет назад, когда пришел Ты... Но знаешь — если бы Ты пришел снова сейчас [redacted] позвал меня, я пошел бы за Тобой без раздумий... Нас с Тобою было бы двое...

— Христос еще говорил: «Бойтесь не убивающих тело, но убивающих душу». А вокруг нас с тобою — одни убийцы душ... Почти поголовно... Я знаю, ты ответишь — Иоанн это и предсказал [redacted] Апокалипсисе: перед вторым Пришествием весь мир будет отдан Дьяволу в полную власть [redacted] три с половиной года. Значит, мы живем уже [redacted] самые предпоследние времена... Я знаю ведь — все так и будет, как описал Иоанн... Да почти все уже сбылось — железная саранча, летящая по небу с грохотом, атомная звезда Полынь, что упала на источники вод... И тем лучше! Пусть уж поскорее, раз иначе не может быть... Ведь для кого мне жить, скажи ты мне?! И для чего? Кому я нужен?

— Нельзя так, Андрюша... Мне ты нужен... Отцу нужен... Господу нужен.

— Тебе уже семьдесят восемь, отцу — пятьдесят девять, мать — в мире лучшем... Скоро совсем один останусь... А Господь... Скажи, за что Он мучает меня с детства? В чем [redacted] виноват перед Ним?

— Напрасно ты, Андрюша, на Господа ропщешь. Испытывает Он тебя и очищает, чтобы укрепить душу твою. Ты же читал Иова: «Кого возлюбил Я более всех, тому и посылаю испытания самые тяжкие».

— Знаю, знаю... И вот все вы... Пострадай — и коммунизм будет... Пострадай — [redacted] вечное блаженство в раю заслужишь... А почему нельзя без страдания?! Да и все равно [redacted] в ад попаду — я же гордый, [redacted] церкви раз в году бываю, пост не выполняю, ближних своих в школе не люблю... Как раз наоборот даже... А ведь я хотел бы полюбить их! Ты мне веришь? Очень хотел бы... Но ведь сами они меня никогда не полюбят, я знаю... И мне ведь жаль их даже... Они просто не знают, как быть счастливыми, их никто этому не учил... Они несчастны, страшно несчастны по сравнению со мною, ведь они же нищие духом — потому они и жестоки, глупы, низки... Да пусть же скорее будет Третья мировая и Конец света. Только бы умереть без мучений — испариться сразу, [redacted] все... И чтобы никакой загробной жизни, чтобы ни ада, ни рая — ничего...

— Ты повзрослеешь, Андрюша, укрепишься душой [redacted] духом, поймешь жизнь, поймешь людей и себя — тогда и мудрость Божию поймешь.

— Вот так всегда! «Вырастешь — узнаешь»! Что это за мудрость, если она никому не понятна?

— Отчего же никому? Всякому станет понятна, если углубит человек разум, успокоит душу, очистит дух свой... А ты ведь все бунтуешь, все гордишься, как

Люцифер: «Не подчинюсь Господу!» Как ты к Господу относишься, так и Господь к тебе. Но Он бесконечно милостив... Он прощает тебе, а ты — все равно бунтуешь. Такие уж люди сейчас... Словно все от жизни взять хотят. Забыли они — добро к человеку приходит лишь как награда за то добро, что другим людям сделал. И за все дела приходится еще при земной жизни ответ держать. Или кару получать, или — награду. Тут ведь закон природы — что ты другим делаешь, то же потом к тебе и вернется. И стократ вернется, когда уже и забудешь, за что. Раньше люди старались по сердцу жить и по совести. А сейчас — по одному умственному расчету. И увидишь, что из этого выйдет, если не образумятся вовремя и не обратятся снова к вере.

— Не обратятся, ты же знаешь...

Вот она, Суперстена моя! От пола до потолка. Пять метров в длину, два с половиной [redacted] высоту. Почти два года собирал ее по фрагменту, по портрету, по фотографии... Год обдумывал композицию — кого в самый центр, кого — по бокам, кого — вверх, кого — пониже...

Тысячи улыбок. Тысячи взглядов. Тысяча артистов в тысяче ролей... Вивальди... Тургенев... Бах... Моцарт... Софи Лорен... Циолковский... Ахмадулина... Лермонтов... Чайковский... Вознесенский... Шопен... Смоктуновский... Бетховен... Окуджава... Бодлер... Кант... Верлен... Достоевский... Уальд... Скрябин... Данте... Платон... Тухманов... Фет... Пуанкаре... и так далее... и так далее... [redacted] так далее... и так далее...

Нависаешь ты надо мною, многоцветная, притягательная, бескрайняя, словно гигантский небоскреб, из каждого окна которого кто-то смотрит приветливо на меня и как бы благословляет: «Ты — Брахман, милый юноша. Не забывай. Не забывай. Не забывай...».

Неземная обитель, летающий город-остров, где нет слез и страданий, где нет и не может быть подлости, зависти, торгашества, насилия, пошлости, ненависти... где вы, Брахманы, братья друг другу, хотя бы и жили вы на разных концах Земли, хотя бы и разделяли вас эпохи, эры и тысячелетия...

И братство ваше невидимое творит [redacted] века [redacted] век хрупкую ажурную конструкцию — что-то воздушное, вознесенное под облака, прозрачное, но несокрушимое [redacted] прочности своей — бессмертный храм Красоты, Истины, Благородства! Каждое поколение надстраивает и надстраивает храм этот, ввысь [redacted] ввысь уходят [redacted] и башни, витражи и купола его! И братство ваше прочнее всяческих уз земных.

Нет. Так нельзя уже. В глаза [redacted] бросается — что стряслось с Артистом? Ни одного опоздания, [redacted] одного пропущенного урока за две недели. Но я... нет, можно [redacted] о чем-нибудь догадаться, глядя на меня? Я таков, как и всегда. Ничего не случилось. Ничего. И вы, дорогие мои, вовсе не столь наблюдательны, чтобы заметить, куда устремлен взгляд мой безнадежный изо дня в день... Вы способны замечать лишь внешнее. Но что творится при этом [redacted] душе моей, того знать вам, слава богу, [redacted] дано...

«Как?! Артист отсиживает все уроки, чтобы каждый день видеть практикантку с испанского?! Негодяй! Как он смеет! Никогда не обращал внимания на наших девочек, [redacted] тут вдруг...»

...Вращение кассет... шелест ленты... [redacted] норные аккорды... здесь, [redacted] полумраке, густо-синяя тьма вливается с ароматом талого снега [redacted] распахнутые рамы... кружатся пары вокруг оси своей... странно... те же лица — полупьяные, разгоряченные, вульгарно накрашенные: гулянка [redacted] портовом кабаке, матросня со [redacted] девками, но почему же видится мне неуклюжее топтание этих парочек [redacted] каком-то волшебном свечении, призрачно-фосфорном?! Почему вместо крыс, впряженных в тыкву, мерещится [redacted] шестерка белых коней со страусовыми плюмажами, что несет золотую карету?! Отчего вижу великосветский бал в портовой вечеринке?!

Профиль на фоне полнолунного неба. Вы — напротив меня, у окна. Я — напротив Вас, у стены. Мы... Господи, [redacted] ли сказать даже в мыслях [redacted] — «М Ы»?!

Но шаги Ваши — ко мне?! Лунная аура вкруг облака локонов. Да, [redacted] мне! смутным облаком колдовское амбрэ [redacted] тягостной истоме секунды [redacted] гравитационным излучением Божественного полюса неведомого магнита замкнули силовые поля свои...

— Бон суар, мсье Орлов. Я посижу с тобою рядом, ты не против?
«...где даже смерть легка — в краю желанном, на тебя похожем...»

— Так и ты, о Поэт! Ты паришь в океане, неподвластный ветрам, непокорный Судьбе. Но ходить по земле среди криков и брани исполинские крылья мешают тебе.

— Прекрасная аппаратура у тебя. Какая тонкая и точная передача звука. Я тебе завидую хорошей завистью. Таких магнитофонов не бывает в продаже.

— Мой отец служит государю верой и правдой. Он — столоначальник губернского департамента, и для него нет ничего невозможного...

— Вот как? Это любопытно. Итак, ты — юный дворянин, сын служилого человека?

— В некотором смысле...

— А почему ты не танцуешь?

— Я не хочу танцевать ни с кем, кроме вас.

— Я могу понимать это как приглашение?

— Да.
...медленно, немыслимо медленно мраморно-рубиновая рука плывет в полумраке к плечу моему, неощутимо касается — не чувствую, только вижу искристый шлейф, след движения ее...

«...десять лет замиранья и крика, все мои бессонные ночи я вложила в тихое слово, в тихое слово, в тихое слово...»

...голосу вторят скрипки пронзительно-нежно, и звуки парят, летят, раскидывают, как стрижи, свистящие крылья свои, им тесно здесь, скрипкам-стрижам, они раздвигают, разрывают стены и уносят их по фрагменту, по обрывку на свистящих крыльях своих, словно клочья черно-белой фотографии, мрачной и темной...
... нет вокруг ничего, более нет вокруг ничего... ничего... лишь шум прибоя и звездные искры... безвозвратно улетают в Небо секунды, и звуки несутся вослед за ними...
...только омут огромных карих глаз... бездонных глаз...
...медленно затягивает он меня... тону, тону [redacted] полусонном бессилии...
...дно непонятно чего... кружатся пары с плюмажами и аксельбантами... снова [redacted] снова кружатся... Богиня-Птица-Волна... где же Вы?.. Исчезли... а я где?.. я—где? что со мной?.. это обыденный до боли тридцать девятый кабинет, где шестое марта семьдесят девятого или — гиперпространство, где секунда равна Вечности, а темноглазая Посланница Далекого Призрачного Мира превращается [redacted] Волну... и Волна — в Птицу?... это — я? Артист?! Обитатель мира ля-миноров, повелитель плюсквамперфектов, вершитель судеб конгруэнтных фигур?! а Вы? Вы?.. Вы — вернетесь?.. вернетесь?
...зачем смеетесь Вы надо мной? Зачем дразните меня? убейте лучше сразу, убейте, как императрица Клеопатра, за один лишь вечер этот проводить Вас сегодня? Смешно... Юный рыцарь... «Какой симпатичный младший братик у Вас, Ирина Алексеевна».

Исчезну аннигилируюсь сию же секунду вернусь домой сожгу эту пленку с элегией колдовской чтобы никогда [redacted] напоминала она об этом танце нашем сожгу сборник Бодлера и «Литератюр франсэз» выброшу Электропророка из [redacted] пусть разлетится вдребезги об асфальт отолью у отца стакан водки выпью залпом и буду внушать себе всю ночь ничего [redacted] было ничего [redacted] было ничего [redacted] было все по-старому все по-старому [redacted] утром утром усажу себя за клавиши баховская токката ре-минор сумрачный германский гений битва богов и титанов и до сих трансцендентальных стратосфер уже [redacted] поднимутся вибрации сердца Вашего вибрации сердца моего эфир слишком разряжен там сим чувствам [redacted] расцвести в нем сим крыльям не опереться [redacted] воздушные потоки они [redacted] у поверхности лишь у Земли [redacted] если Антей оторвется от животворных объятий ее он погибнет погибнет погибнет погибнет погибнет

— Артист! Ты чего?! Ты куда это собрался?!

— Будь человеком, останься хоть на полчаса!

— Давай уж, Орлов, до полдесятого!

— Андрей, ты постоянно отрываешься от коллектива! Где твое чувство товарищества?!

— Оставьте свои проповеди для других, мадемуазель Зосимова... Я родился индивидуалистом — и умру им.

— Андрей. Если хочешь, мы вместе зайдем к твоему отцу, и я скажу ему,

что именно я попросила тебя остаться до одиннадцати.

Или слух изменил мне? Или разум скатился за ту грань, откуда возврата нет? Или слова несут отныне и навеки новый смысл, ведомый всем, но неведомый мне? «вместо зайдем к...»? Вы — будете провожать меня?! Я — буду провожать Вас? **Нет никогда прежде [redacted] когда более второе следствие постулата [redacted] нарушение всех условий нарушение всех кондиций сдвиг по астрофазе под назва- [redacted] «Чудо» чудо? чудо?!**

Вы, Призрачная, спускаетесь по высоким ступеням из ореола электросвета в объятия звездного сумрака — Афродита нисходит с мраморного пьедестала своего на грешную землю.

— Я восхищена тобою. Могла ли я представить, что мой подопечный знает Бодлера в подлиннике наизусть...

— Я люблю у него далеко не все. Как можно восхищаться описанием гниющего трупа лошади, по которому ползают мухи?

— А сам ты пишешь стихи или музыку?

— Не знаю... Если я играю клавир Моцарта или Шопена [redacted] по тексту, а так, как сам это слышу внутренним слухом и понимаю, то творю я или нет? Можно считать импровизацию творчеством?

— Юношу отдают в обучение к мастеру, он вначале растирает краски, делает кисти, затем учится композиции, передаче светотени, колористике, а позже— копирует мастеров, подражает им. Так сам он становится мастером. Ты читал «Портрет художника в юности» Джеймса Джойса?

— Джойса? Нет, к сожалению... Но я прочту, непременно прочту. Так Вы считаете — от импровизации можно перейти к настоящему творчеству?

— Что значит — перейти? — Вы слегка пожимаете плечами и улыбаетесь мне.— Если в тебе спит творец, он проявится, если нет — будешь не более чем импровизатором. Можешь, впрочем, и этому разучиться — просто зарыть свой талант в землю, как это и бывает на каждом шагу...

— Конечно же, чего проще... Когда вокруг тафисы с плетками семихвостными: «Диагноз — Бах и Брамс. В палату номер шесть его! А то летает все, летает — Альбатрос, Буревестник! Вот мы ему хвост-то повыдерем!»

— А об этом стоит думать менее всего. Вековая присказка русского интеллигента: «Среда заела»... Мы с тобою появились на свет не для того, чтобы жить по указке скудоумных мещан, не правда ли?

Какое созвучие мыслей... Воистину... Нет, воистину может быть в мире что-нибудь невозможное?! Вековые мечты мои... Господи... Кто Вы, Богиня? Афина? Афродита?

— Конечно! Сильный человек должен презирать мещан, а не опасаться их... Вот только... накатывает иногда девятым валом такая усталость и тоска... словом живым не с кем перекинуться... Помните, [redacted] Библии: «Не мечите бисера перед свиньями и не давайте святыни псам, они, пожрав ее, обратятся на вас». И это говорит Христос, символ смирения [redacted] кротости.

— Когда я училась [redacted] школе, у нас тоже выпивали, курили и все прочее, но что у вас творится... Девочки приходят с перемены — от них так табаком несет, что [redacted] глазах темнеет...

— Чему же тут удивляться? Кто наши учителя и наставники? Вчерашние колхозницы... Вот если бы мы с Вами жили до революции...

— Если бы... Какой смысл мечтать о прошедшем? А касательно будущего у тебя какие планы?

— Я хотел бы стать артистом или режиссером.

— Вот как? Юношеский максимализм в разгаре? И ты собираешься устроить революцию в искусстве, не менее?

— Да! Изгнать из искусства всех шудр и вернуть ему былое величие.

— Увы, Андрей... Со временем ты поймешь — невозможно облагородить не то что весь мир искусства, но даже хотя бы одного человека, если тот сам не пожелает. И тебе будет весьма нелегко пережить такое открытие...

— Я знаю... Я пережил уже много таких открытий... И все же я хочу верить... Нет, я надеюсь... Ведь иначе зачем жить?

— Поступишь в институт, изучишь диамат, истмат — роль личности в истории обусловлена общественной необхо-

димостью...— горько-презрительная улыбка появилась на лице Вашем.— Проще говоря, если люди сами [redacted] захотят улучшить себя, насильно их никто не улучшит. Хотя у нас принято свято верить [redacted] обратное... Нет. Никакие проповеди тут не помогут. Есть у меня одна знакомая, Наташа. На Льве Толстом помешалась. Мечтает спасти мир, а саму себя спасти не [redacted] силах... Смешно... «О [redacted] шумите вы, народные витии?»

— А может быть, иному человеку давно уже хочется как-то улучшить себя, но он не знает, с чего начать? Рядом с ним нет никого, кто мог бы его понять, поддержать чем-то, посоветовать что-то, как-нибудь направить и помочь. Не будет же он говорить первому встречному: «Хочу стать лучше! Помоги мне стать лучше!»

— Допустим, есть такие люди.Вот теперь скажи мне: много таких людей ты встречал?

— Да. У [redacted] дома целая стена заклеена [redacted] портретами.

— Чьими же? Это твои знакомые?

— В некотором смысле. Это — композиторы, ученые, философы, писатели. И они для меня — гораздо более живые, нежели те, кто меня окружает [redacted] жизни. Вот они, эти живые, мне кажутся как раз мертвыми.

— Да, я понимаю тебя... Очень хорошо понимаю. Но ведь великие люди рождаются по одному на сто миллионов. Впрочем, тем лучше... С другой стороны...

Нет, [redacted] буду загадывать. Фатум на моей стороне. Все будет прекрасно.

— Добрый вечер. Я — классный руководитель восьмого «Б». Это по моей вине Андрей сегодня задержался.

— Ничего страшного,— отец растягивает губы [redacted] улыбке, словно меха гармошки.— Раз надо, значит, надо. Коллектив решает все. Проходите.

— Нет, благодарю вас. Уже поздно. Мне надо идти.

— Отец, я должен проводить даму.

— Как же не проводить такую красавицу?!

Новое чудо... Словно Вы, Золотоволосая, излучаете вокруг себя какое-то особое умиротворение... словно облагораживаете всех одним лишь своим присутствием...

— Твой отец, очевидно, раньше слу[redacted] офицером?

— До сих пор выправка чувствуется? Вы недалеки от истины. Если бы он в пятьдесят шестом году не променял мундир полковника на кресло начальника отдела в горисполкоме, то непременно дослужился бы до генерала. На таких людях вся советская власть держится.

— Во всяком случае, он — сильный человек. И знает, что ему надо. Это чувствуется сразу. Прекрасные качества, [redacted] правда ли? А знаешь, что делает ге[redacted] гением? Огромное неприятие всего вокруг. А [redacted] первую очередь — самого себя. И отсюда — огромное, страстное желание все изменить. Если твои намерения выльются во что-нибудь, ты со своей верой [redacted] надеждой добьешься чего-то невиданного. А если нет — судьба тебя жестоко покарает... Дерзай! В мире нет ничего невозможного, поверь мне. Сражайся. Арджуна, как говорит мой старый знакомый Поль Бельский...

Мы уже [redacted] остановке. Слегка отстраняетесь. Смотрите [redacted] глаза.

— Бельский? Кто это?!

— Наша инязовская знаменитость. А ты ревнив [redacted] на шутку, как я вижу... Дальше провожать меня не надо, Андрей. Увидимся завтра в школе.

Эхо пружинно пульсирует среди стеклосталебетонных домов. Волны звука звенят о лед лужиц, по зеркальной глади их ползут трещинки...

нет нельзя верить невозможно верить Богиня всемогуща и потому капризна минутная прихоть пустая фантазия очаровать смертного свести с ума вскружить голову довести до безумия и покинуть навсегда с хрустальным смехом эксперимент? любопытство что представляют из себя наиболее интересные экземпляры нынешних восьмиклассников? не слишком ли прекрасно это чтобы быть настоящим?

Но нет. Нет! «Увидимся завтра»!

— Андрюшенька, ты проснулся, милый мой? Пойдем, я тебе уже завтрак приготовила, святой водички попьем, просфорочку скушаем. «Отче наш» прочтем...

— Да, спасибо. Знаешь, ты ведь [redacted]

 —С0062—

почему-то не рассказывала никогда, как ты познакомилась с дедом.

— Неужели? Это еще в шестнадцатом году было, Андрюша... Благотворительный бал устраивали [redacted] губернской думе в пользу раненых... И Андрей Георгиевич пригласил меня на тур вальса. Я еще тогда [redacted] гимназии училась, [redacted] он уже служил инженером на Транссибирской железной дороге... После бала проводил меня домой... Мы начали встречаться... Он дарил мне цветы, мы ходили на спектакли, на концерты, на балы... В семнадцатом — обвенчались [redacted] Кафедральном соборе. Огромный был собор, Андрюша, и прекрасный, как Исаакиевский [redacted] Петербурге... Его потом взорвали, [redacted] [redacted] этом месте построили обком партии... И тут — революция. Все смешалось, запуталось... Дом у нас отобрали, превратили в коммуналку, а нам оставили одну комнату. Мы богатыми не были, Андрюша, но имелись у нас небольшие сбережения. У Андрея Георгиевича жалование было по тем временам хорошее... Но потом у нас устроили обыск... Началась гражданская война, голод, эпидемии, грабежи... И уж как он звал меня уехать [redacted] России, как уговаривал... А я не могла, Андрюша... Я умолила его остаться...

— А дальше что было?

— Голод был. Нищета была. Пришлось продать почти все, что не отобрали у нас... Постой, Андрюшенька. Уже без четверти восемь. Ты снова опаздываешь. Собирайся скорее. Рубашку [redacted] тебе выстирала. Вот тебе 10 рублей к празднику.

— Спасибо тебе. Бабушка, милая, одна ты меня любишь на всем свете белом...

Нет, что это я?! Ведь теперь — все иначе! Сегодня начинается совсем новая жизнь!!! Цветы... Да! Цветы! Я должен сегодня подарить Вам цветы, Золотоволосая... Ведь завтра — Восьмое марта. Как же [redacted] мог забыть? Я должен подарить Вам такое нечто... такое, что потрясло бы воображение Ваше, что явило всю глубину моего благоговения перед Вами, такое, чего никто Вам подарить не может, кроме меня! И подарю я Вам... нет, сразу не придумать... А сегодня... Конечно же, сегодня я приглашу Вас в драмтеатр. Там идет «Чайка» чеховская. Как раз... Фортуна мне улыбается! Что было бы делать, если бы шла какая-нибудь агитка?!

И вот — розы уже [redacted] руках Ваших.

— Я польщена...

— Этот вечер у вас свободен?

— Ты хочешь пригласить меня куда-нибудь?

Вы — ясновидящая... Как это подобает Богине...

— Да. «Чайка» [redacted] драмтеатре.

— Великолепно. Бери билеты. Или ты уже взял?

— Вы не ошиблись. Ложа бельэтажа. Только для вас.

— Я очень рада. Я тоже приготовила тебе сюрприз.

Что это? Книга карманного формата в мягкой глянцевой обложке. Благородный юноша [redacted] фраке глядит на свой портрет... Алая роза в петлице...

— На бульваре у телецентра. Жду тебя [redacted] половине седьмого. Айл би хепи ту си зис драма. Соу лонг.

На старый город неспешно [redacted] величественно опускаются сумерки. Древний гранит домов свято бережет былое изящество и благородство, завещанные нам веком минувшим. Но напрасно тянутся доселе [redacted] век двадцатый руки творцов величия сего — некому в этой обыденности, приземленности и посредственности принять бесценный их дар... «Их Дух, их Мысль, их Ритм, их крик...»

Старый город расстилает коврами улицы свои перед нами.

Сапожки Ваши скользят по мокрому мягкому снегу. Вы держите меня под руку. Вы очарованы закатом. Вы храните молчание.

— Вы видели «Армагеддон» Николая Константиновича Рериха?

— Да... Толпы людей [redacted] балахонах смертников уныло бредут куда-то по краю пропасти мимо развалин древних дворцов и крепостей... Почему ты вдруг вспомнил об этой картине?

— Взгляните — кажется, будто в воздухе висит золотистое свечение. Такое же ядовито-золотистое свечение воздуха [redacted] на полотне его... А это свечение радиоактивности. Откуда мог знать Рерих, что [redacted] Хиросиме сорок пятого воздух будет светиться именно так? Кто он, Рерих?.. Нет, Вы простите меня... *Мне отчего-то стало очень грустно и*

очень тревожно... знаю знаю отчего этот закат умирающий этот светящийся воздух эти древние гранитные дома это прикосновение рук Ваших к рукам моим — какая трепетная хрупкость! какая пронзительная беззащитность! живой звуковидеофантом — он исчезает каждую секунду — и нет его и снова явился но он иной и неискушенному глазу не уследить за скольжением теней по асфальту заснеженному.

— . . . . очень грустно [redacted] очень тревожно... Может быть, я — сумасшедший, а может быть, провидец. Не знаю. Но в последнее время [redacted] все более начинал понимать — нынешний тип человека себя изжил начисто. Искусство умерло — вчера [redacted] этом театре шла пьеса об ударных сталеварах, завтра будет — об отсталых алкоголиках, послезавтра — о тупом коммунистическом функционере. Наука последние сорок лет работает только [redacted] армию [redacted] не оправдала никаких надежд. Политика... да вот же — война двух социалистических стран. А наши обыватели... Вы знаете, очевидно, — сегодня в городе была паника — раскупили годовые запасы муки [redacted] крупы, лишь милиция [redacted] удержала от погромов и грабежей магазинов. И везде — в науке, в искусстве, политике — люди без чести, без совести, без таланта, без благородства, без интеллекта, без всякой внутренней культуры. Плебеи. Произошла самая ужасная катастрофа — плебеев выпустили на свободу, [redacted] [redacted] заполнили все, как саранча. И ничего не исправить — если джинн выпущен из бутылки, обратно его не загнать... Поэтому будет война — далее некуда падать. Во всем мире — одно и то же...

— Я очень хорошо понимаю тебя... [redacted] «Чайка» об этом же... Я — Нина Заречная, поверь мне... Знаешь, почему я не актриса, а студентка иняза? Потому лишь, что в театральные институты без взятки сейчас не поступить. Я пережила все то, что ты сейчас переживаешь... И сделала вывод: «Карпе дием!» — «Лови мгновение!» Ты осуждаешь меня?

Грустная улыбка отделяется от уст Ваших и улетает ввысь бодлеровским Альбатросом. Господи... Поймать бы улыбку эту и поцеловать ее нежно, но она — *бесплатна бесплатна бесплатна бесплатна.*

— Я боготворю вас.

Вибрация голоса моего улетает вслед за улыбкой-Альбатросом.

Но что это? Словно дублируюсь... раздваиваюсь... чудовищный надрыв раздирает душу мою пополам [redacted] тело мое надвое... отделяюсь сам от себя... Я — дубль-1 остановился перед Вами и сжал руки Ваши в своих, но Я — Дубль-2 взмываю в небо вслед за вибрацией голоса моего, вслед за Вашей грустной улыбкою-Альбатросом, и могучие крылья вдруг распахиваются со свистом у меня за спиной, [redacted] Старый Город уходит вниз [redacted] простирается бескрайним, уходящим во все стороны горизонта плоским электростеклосталебетонным муравейником, он тонет [redacted] огне Солнца, что садится за край его, он расстилается все далее и далее, [redacted] тысячи муравьев копошатся внизу [redacted] улицах его... Чем заняты они? Для чего им бесконечное круговращение это? Чего ищут они? Чего жаждут? Вот там — там,— в подземных бронированных бункерах муравейника вашего сидят без сна черные боевые муравьи, клацают смертоносными челюстями и ждут своего часа, там слепые безумные морлоки день [redacted] ночь в вечной тьме делают ядерные стрелы Брамы, не желая уразуметь скорбную историю гибели могучей Атлантиды от соединения Космического Пламени с подземным, и заправляют горючим реактивные Агнихотры, что из года [redacted] год гудят на взлетных полосах под муравейником вашим, готовые сей же миг взмыть [redacted] воздух [redacted] принести другие электробетонные муравейники с собратьями вашими во вселенную жертву Огню Ярче Тысячи Солнц. Вы слышите этот подземный гул, безумные? Вы видите эти отблески будущего Огня?! Нет — ваши легкомысленные головы лишь бестолково вертятся по сторонам, вы сталкиваетесь, обнюхиваете друг друга и снова разбегаетесь, чтобы бесцельно кружить и кружить по черному лабиринту муравейника вашего, и единая страсть гонит вас — поболее отобрать друг у друга пищи и пространства, времени и денег, наслаждений [redacted] зрелищ... Всякому собрату вашему, что дерзнет образумить вас, [redacted] откусываете голову [redacted] челюстями-гильотинами — чтоб [redacted] мешал вам

грабить и насиловать друг друга, лгать и убивать... Вы нагородили по лицу Земли Новые Вавилоны свои, закоптили их дымами Вечное Небо и возгордились: *«Мы — Боги!!!»*

Нет, вы остаетесь муравьями — вы рождены ползать...

И мечталось прежде — где-то в темных лабиринтах дьявольского муравейника созреет Новая Раса Высших Людей — Их не сожрет ваш Огонь Ярче Тысяч Солнц. Они покинут ваш зачумленный мир, новая Земля [redacted] Новое Небо, предуготованы Им — Они будут бессмертными и нетленными. Им не понадобятся ваши строения из праха — сама Вселенная отдаст Им Энергию свою, и Они не прольют ни единой капли крови, ни единой слезы... Вечная Братская Любовь воцарится среди них, [redacted] единое слово не нарушит ее, ни единый помысел. Истина. Красота. Благородство станут управлять Ими.. Вы же будете вымирать [redacted] те времена от невиданных еще болезней [redacted] ядовитых миазмов и, наконец, изойдете злобной войной против Них, но сам Христос сойдет [redacted] Ним и защитит, вас же низвергнет [redacted] геену. *«Недомир»,*— скажут Они, вспоминая погибший мир наш, молясь о спасении нас из ада.

Но понял я — первого же такого Человека вы убьете, дабы одна жизнь его не стала бы страшным обличением мерзостей ваших — и не будет Новой Земли.

А опоры вашей Всемирной Вавилонской башни уже трещат! Слышите ли вы этот скрежет, муравьи, дерзнувшие штурмовать Небо?

Дубль-2 опускался на землю... Муравейник придвинулся и раздался за круг горизонта... И видны были многие званые, [redacted] ни одного — Избранного.

Они — не слышали. Они — стояли [redacted] очередях.

Дубль-2 сливаюсь с Дубль-1. Грустная улыбка Ваша слетает с Неба Альбатросом и струится по Вашим устам. Вибрация голоса моего, выброшенная ввысь, сворачивается стальной пружиной и обратно входит в сердце:

— ...Боготворю Вас...

— Уже тысячи веков, как Земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь...— летит со сцены голос и растворяется в полумраке, среди шепота, шуршания, шороха.

Вы встречаете взгляд мой, грустно улыбаетесь, киваете слегка — особенное чувство, понятное лишь мне [redacted] Вам. «Мы — избранные, для которых все наслаждения суть лишь Красота!»

— Как ты находишь ее игру?

— Лучше и быть не может. Удивительная искренность... Кажется, будто Елена Анатольевна играет самоё себя. Очевидно, ее судьба — судьба Нины Заречной...

— Ты прав. Хочешь, я тебя представлю ей?

— Вы с ней знакомы?!

— Как не подружиться двум Нинам Заречным? В антракте мы с тобою возьмем шампанское и пойдем к Элен в гримерную.

Вот он, мир-1!! Началось! Свершилось! Деус экс машина возносит меня на Олимп в обитель Бессмертных! Я удостоен величайшей чести для смертного — вкусить с Великими божественную амброзию...

Занавес шумит. Антракт. Опираетесь на руку мою. Встаем. Распахиваю перед Вами дверь [redacted] коридор бельэтажа.

Узкие лестницы, светильники в глубоких нишах, гулкий стук каблучков Ваших бьется под низкими лепными сводами.

Нина Заречная сидит у зеркала [redacted] смотрит в глаза себе.

— Бон суар, Элен. Познакомьтесь — это Андрей.

— Рада вас видеть. Это мне — вместо цветов? — смеется Элен. Взгляд ее устремлен на шампанское [redacted] моих руках.

— Андрей — твой искренний поклонник. Он считает величайшей честью познакомиться с тобою,— голос Ваш хрустально насмешлив.

— Полно, Ирэн. Словно [redacted] — Сара Бернар или Мария Комиссаржевская.

— Вы — гораздо выше их.

— Не стоит, мой юный друг. Я впаду в высокомерие, а мне еще второе действие играть. Лучше откройте шампанское.

— У вас, мой юный друг, лицо эстета. Вы мечтаете стать артистом?

— Да. Вы читаете в душе моей.

— Не стоит, поверьте... Самая небла-

годарная профессия на Земле. Интриги, зависть, конкуренция, амбиции несусветные... Нужна чудовищная сила характера, чтобы не захлебнуться во всем этом... К чему Вам это болото, дорогой мой?

— Элен, ты кокетничаешь.

— Если искусство и вправду болото, вы в нем—одинокий тюльпан среди хлябей [redacted] трясины...

— Благодарю,— рука Элен прикасается к руке моей [redacted] улетает.— Ты станешь артистом. Ты — мужчина, у тебя все будет иначе. Тебе не грозят Тригорины.

— Мне грозят Офелии и Розалинды...

— Каковы же ваши творческие планы на этот вечер, дорогие друзья? — Элен слегка обнимает Вас и меня. Полжизни прочь — только оказаться бы сейчас на ее месте — нежно дотронуться до обнаженных плеч Ваших беломраморных, скользнуть ладонью по золотистым Вашим локонам.

— Планы у вас большие и творческие.

снова что-то не то сказал или то

— Браво, Андрей! Из тебя выйдет блестящий драматург — все дело в диалогах, а красноречив ты, как Цицерон.

— Элен, что ты делаешь?! Ты сведешь моего Андрея с ума, он так начнет поклоняться тебе, что и меня забудет...

— Ирина Алексеевна, как вы можете... Ведь вы знаете, что вы для меня...

— Не обижайся, Андрюша. Боже мой, как ты впечатлителен! Итак, мы едем [redacted] твой салон, Элен?

— Да. Я приглашаю вас. Только мне надо вначале...

— Елена Анатольевна! Ваш выход,— провозглашает селектор над зеркалом.

— Ждите меня у выхода, друзья мои. Второе отделение окончится через четверть часа.

— Есть такой афоризм обо мне и о вас: мужчина интересен своим будущим, а женщина — своим прошлым.

— Прошлое... Не спрашивай меня о нем никогда. Лгать я тебе не хочу, а истина слишком жестока.

Глаза Ваши блестят. Господи, как я еще глуп и самонадеян... Зачем только вспомнил этот несчастный афоризм... Нечаянно задел какую-то рану в душе Вашей...

— Извините меня.

— Не стоит извинений. Нам предстоит прекрасный вечер, [redacted] — долой все воспоминания... Это ты должен извинить меня.

— А как отнесется супруг Элен к нашему визиту?

— Она разведена уже три года. Ее муж... странный он был человек... Помешался на философии, мистике, религии... сделался йогом, или как это у них называется... Я не сильна в этих высших материях. Я — всего лишь Чайка, кем-то подстреленная... Впрочем, довольно об этом. Вот и наша Элен!

Машина летит по ночному старому городу. Подтаявший снег тротуаров затвердел от вечернего холода. В нем, оледенелом, расплывчато отражаются фонари [redacted] неоновые рекламы.

— А ваши дети? Мы не помешаем им?

— Дети? Что ты, мой юный друг, — Бог миловал. «Уж коль ворона белой уродилась, не дай ей Бог, чтоб были воронята...?» А чайка — не есть ли это Белая Ворона?

Щелкает замок — мы в прихожей.

— «Я мысленно вхожу в ваш кабинет... Здесь те, кто был, и те, кого уж нет...»

— Ты мне напоминаешь моего бывшего благоверного, мой юный друг. Он был таким же задумчивым и романтическим.

— Я не романтик... Я, скорее, декадент. И бабушка моя православная — тоже декадентка. Она ждет Конца Света со дня на день.

— Вот как? Познакомить бы ее с моим благоверным — они бы нашли общий язык. Он ведь сидит сейчас у себя дома в своей позе фикуса... или кактуса... и мечтает приблизиться к Богу путем стояния на голове. Каждый сходит с ума по-своему. Ты только никогда не слушай никаких проповедников, мой юный друг. Всякий убеждает другого лишь для того, чтобы поверить в это самому.

Тихо откинута крышка с клавиатуры. Звон аккордов и пассажей рассыпается по гостиной, как оркестровое тутти мартовских сосулек.

— Утро туманное, утро седое, нивы печальные, снегом покрытые... — крышка рояля слегка резонирует от негромкого голоса Вашего, что плавно вращается [redacted] медленном вальсе.

— За вечное Искусство, которому мы служим!

...руки Элен бегут по клавишам, вытесняют руки Ваши, Вы делаете шаг ко мне, и вальс закруживает нас в неверном мерцании свечей, [redacted] все сливается в многоцветном мелькании полос [redacted] пятен — гравюры и эстампы, пейзажи в резных золоченых рамах и чьи-то портреты, пачки нот [redacted] стеллажи с книгами, афиши [redacted] цветы... отблеск свечей замыкает меня [redacted] Вас [redacted] огненном круге, сжимает нас в объятиях кольца пламени...

— ...Вспомнишь обильные страстные речи, взгляды, так жадно, так робко ловимые...

Три голоса наших сливают в гармонию вибрации свои — прима, терция, квинта...

— Мой дорогой кавалергард, вы неучтивы — совсем забыли об Элен. Если вы в обществе двух дам, вы должны уделять внимание каждой...

И снова Ваши руки летят над клавишами, а огненный круг прижимает ко мне Элен... шампанское шипит в бокалах... [redacted] смотрим сквозь них на свечи, и, кажется,— пьем само Пламя...

—...все еще сбудется у тебя, Ирэн, поверь мне, старушке... наш милый кавалергард станет великим драматургом [redacted] вспомнит однажды этот вечер...

....гостиная затуманивается в глазах моих... пейзажи и гравюры... кружатся в восхитительном вальсе... искрометные звуки высекают [redacted] клавиш чьи-то руки, белоснежные в изяществе своем...

— вот здесь [redacted] жил раньше... Вы не верите мне? Элен, я ведь жил здесь у Вас когда-то целые века... Я помню... Да, помню... Нет, не надо улыбаться, Ирина Алексеевна, — мы ведь с Вами останемся теперь здесь навсегда, правда? Никогда, никогда не был я так счастлив! Слышите?! За что Вы снизошли ко мне с Олимпа Вашего? Я теперь уже никак не соглашусь вернуться [redacted] тот мир жестокий, где встретились мы с Вами... чтобы навсегда покинуть его... мысли растворяются за туманным горизонтом... кто я?.. где?.. с кем?.. ах, не все ли равно... ничего не было и нет... странный сон... я лечу! [redacted] отрываюсь от пола... [redacted] ведь умел это... умел когда-то давным-давно... когда же?.. еще до рождения?.. вот сейчас — последний легкий толчок, и — ....невесомость [redacted] свист ветра... вибрация Великой Любви Вашей входит в меня, а моей Великой Любви — в Вас... *я свободен как воздух как ветер тело мое исчезло глотаю за секунду тысячи километров как пронзительный ураган левитация левитация левитация*

— Мы приехали, Андрей. Сегодня я останусь у подруг вот [redacted] этом общежитии. Дальше провожать меня не надо, мой милый кавалергард. Встретимся завтра [redacted] пять. Вот здесь, у входа. И поедем к тебе.

— Что это, мой милый?

— Это скромный знак моей бесконечной преданности Вам.

Золотое кольцо сжимает небольшой бриллиант в нежных объятиях своих. Фамильная драгоценность. Бабушка получила ее от прабабушки, та — от своих [redacted] предков, те — от своих... Вот он, сюрприз мой!

Что-то подбрасывает вверх летящей пружиной Ваши руки сплетаются на шее моей Ваши губы целуют лицо мое сумочка тихо падает на снег из рук Ваших вот! — губы наши встретились — смертоносная пламенная молния прошивает сверху донизу все тело мое! — губы наши встретились и вжались друг в друга! черный туман застил взгляд... лишь молния полыхает и полыхает перед внутренним взором

—...завтра...

Губы мои касаются вакуума. Руки мои сжимают в объятиях воздух.

— ...завтра...— летит издалека шепот Ваш неслышный...

Мелькает тень среди черных силуэтов деревьев — Ваша тень:

— ...завтра...

— *Свершилось*! *Он стал, как один из нас*!

Чудовищный грохот нисходит с Вечного Неба и обволакивает парализующим облаком.

Миллиардотонная Древняя Планета сжимается в конвульсии судорожной от виброраскатов Голоса Небесного.

Великая улыбка расцветает [redacted] Небе, Улыбка Без Лица — *Аллегро нон мольто Аллегро нон мольто*

Взбесившееся весеннее солнце бьет в глаза, растапливает лед крыш [redacted] скользких тротуаров [redacted] делает их прямо на глазах удивительно мягкими, искрящи-

мися всеми цветами радуги... Есть ли еще где-нибудь на Земле такой контраст между зимой [redacted] весной, между солнцем весенним и зимним? Еще две недели назад, плененное пеленой тяжелых облаков, оно лило свой серый свет торжественно-печально, унылые серые фигуры сонно плыли, ссутулившись, по узеньким лабиринтам улочек старого города, утонувшего [redacted] вековых снегах, февральские метели пригибали головы людей все ниже [redacted] ниже, и, казалось, еще немного зимы, [redacted] жизнь остановится навсегда, но солнце пробилось сквозь облака, вырвалось из плена на дикую, опьяняющую свободу [redacted] упивается победой над ними, бушует, неистовствует, ослепляя, согревая, заставляя забыть о суете, оно зовет в неизведанную даль, где царит «мне нравится» и навсегда побеждено «так надо», где все люди — братья, и навсегда [redacted] черную глубь диких времен, [redacted] ничто, ушли «политические инциденты» [redacted] «противостояния двух систем», [redacted] злоба с завистью, и войны «локального значения», оно плачет слезами сосулек о пролетевших веках, когда не надо было «повышать», «понижать», «улучшать», «увеличивать», «снижать», «убыстрять»,— только жить, просто жить [redacted] мире золотоволосой посланницы далекого мира, превращавшейся в птицу, а потом в волны, тайной сестры солнца — у него тоже золотые волосы, просто жить, сливая ритм сердца с рассветами, закатами [redacted] новолуниями, набуханием почек и ледоходами, с полетом Утренней Звезды Венеры и вращением галактик, пульсацией невидимых соков Жизни, поднимающихся по капиллярам почвы, потом по стволам деревьев [redacted] стеблям цветов к солнцу, соединяющихся с ним по мановению золотой палочки умного и доброго дирижера, управляющего всей Вселенной, а затем уходящих с новыми силами питать землю и снова взвращающихся от Матери-Земли к Праматери-Солнцу и [redacted] этом гениальном исполинском оркестре мироздания все живое и неживое изливает себя в единственной симфонии, возносимой в пространство мириадами инструментов: каждый необходим и всякий полезен, и глупо спорить, что лучше, нужнее [redacted] прекраснее — скрипки, прикасающиеся к самой небесной гармонии, или оглушительный органный vox dei, а каждый человек на Земле — это интрумент, [redacted] нет инструментов хороших [redacted] плохих, добрых и злых, высших [redacted] низших, есть только разные диапазоны, тональности, тембры [redacted] регистры, но первую скрипку в этом оркестре играет Золотоволосая Сестра Солнца.

Солнечная! Твое имя звенит, как трель жаворонка, пенный плеск морского прибоя, шепот листьев олеандра, шелест страниц древней книги, дарящей вековую мудрость, весть о спасении для несправедливо приговоренного к смерти, словно соната лунного света, и лики Джоконды [redacted] Мадонны Бенуа оросятся слезами восхищения звуком имени твоего, летящим в небе [redacted] уна фантазия моя [redacted] рубиконом разума,— от бессилия снести соки Любви и Жизни, переполнившие [redacted] и подаренные мне Матерью-Землей и Праматерью-Солнцем, и от невозможности понять, кто же я теперь — всего лишь человек Андрей Орлов или вся Вселенная, дома роняют резкие черные тени на ослепительный тающий снег, [redacted] воздухе растворяется прозрачно-белая дымка, и от тротуаров и крыш поднимается едва заметный молочный пар, а по пронзительной лазури, вырастающей корнями из Космоса, плывут белые круглые облака, до того объемные, что руки тянутся к ним поймать, погладить — все-белое, все-ослепительное, все . . . . !

Белый день...

Он бывает раз [redacted] тысячелетие...

Почему же в душе моей, что улетает в Небо вместе с прозрачным паром от тротуаров, такая светлая и непонятная горечь?! От того, что День этот не повторится. Будут другие дни, похожие на него, будут, быть может, еще блистательнее [redacted] великолепнее, но он, именно [redacted] — не вернется. Он канет [redacted] Лету.

Этот день можно будет лишь вынуть через много лет из памяти, словно засушенный цветок из старинной книги, насладиться его ароматом [redacted] вспомнить все — каждый оттенок чувств, малейшее ощущение, тончайшие вибрации души своей... А потом — положить обратно. Нельзя вспоминать такие дни слишком часто — блеск их сотрется и потускнеет...

Горечь...

Этот День, Белый День, слишком прекрасен он для того, чтобы все, что

случится в такой день, было бы наяву...

Такой же мучительно-прекрасной может быть только музыка, что слышится впервые, но изумляет удивительным напоминанием о чем-то оставленном где-то вдали... словно сам сложил ее [redacted] иной какой-то жизни, за горизонтом памяти... она звучит в душе бесконечно... это же моя музыка: моя! — кричу сам себе, а мелодия не отпускает, звучит и звучит внутри, плачет [redacted] плачет...

Почему же ранее не видел я этого великолепия и величественности Вселенной? Что случилось с душою моей? Какая пелена упала вдруг с глаз? Сколько раз нимфа-весна приходила в Старый Город, [redacted] я не чувствовал всего волшебства ее... И весь мир, где осенью кружатся [redacted] вальсе листья, а весною тают [redacted] испаряются прозрачно-белой дымкой сугробы — чудо! И почему, почему способность видеть чудо дана лишь немногим?! Дана как бесценный дар? И я — [redacted] числе этих немногих?

И почему не могу я разделить этот дар со всеми? Почему [redacted] могу я подняться сейчас над Старым Городом и возгласить всем: «Люди! Станем братьями друг другу навеки!» И тогда у всех вас захватило бы дух от звездных вечеров и ослепительных полдней, [redacted] вы бы увидели, как хрупок и беззащитен в красоте своей величественной весь мир этот волшебный... и тогда вы вдруг поняли бы... и вам открылась бы вдруг Великая Тайна...

Что за потрясающая трансформация случилась со мною?! Где тот прежний я?! Где-то вдали за горизонтом, за Рубиконом... Тот Гордый Демон, тот Оскорбленный Люцифер, тот маниакально высокомерный Брахман...

Сбылись, сбылись все мечты мои вековые — самые глубинные, самые потаенные, самые безудержные. Три дня! И вся жизнь... Я вознесен божественной силою Вашей, Золотоволосая, [redacted] мир-I, я укреплен и утвержден [redacted] нем, и что же, что остается мне теперь?!

Друзья и братья... Все, все — даже самые ничтожные, даже самые озлобленные — ведь я никогда не пытался приблизиться к вам, отыскать в вас хоть проблеск, хоть искру чего-нибудь достойного. А если все же попытаться отыскать? Во всяком? Если объяснить себе ваши души? Объяснить эрго простить и принять? И возлюбить Вас, ближних [redacted] дальних? Я готов. Готов.

Словно кто-то смотрит на меня с Неба и улыбается мне... Откуда же это чувство? Смотрит мне [redacted] глаза [redacted] улыбается... И где я могу видеть это? И когда? Особенная улыбка, тихая и грустная.

Люди шли мимо: все люди шли мимо, а я смотрю на них [redacted] не могу понять, кто же я — что это такое, — «Я» — один человек или вся Вселенная?

Седьмой час. Нет, это не опоздание... Случилось что-то крайне серьезное... И даже, быть может, катастрофическое... А если Вы вдруг уехали утром отсюда [redacted] себе домой? Если Вас что-то заставило уехать? Но ведь адреса Вашего я не знаю... И как же мне его узнать?

Элен! Да, Элен! Немедленно к ней!

Только бы не заблудиться здесь, [redacted] бесконечных этих переходах, лестницах, подвалах, кулисах... Скорее! Скорее! Сейчас, кажется, направо, вниз по лестнице, потом прямо до конца...

Да вот же!

— Елена Анатольевна! Ради бога — одну минутку!

— Что случилось, мой юный друг? Ты на себя не похож...

— Ирина Алексеевна пропала!

— Как то есть пропала?

— Мы договорились встретиться с нею сегодня вечером в пять у общежития иняза, где она вчера осталась на ночь, но она — исчезла... А в какой комнате [redacted] у кого она оставалась, я не знаю!

— Надо же... Но что могло случиться с нашей Ирэн? Ума не приложу... Она — дама очень обязательная и никогда не нарушает своих обещаний... А знаешь что — я сейчас позвоню нашим общим знакомым [redacted] спрошу... Пойдем, тут рядом есть телефон.

— А с кем вы сейчас говорили? С Полем Бельским?

— Да... Ты знаком с ним?

— Ирина Алексеевна как-то упоминала о нем. Инязовская знаменитость. Это все, что я о нем знаю...

— Мой дорогой, ты съезди к ней домой. Она снимает комнату на Седова, дом

двадцать шесть, квартира восемь. Может быть, она там?

Вот и эта квартира. Звонок глухо звучит внутри.

— Кто здесь? — надтреснутый женский голос из-за двери.

— Я могу видеть Ирину Алексеевну?

Дверь медленно открывается с чудовищным скрипом. Растрепанная женщина неопределенного возраста в застиранном халате и шлепанцах.

— Ирину? Нет ее... Вот как вчера вечером ушла, так и нет... И не сказала, куда идет... И записки никакой не оставила...

— А где она может быть, вы не знаете?

— Откуда же мне знать, милый ты мой? Будто докладываться она мне станет... Кто я ей? Ни мать, ни тетка, ни свекровка... Она когда и у подружек своих ночует в институтской общаге — там и спроси.

И снова чудовищный скрип двери. Аудиенция окончена. Финита ля комедия.

Все лицо ее как будто вытянуто: губы — в ниточку, глаза — в щелочки, нос с горбинкой — в острый клюв... И лицо неестественно бледное и узкое, а в темных глазах поблескивает что-то цепкое, острое и холодное.

— Итак, ты — Андрей? Очень приятно. Меня зовут Ольга. Проходи.

Подходит к столу и берет яблоко.

— Унд дизен апфель хабен вир фон Поль Бельский бекоммен.

— Фон Поль Бельский бекоммен? Абер вер ист Поль Бельский?

— Вас ист лос мит дир? Ер ист зер интерессант юнгер менш....

— Ирина Алексеевна хат юбер им айнмаль гешпрохен...

— Кайне бёзе, денке их?

— Найн... Айн ферштеенлос затц фон им: «Сражайся, Арджуна!»

— Их вайс зи нихт. Вир хабен кайне Арджуна ан унизерем факультэт...

— Ольга, ты идешь или нет?! Сколько можно ждать?!

Дверь хлопнула за спиной, и чье-то контральто прогудело.

Пухлая розовощекая дамочка с прической под Пугачеву, но с лицом фарфоровой копилки-поросенка. Только цветочков на щеках не хватает. Купеческая дочь из русских народных сказок.

— Ой, извиняюсь...

Каков пассаж.

Ольга театрально берет меня под руку:

— Познакомьтесь, пожалуйста. Это — Таня. Это — Андрей.

— Ага,— отвечает она.

Верх учтивости. Сразу видно — Сорбонны... Десять гувернанток воспитывали...

И Вы, Богиня, приходите сюда к ним? К ним? Что-то тут не так...

— Постойте, а где же сама Ирина Алексеевна?

— Мы не знаем... Она куда-то ушла еще вчера утром, а нам ничего не сказала. Может быть, она у себя дома?

— Нет. Я был там вчера вечером, и хозяйка сказала, что Ирина Алексеевна ушла еще позавчера...

— Ты подожди ее — вдруг она сегодня появится. Сейчас Наташа должна прийти — вот с ней и посидишь.

— Это ваша третья соседка?

— Да. Она с пятого курса французского. Работает сейчас над дипломом.

Дверь из коридора открылась.

— Вот как раз и Наташа! Познакомься — это Андрей, ученик нашей Ирки.

Что за фамильярность такая... Как Вы только можете... Впрочем, это, наверное, и есть та Наташа, о которой Вы говорили тогда! И сюда Вы приходите, очевидно, лишь к ней...

Наташа сняла старенькую шубку, переобулась и вышла из закутка-прихожей. Провела рукой по волосам, взглянула на меня и улыбнулась. Очки в дешевой пластмассовой оправе, короткие каштановые волосы, уложенные в аккуратную прическу, немного широкое лицо с правильными чертами и открытая, добрая, словно слегка смущенная улыбка...

Оля с Таней тем временем уже успели упорхнуть в коридор.

— Андрей — по-гречески, мужественный, правильно?

— Да. А Наталия — по-латыни, природная, если не ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Ты знаешь латынь? — удивилась Наташа.

— Немного, совсем немного... Да и откуда мне ее знать? А вы знаете греческий?

— Панта рей! — рассмеялась Наташа.— Все течет, все изменяется, да? Кстати, давай с тобой сразу договоримся — будешь ко мне обращаться на «ты», мы ведь не в школе, правда? И тут у нас все по-простому, по-студенчески...

— Уже восьмой час, Наташа... Чувство времени потерял... С самого утра искал сегодня эту комнату, с самого утра... Ирина Алексеевна ведь не сказала, в какой комнате она останется ночевать... Вот и пришлось пройти все сто шестьдесят.

— Бедный ты мой... Измучился, устал... А ведь Ирина... Ты знаешь уже, да? Разве тебе Оля с Таней ничего не сказали?

— А что они должны были мне сказать?

— Дело в том, что Ирина Алексеевна... Ты только не волнуйся... Сегодня утром ее увезла «скорая» прямо в операционную...

— ...почему так побледнел?! Что с...

— ... тобой?! Все хорошо, слышишь? Ничего стра...

— ...шного, простой аппендицит... Операция уже сделана, с Ириной все в...

— порядке... отдохнет два дня и — домой. Просила тебе передать: ес...

— ...ли появишься, чтобы подождал два дня, не приходил в больницу.

—...а уже в понедельник вы увидетесь.

Из мелькания светлых и темных волос появляется лицо.

— А [redacted] какой больнице Ирина Алексеевна?

— В какой? Но ведь «скорая» везет туда, где есть места... Они уже по дороге говорят с диспетчером по рации, [redacted] тот их направляет... Слушай, Оля с Таней, наверное, знают.

— Так почему же они тогда сказали мне, что вовсе не знают, где она?

— Они тебе так сказали? Не хотели, чтобы ты волновался, наверное...

— Ты думаешь? Ты же их хорошо знаешь... Но все равно... Странно как-то это...

— Наташа, [redacted] Ирину Алексеевну «скорая» при тебе увезла?

— Ты знаешь, я видела лишь как ее увозили. А вызывали «скорую» Оля с Таней.

— Выходит, [redacted] они не знают, [redacted] какой больнице...

— Должны знать. Ведь Оля вместе с ней на «скорой» поехала.

Тогда тем более странно, почему они... Нет, не нравится мне это! Не нравится мне все это... Словно какая-то странная игра, понятная лишь Вам и Оле с Таней... Тут что-то скрывают от меня [redacted] Наташи...

Но какая тайна здесь может быть?!

Странно... Ты так спокойна и радостна, словно ничего не случилось. Почему же? Наверное, со мною что-то не то творится... Эти два дня поисков... Видения Аида [redacted] Лабиринта... Одиночество [redacted] холодная пустота... Не хотели говорить, чтобы не расстраивать...

— Выходит, я их сегодня уже не увижу?

— Нет. Скорее всего, нет. Слушай, а ты позвони завтра утром в регистратуры главных больниц — вот [redacted] все.

— Верно... Я так и сделаю. Сегодня уже поздно, очевидно?

— Конечно. Утро вечера мудренее.

— Итак, ты [redacted] класса Ирины?

— Ирина Алексеевна проходит практику в моей школе. А вы... А ты с пятого французского?

— Тебе Оля с Таней рассказали уже? Да, диплом вот пишу по педагогике... Ирина Алексеевна тоже скоро за диплом возьмется. Но у нее все сложнее. Ведь наш институт готовит прежде всего учителей, а Ирина поступила только ради языка. И теперь не знает, где ей с нашим дипломом найти работу. А летом после сессии уже надо куда-то устраиваться. Двадцать два года — пора уже найти себе какое-то призвание, [redacted] она...

— Так Ирине Алексеевне уже двадцать два...

— Да... Я старше ее на три года, но мне все время кажется, будто она меня старше...

— Почему же?

Впрочем, что за вопрос! Вы — подстреленная кем-то Чайка... «не спрашивай меня о прошлом... истина слишком жестока...» А тебя, Наташа, еще никто, должно быть не подстрелил...

— Почему? А возраст, Андрюша, это не сумма лет, что человек на свете прожил, [redacted] состояние души. Может быть, ты замечал хотя бы в своем классе — неко-

торые твои ровесники как бы старички с самого детства, другие, тоже с детства, как бы взрослые зрелые люди, чинные, солидные, сдержанные, третьи — вечные юноши с порывами, страстями, из тех, которых мещане называют с усмешкой правдоискателями...

— Наташа, [redacted] и сам столько думал над этим... Что говорить — не только мои одноклассники — девяносто процентов всех людей на Земле задержались навсегда в ясельном, максимум, [redacted] детсадовском возрасте. Только взгляни — вся история человечества — войны, насилие, ложь, пропаганда...

— А ты представь — это твои младшие братья и сестры. Ведь ты — сильный, [redacted] они — слабые... [redacted] разумом, [redacted] сердцем, [redacted] душой...

— Но ведь они все относятся друг к другу как смертные враги! Гомо гомини лупус эст... И что ты с этим сделаешь? Как ты их примиришь? Ведь каждый из них считает себя лучше и выше других... Каждый претендует на истину... Кажется, будто живу [redacted] аду [redacted] на диком острове среди папуасов, лишь переодетых зачем-то [redacted] цивильные костюмы... Обратить друг друга в рабство, унизить, высмеять, обмануть, уничтожить, опошлить и изгадить все святое и высокое, что только есть в мире, — вот все их желания! И ведь потом всех их начнут роботами заменять... Если, конечно, не будет Конца Света... И куда же их? В резервации? Ведь они способны лишь бетон лопатой месить... Шудры... Вот что тебе предстоит после института.

— Все [redacted] мире сложно, Андрей, кто же спорит с тобой? Но ты, может быть, уже понимаешь — одной внешней формой организации жизни ничего не исправить.

— Так вот в том [redacted] дело! Все заключено [redacted] них самих — в том, что у них в душах — мрак! «Если свет, который [redacted] тебе, тьма, то какова же тьма?» Христос говорит в Евангелии! Так если уж Он ничего сделать не смог...

— А человека не изменить сразу и чудом. Тут нужен долгий упорный труд над его душой — очистить ее, возвысить, уравновесить. Годы, даже десятилетия... Пятилетки духовной коллективизации [redacted] нравственной индустриализации...

— Зачем это, скажи мне? Ведь это бессмысленно — очищать кого-то, возвышать... Если человек сам не хочет улучшить себя, никто его не улучшит. Или ты думаешь, это может быть так, как в сталинских фильмах,— пришел шудра на завод [redacted] пролетарский коллектив, и там его перековали? Да нельзя даже шудру перековать, [redacted] уж сделать из шудры Брахмана...

— А ты пробовал?

— Наташа, я пока еще [redacted] своем уме. Результат заранее известен — зачем испытывать истинность очевидного?

— Значит, ты просто никогда и никого не любил пока еще.

— Это не так. Есть [redacted] были люди, которых я любил всем сердцем. И сейчас люблю.

— Знаешь, о какой любви [redacted] говорю? Помнишь Гоголя — «любит и зверь свое дитя, [redacted] породниться не по крови, а по душе может один человек».

— Да, верно. Но у большинства людей вовсе нет никакой души. У них в душах одна лишь борьба за существование да естественный отбор. Они роботы.

— Это все потому, что каждый ждет: «Полюбите меня, [redacted] тогда [redacted] я вас полюблю». А тут надо не ждать, а начинать самому. Каждое утро говорить себе: «Сегодня я стану чуточку добрее, чем вчера».

— Вот ты мне объясни, что такое вообще добро. Ведь его каждый понимает по-своему. Для моего отца, например, ВОСР — величайшая победа добра, [redacted] для бабушки — победа Дьявола.

— Ты растешь прямо на глазах. Это вопрос уже настоящего философа. Ну что ж... Я понимаю добро как то, что помогает человеку стать чище, милосерднее, бескорыстнее...

— Вот и Христос того же хотел — сделать всех милосердными [redacted] бескорыстными... А Его за это предали и распяли! Что же это за добро, если за него надо страдать и гибнуть [redacted] муках!

— Если бы за добро не приходилось страдать, то все люди только и творили бы его с утра до вечера, а тогда оно добром бы не считалось.

Странный ты человек, Наташа... Никогда не встречал подобных тебе...

— Я не согласен жить в таком мире.

— Куда же ты денешься из такого мира? Как бы ты ни прятался от него,

как бы [redacted] отгораживался, он все равно будет напоминать о себе, и иной раз — очень больно напоминать. Но в том и заключена зрелость человека и благородство его, что бы сказать себе — это мой мир, [redacted] я должен улучшить его, несмотря ни на что. Каждому из нас дана совесть, и она всегда подскажет единственно правильный путь. Доверься ей, до конца доверься.

— Совесть... Вот христиане считают — все беды от безверия. Человек боится кары Божьей, боится загробных мучений, Страшного Суда — потому и живет по совести. А у нас ведь [redacted] стране коммунисты отменили Бога и устроили свободу совести, то есть свободу быть бессовестным. Они ведь не боятся, что их кто-то накажет за бессовестность! Ведь Бога для них — нет, а милицию [redacted] обмануть можно, если действовать с умом.

— Но если человек делает добро только из страха, то какое же это добро? Добро настоящее — лишь то, что человек делает из убеждения, что нельзя жить только для себя, что счастливым можно быть лишь тогда, когда и все вокруг станут счастливыми.

— Я понимаю тебя... Понимаю — то же, что [redacted] Евангелии: «Возлюби ближнего своего более самого себя». Да я готов всех возлюбить, поверь мне! Это они как раз возлюбить меня не хотят! Каждый день одно и то же — гнусные записки, оскорбления, насмешки, идейные проработки, агитация... «Орлов, почему ты антисоветчик, почему не комсомолец, почему не тупица, не сволочь, не такой, как все!»

— Ты очень гордый, Андрюша!.. Может быть, именно этого они тебе простить не могут?

— Но ведь люди неравны! А их [redacted] нашей стране искусственно уравняли! Безмозглый шудра — пролетарий — стоит выше ученого, выше поэта...

— Ты не прав, Андрей, вот в чем. Все люди могут быть равны по их отношению к добру. Если человек не развит, не образован, но при этом честен и добр, разве не достоин он уважения?

— Роботы тоже честные... Никого не обидят, ничего не своруют... Хорошо, а какое он может сделать добро? Накормить голодного? Одеть раздетого? Вот и все... Это [redacted] дикарь может... Да и для того, чтобы кого-то накормить и одеть, нужно самому быть достаточно богатым, а значит — умным и сильным.

— Разве не может один неразвитый человек сделать другого, столь же неразвитого, добрее, бескорыстнее, честнее?

— Может, но лишь только абстрактно. Я о нашем времени говорю [redacted] о нашей стране. Ты посмотри на них: у кого [redacted] них цель жизни — помогать другим? Да им всем лишь бы побольше к себе загрести! Ты знаешь, меня называют мечтателем, но такого мечтателя, как ты, я в жизни своей не видел...

Ты и [redacted] самом деле на грани паранойи... Да и тут еще кое-что... Говоришь о милосердии и добре, а сама даже не удосужилась узнать, в какой больнице Ирина Алексеевна... И даже ни слова не скажешь о ней, словно я пришел сюда к тебе на курс проповедей...

— Нет, Андрюша, ты не понял меня. Конечно, мир каков есть, таков и есть. Но главное — не каков он сам по себе, а как мы к нему относимся. Ты согласен?

— Тогда получается — и счастье не счастье, и горе не горе... Тогда вообще выходит полный абсурд и бред... У меня уже что-то [redacted] голове плыть начинает...

— Нет, ты прав, совершенно прав. И горе не горе, и счастье не счастье для человека, который сознательно изменил сам себя.

— Тогда почему же распятый Христос закричал: «Господи! Отец Мой Небесный! Почему Ты оставил Меня?!» Он мог бы радоваться, что честно выполнил свой долг до конца.

— Минутная слабось может быть у каждого. А если бы Христос жил не по совести, а из эгоизма, то Он просто не допустил бы, чтоб его распяли.

— Правильно! Так это и доказывает, что жить из эгоизма — подло, а жить по совести — невозможно. Тебя тут же прикончат, потому что ты будешь всем мешать со своей совестью. Вот и тебя распнут, как Христа.

— Так что же делать, Андрей?! Сидеть сложа руки [redacted] смотреть, как люди ожесточаются, спиваются, звереют?!

— Я не знаю, что делать... Ладно, ты говоришь — принести себя в жертву,

броситься под танк. Но кому поможет такая жертва? Я, может быть, и готов пожертвовать собой, лишь бы в жертве был смысл и результат. Но если уж Христос пожертвовал собой, а человечество теперь само же на Него наплевало, то [redacted] отказываюсь жертвовать.

Ответь же мне что-нибудь! Что ты молчишь? Я уже разрушил твое ослепление, да? Король оказался голым? Вот и вся твоя вера? Ты должна признать, что сейчас и особенно в нашей стране род человеческий выродился [redacted] пришел к полной деградации — к пропасти. Люди уже начали обратно превращаться [redacted] обезьян. А раз так — то нечего для них и жертвовать собой. Гроша ломаного не стоят эти дегенераты. Но избранные... Лишь они способны к духовному росту. Так признай же — есть избранные и — стадо быдла! Признай же! Ты начиталась тургеневских «Записок охотника» или еще чего-нибудь [redacted] этом роде и думаешь, что нынешние люди такие же, как и крестьяне прошлого века?! Вот тут-то и запятая! Они давно уже не те! В прошлом веке они нас, брахманов, любили как отцов родных, у них вера была в Христа [redacted] [redacted] Бога. Она-то и делала их людьми. Но заботливый кто-то отобрал у них эту веру, [redacted] вместо икон подсунул дешевую картинку с каким-то бородатым стариком, они и купились по глупости. А сейчас поняли. Но поздно уже. Вот [redacted] спасай их, спасай... А Брахманы... Им не нужна моя жертва — они и без нее никуда не уклонятся. Наоборот — меня же еще и наставят на путь.

Пауза слишком затянулась. Я переубедил тебя. Мне пора идти. Ты не способна придумать выход. И я — не способен. Вот разве лишь Всадник на коне белом, чье имя Верный и Истинный... Но уж если Сам Христос должен при втором своем пришествии явиться с мечом и карать всех подряд — вырожденцев [redacted] извращенцев этих,— то что делать нам?!

— Что же ты молчишь? Что ты молчишь?

— Истинно благородный человек улучшает себя, людей [redacted] мир просто потому, что не может иначе — ведь он благороден. И ему не нужны никакие доказательства.

— И погибает на базарной площади под хохот черни. И надо еще подумать, что толкнуло его на это улучшение — чистая жертвенность и любовь к людям или невозможность выносить этот пошлый [redacted] жестокий мир, то есть ненависть к нему? Все, Наташа. Я ухожу. У тебя более нет аргументов. И нам с тобой говорить не о чем. Теперь я понял, что связывает тебя с Ириной Алексеевной. Ты стараешься обратить ее [redacted] свою веру, а она просто не противится тебе. Или сама пытается открыть тебе глаза на мир [redacted] людей.

— Нет, Андрей. Ты меня не переубедил. Может быть, придешь завтра? Посидим, поговорим... Я сейчас целыми днями здесь, над дипломом работаю... Постой, Андрюша! Ты умен, как аспирант, но рассеян уже, как профессор. Держи. Коннетре ле Бьен э ле Маль, Андрэ!

Снова — «познавай Добро и Зло...» Наваждение... Яблоко Поля Бельского...

Все больницы обзвонил. Более некуда... Тут какая-то ошибка, быть может... Почему-то забыли зарегистрировать, или что-то перепутали... Надо самому объехать все больницы... Но если Вас нет в регистрационных журналах, то как я Вас буду искать? А Оля с Таней... Оля с Таней ведь знают, в какой Вы больнице... Но почему они не сказали... Быть может, Вы сама попросили их не говорить? Надо обязательно встретиться с ними и непременно узнать все. Если сейчас их не окажется в сто шестьдесят четвертой, то подождать, сколько надо будет...

— Входите, открыто,— голос твой из-за двери.

— А Ольги с Таней снова нет?

— О бон, матен, мон ами. Так и думала — с самого утра придешь. Могу себе представить, как тебя взбудоражил наш вчерашний разговор.

— А где Оля с Таней? Почему они все время куда-то убегают?

— У них куча поклонников. И никаких духовных интересов.

— Это заметно... Мне надо непременно дождаться их. Ведь лишь они знают, в какой больнице Ирина Алексеевна. Я сегодня обзвонил все справочные, и нигде ее не нашли.

— Да? Ну что тут сделаешь — система у нас такая...

— Вот и я думаю — при социализме не может быть даже простого порядка и точности.

— Андрей, что ты говоришь? У нас

бесплатная медицина, это замечательно. Социальные гарантии, нет безработных [redacted] бездомных, никто не останется без куска хлеба...

— Я не могу понять, Наташа, что связывает вас с Ириной Алексеевной и этих двух плебеек?

— Ты делишь всех людей на плебеев [redacted] аристократов?

— Можно и так сказать. Но аристократия для меня — не родовая наследственность, а свойство души.

— Аристократия духа, ты хочешь сказать?

— Да. Именно. Только я предпочитаю не распространяться о своих симпатиях [redacted] антипатиях в наш век искусственного равенства. Я вовсе не собираюсь призывать к войне с плебеями, что захватили власть над всем миром,— аристократов духа ныне ничтожное число, да я их пока еще не встречал, и, самое главное, аристократизм духа и насилие есть две вещи несовместимые. Я ненавижу насилие, как [redacted] ты. Но истинным добром считаю иное, единственным добром в подлинном смысле слова: передачу культуры от одного человека к другому.

— Смотря что понимать под культурой, Андрюша.

— Для меня культура — благородство, честь, интеллект, эстетизм, утонченность.

— Но почему ты не включаешь сюда сострадание, жалость, заботу, бескорыстную помощь?

— Да потому, что сильная личность не нуждается в сострадании или жалости. Сильный человек может [redacted] вовсе обходиться. Без людей —они ему просто не нужны. Ему скучно с ними — они глупы. Ему тошно с ними — они бесчестны и вульгарны. А поднять их до себя, бескорыстно помочь им стать выше духом, благороднее, тоньше, он не может — они ведь сами не хотят этого. И ничем их не заставить захотеть... Да и какое абсурдное слово — заставить... Вот — шестьдесят два года советской власти — какой блестящий эксперимент! Внушим плебеям, что они передовой авангард, дадим все условия для развития, все привилегии, устраним все причины их низости и забитости — развивайтесь, милые,— и они превратятся в аристократов, героев, мудрецов... И что же вышло? Да они как были плебеями, так и остались ими. Нет, они стали гораздо хуже. Ведь самый отвратительный плебей тот, кто считает себя аристократом. Так стоит ли возиться с [redacted] далее? И давно уже пора поставить все на свое место — слуга есть слуга. Господин есть господин.

— Андрей! Ты уже фашизм проповедуешь?!

— Если у Льва Толстого были слуги, он, по-твоему, был фашистом? Я ведь тебе сказал уже — насилие мне отвратительно... Но как при этом поставить на место подлеца, садиста, варвара, если отказаться от насилия? Как доброму защитить себя от злых?

— А вот тут-то [redacted] выход, Андрей,— не противься злу насилием, борись с ним честно и благородно. И для этого вовсе не надо быть верующим.

— Но ведь ты — тоже верующая. Только не в Христа [redacted] не в Бога, [redacted] какую-то абстрактную идею — надо, мол, жертвовать собой, [redacted] добро восторжествует. Но ведь эта твоя идея — настоящая религия. Ей нет никаких подтверждений в реальной жизни. Я и сам презираю эту реальную жизнь, как и ты. Но я ее вижу такой, как она есть, [redacted] вовсе не приукрашиваю ее [redacted] отличие от тебя.

— Разве можно жить без веры?

— Не знаю, Наташа... Наверное, нет... Вот я — ни во что не верю, но живу ведь... Хотя я верю [redacted] Ирину Алексеевну. И в Третью Мировую, что со дня на день начнется. А еще [redacted] то, что нужно оставаться благородным [redacted] любых обстоятельствах... Но я не понимаю, как можно вдруг взять и уверовать во что-то.

— Чтобы уверовать, надо понять, [redacted] чтобы понять — ощутить это на себе. Ты просто, я думаю, никогда не бывал в таком положении, когда тебе нужна была бы чья-то помощь, [redacted] ты получил бы ее совершенно бескорыстно.

— Верно — не бывал. Да и не может сильный человек оказаться в таком положении. Я привык во всем полагаться только на себя, [redacted] меня этот принцип никогда не подводил. А если подведет, то лишь самого себя и обвиню в этом.

— А где гарантия, что ты никогда не попадешь в такое положение?

— Она во мне самом. Я ведь не безу-

мец и не слепец, чтобы не понимать, какое положение к чему ведет.

— Твоя уверенность в себе стоит на том, что ты — силен. Но на всякую силу всегда найдется бóльшая сила.

— Но я ведь не Дон-Кихот, чтобы воевать с ветряными мельницами.

— Значит, ты трус?

— Вовсе нет. Даже на войне войска отступают перед превосходящими силами противника. Но для того, чтобы набраться свежих сил, а потом снова наступать. Это тактика, а не трусость. Я не знаю, Наташа, откуда взялся человек. От Адама или из обезьяны. Но обезьяны были, по крайней мере, вегетарианцами. А превратились [redacted] людей — им вдруг понадобилось мясо. Чтобы есть мясо, надо кого-то убивать, но чем убивать, если природа не дала человечишке ни клыков, ни когтей, ни бивней? Значит, надо орудие применить. А Маркс и Энгельс доказали — прогресс культуры есть прогресс орудий труда. Но первые орудия труда и были орудиями насилия и убийства: палка и каменный топор. А потом [redacted] все остальные. И весь этот хваленый прогресс привел к атомным ракетам. Вот и скажи мне, кто человек по своей самой сути — доброжелатель [redacted] творец или же садист, убийца [redacted] варвар?

— Ты сам [redacted] ответил на свой вопрос. Человек силу ценил больше, чем добро,— оттого мы [redacted] дожили до атомных ракет. Послушай, Андрей... Казалось ли тебе когда-нибудь, что все человечество еще как бы в подростковом возрасте? Посмотри на своих одноклассников — жажда свободы любой ценой, жажда как-то утвердиться, как-то проявить себя, пусть [redacted] плохом, лишь бы проявить задиристость, агрессивность — все это пройдет, когда им станет лет по двадцать. Они отслужат [redacted] армии, женятся, заведут детей, остепенятся...

— И превратятся в заплывших жиром мещан. В самый отвратительный тип людей. Извини, я перебил тебя...

— ...Так вот и все человечество. Люди со временем поймут: самое главное в жизни — это доброта, помощь друг другу, братство. И все станет иначе.

— Помнишь такое стихотворение? — «Счастлив тот, кто навеет человечеству сон золотой...? А если завтра Третья Мировая? И все развитие твоего человечества закончится навеки на подростковом возрасте? Если бы был Бог, загробная жизнь и бессмертие, хотя бы для души, если уж для тела никак нельзя, переселились бы [redacted] мир иной, и все. Но нет ведь ничего этого — значит, горсточки пепла останутся и от тебя и от меня...

— А не кажется тебе странным, как человечество до сих пор не погибло? Знаешь ведь, какие эпидемии бушевали [redacted] Европе в средние века? А Южная Америка? Африка? Азия? Голод, нищета, болезни — как же там люди до сих пор не вымерли? А Гитлер? Мог весь мир погубить, не останови [redacted] его [redacted] сорок втором.

— Наташа, ты передергиваешь. Тогда не было атомных ракет.

— А может быть, в них есть великий смысл?.. Такой великий, что к нему просто не подойти [redacted] не приблизиться, как [redacted] с тобой сейчас?.. Может быть, в том смысл, что вот убери все эти угрозы — и люди расклеются, расслабятся, успокоятся, и жизнь превратится [redacted] тихое уютное болото... Может быть, человек тогда только способен на что-нибудь, когда ему что-то угрожает? И, может быть, только благодаря этим ракетам человечество поймет — нет французов, евреев, американцев, нет коммунистов и буржуазии, умных и дураков, а есть одно целое — люди? Когда перед всеобщей смертью встанут [redacted] в лицо ей посмотрят, когда поймут, какое же чудовище они своими руками сотворили...

— Да, Наташа... [redacted] том-то и дело... тут ведь нет шкалы, чтобы по ней вычислить, где большее добро, а где — меньшее и где — зло... Это, наверное, лишь каждый сам для себя знает, что лучше для него, а что хуже... да и то иной раз сам себя понять не может... Слушай, а если так? Я везу умирающего человека [redacted] реанимацию [redacted] вдруг вижу — кто-то тонет и на помощь зовет. Что мне делать? Спасти одного, чтобы при этом погиб другой? Кого же из них спасать? Того, кто полезней обществу? Того, кто милосерднее? Того, кто благороднее? А если они одинаково полезны, благородны, милосердны? Вот тебе и добро... все перепутано... все запутано... и не отличишь ты одно от другого... зачем тогда и твое непротивление злу насилием, если невозможно отделить зло от добра?

— Добро и зло определяются страда-

нием. — Ты наклонилась ко мне и взяла за локоть. Лицо твое кажется усталым и слегка грустным, но обиды более нет на нем. — Чем больше человек страдает, тем большее зло ему причинили...

— Хорошо, но откуда нам знать, больше человек страдает или меньше?

— Страдания ведь бывают разными по своей сути. Низшие — физические. А гораздо выше и тяжелее — страдания сердца, разума, души, духа... Вот смотри — до революции розги в гимназиях считались обычным делом, как порка крестьян. Теперь тебя никто в школе не порет, коленями на «крупный горох» не ставит, в кондуит твое поведение не записывает, и что же? Тебя мучает уже совсем другое — грубость учителей, их неподготовленность и плохая образованность, несправедливые оценки, формализм, так? Ты ходишь в школу с кудрями до плеч и в выходном костюме, хотя положено носить форму и короткую прическу. Тебе делают замечания, предупреждения, а ты думаешь: «Ах, тупицы, ретроградки! Они топчут мой свободолюбивый дух!» А переброcь тебя сейчас на семьдесят лет назад — в гимназию,— тебя бы там за твой независимый дух просто-напросто выпороли бы... А грубые учителя, несправедливые оценки — остались бы теми же самыми... Человечество тихо, шаг за шагом избавляется от низших видов страдания, но высшие виды остаются и выходят как бы на первый план, кажутся чем-то невиданным и чудовищным. Вот и представляется, будто от страданий избавиться невозможно. И человеческая жизнь улучшается, но не так быстро, как хотелось бы,—мало людей, что могли бы сознательно улучшать ее... А если она все же улучшается, несмотря ни на что, то для того она и задумана, для того мы все и живем...

— Наташа, я тебе сейчас ничего ответить не могу. Мне надо идти. Ждать Олю с Таней больше нет смысла. Пойду по всем больницам.

Справочная регистратура на втором этаже... Ничего не вижу и не слышу вокруг... Лишь подняться по этой лестнице...

— Добрый вечер. Будьте любезны, скажите, в какой палате хирургического отделения Ирина Алексеевна Истомина?

— Так... минуточку... Вы сказали, хирургическое?

— Да, хирургическое.

— Вы что-то путаете, молодой человек,— это гинекология, двенадцатая палата.

Я ослышался? Какая гинекология?

— Да нет ведь... как же аппендицит... хирургическое...

— Вот, смотрите сами, молодой человек. Обманывать я вас буду, что ли?

Толстый регистрационный журнал раскрыт.

— Вот... двенадцатая палата: абортницы... Истомина И. А. — диагноз: осложнения после аборта. Девятое марта. Видите?

— Да не может быть... не может этого быть... тут какая-то ошибка...

— Вот сходите сами в гинекологию и проверьте.

медленно плывет перед глазами двор дома бульвар люди люди люди бульвар запрокидывается куда-то вбок и назад переворачивается люди идут как мухи по вертикальному бульвару люди идут вниз головой по зависшему вверху бульвару а я почему-то бреду по дну Неба и они смотрят на меня сверху вниз смотрите он стал как один из нас снова фойе коридор снова лестница снова коридор коридор дверь сто шестьдесят четыре

— Значит, аппендицит, да? Вот тебе яблоко, познавай Добро и Зло? А ты... Ты же все знала... Вот почему ты... И Оля с Таней... Мы не знаем, где твоя Ирина... Теперь я понимаю... Я ей руку целовал, а она передо мной стояла беременная неизвестно от кого...

— Ты что это, Андрюша? Что случилось?

— Предательница... Иуда... Все знала и... врала. Добро творить надо, милосердие, сострадание... Как же ловко вы все меня... как ловко... Что ты бледнеешь? Разоблачил я вас?

— Да что случилось? Что? Андрей... Девочки... Я не знаю, что они...

— Растерялась? Иуда ты... Аборт у Истоминой, а не аппендицит. Ослож... осложнение после аборта... Не знала, да? Иуда ты... Вот оно, добро твое...

— Я не знала, Андрюшенька, поверь мне, я ничего не знала...

— Не верю и не поверю никому... Ни тебе, ни им... Пять лет вместе учитесь —

и не знала... В одной комнате живете — и не знала.

— Куда [redacted] ты? Постой, Андрей!

— Отойди от меня, Иуда. Все Иуды... Все...

— Андрюша, вернись! Я не знала! Не знала! Они обманули меня!

— Иди другим добро свое твори... Не верю я крокодиловым слезам твоим.

Так значит — прав я был. Прав — тогда, еще до появления Вашего, Богиня Падшая? Прав? Весь мир — гниль, и вся жизнь всех людей — поганая плесень на старых камнях? И нет ничего святого ни у кого? Ничего чистого? Ничего высокого? Ничего истинного? Бескорыстного? Благородного? Да, был прав. Прав. Прав. Никому нельзя верить ни [redacted] чем. Никогда. Никому... Ни при каких условиях. И самому себе верить нельзя, когда является вдруг невесть откуда Видеофантом, Иллюзион, и те Брахманы с Суперстены... гиганты мысли,.. высокие души... творцы Культуры.... и там все то же самое. Та же ложь... та же низость... та же грязь... лишь под маской Истины [redacted] Красоты...

Да, я был прав, совершенно прав тогда:

Простор открыт — ничего святого, ничего святого в мире нет, [redacted] оставаться жить в таком мире — значит быть последним подлецом.

Сильный человек должен убить себя и тем доказать свою силу и всю глубину презрения к тебе, человечество

к тебе человечество, в котором не осталось ничего, ничего святого...

Нет, не впал [redacted] безумие... Если бы! Если бы... Но нет, без всякой вульгарной аффектации, в здравом уме [redacted] твердой памяти приду сейчас домой, возьму... жаль, отец, нет пуль в твоем маузере... возьму у тебя, бабушка, элениум или димедрол — упаковки две — включу Вивальди, аллегро нон мольто из «Инверно» [redacted] приму залпом... и неощутимо усну без боли, без отчаяния, без горечи... и проснусь уже [redacted] ином мире... которого нет...

И никто не помешает. Отец уже [redacted] откате. Бабушка тоже скоро отойдет ко сну. А я закроюсь в своей комнате и приму залпом... Вот только спрошу Электропророка, скоро ли надлежит погибнуть тебе, опоганившее себя человечество. И оставлю записку: «Вы все сгорите через неделю [redacted] атомном пламени. Прощайте. Вы все уже изжили себя, более Вам жить незачем. В вашем мире не осталось никакой ценности, [redacted] если она и была у вас, то не имела бы никакой ценности. А мне тем более незачем жить среди нас».

— Здорово, Артист, — Бейкер выходит [redacted] комнаты.

— Что скажешь, кудесник, любимец богов?

— А скажу я тебе... Труба дело, Артист. Труба тебе дело.

— Это почему же, позволь осведомиться?

— Да вот... Интересная штука у тебя с практиканткой нашей выходит... Короче, сегодня у нас был вечер [redacted] актовом зале, ну, танцы, там, да... я в туалете курил, [redacted] там, за стенкой-то, тоже курили практиканточки те две, с немецкого и французского....

Понятно — Оля с Таней... Вот где они, оказывается, были сегодня весь день.

— ....и твою Ирину обсуждали всяко разно... ну, сквозь вентиляцию-то слышно все, сам понимаешь. Короче, они там сначала обсуждали, какая Ирина развратница — залетела от какого-то там ихнего Поля, [redacted] он ей врача нашел по блату, чтобы этот... как его?.. аборт в больнице сделал [redacted] чтобы булютень...

...а утром твоя Ирина им из больницы позвонила, чтоб одежду ей занесли, [redacted] одна другой рассказывает, как пришла она, короче, к твоей [redacted] больницу и тут придумала все дело. Ты же ей кольцо какое-то там подарил. А эта твоей говорит: «Подари колечко, а то все наше начальство в инязке нашей узнает про твои дела, тебя из комсомола выкинут, [redacted] этот... как его? диплом не дадут». Ну а твоей чо было делать? Свидетелей нет, подтвердить некому будет. Ну она [redacted] отдала ей твое кольцо. А эта только тогда ей одежду дала. И убежала сразу...

...ты чо, не слышишь меня, Артист? Опять [redacted] облаках витаешь? Короче, Артист! Платить надо за молчание, понял?!

— Что?

— Не что, [redacted] сколько! Двадцать пять!

—Двадцать пять, чтобы ты никому не рассказал? Хорошо, хорошо, я сейчас принесу... Подожди меня в этой комнате...

— Эй, Артист! Чо-то ты долго [redacted] копаешься! Время — деньги!

Ничего, пролетарий, сейчас [redacted] у меня сбавишь тон на три октавы ниже.

...вот он: «Капитану Орлову, борцу [redacted] коммунистический Китай»...

— Иду, иду, любимец богов... — На колени, пролетарская сволочь! Молись — убивать тебя буду.

Маузер пляшет [redacted] руках моих...

— Аааанндддрюха, ...я пппошушушутииииил...

— Только [redacted] трясись, авангард. Ты [redacted] так противен. Так вот, запомни: это и есть твое место — [redacted] коленях перед Брахманом. Вот тебе бумага, ручка, пиши: «Я поганый пролетарский авангард... Ну?! ...приговорен Андреем Александровичем Орловым [redacted] смертной казни...

— ...как смемемертной каказни...

Стоит на четвереньках и пишет. Вот [redacted] и надо было всегда с ними поступать, а [redacted] еще благородным хотел быть с ними... С подлецами [redacted] шудрами, проклятариями нельзя быть благородным, [redacted] этого, очевидно, не способны оценить... на колени их надо ставить для их же пользы... Вот теперь тебе, милый шудра, уже никогда и никому не захочется подлостей делать. Никогда и никому, [redacted] уверен...

— Написал, Андрей Александрович...

— Молодец, шудра. Вайшьей будешь. Первый экземпляр останется у меня, второй — ешь.

— Ненене могу...

— Ешь — стрелять буду.

Ест ведь... Ест, собака... Куда тебе деться, жалкий подлый трус? Будешь знать, [redacted] вымогать [redacted] шантажировать.

— Съел? Теперь ползи [redacted] коленях [redacted] выходу [redacted] выметайся [redacted] моей квартиры.

— Слушаюсь, Ваше Благородие...

Надо же... Гены заговорили...

— Да еще обмочился, поганый плебей... Ну-ка снимай свой пиджак и вытирай свою лужу. А то заставлю слизать. Быть может, мне сфотографировать тебя такого, [redacted] потом показать всем?

— Попопомилуйте, Андрей Александрович, Ваше Высокоблагородие... Ненене говорите нининикому...

— Ладно уж, не скажу. Я ведь — не ты. Вытер? Так вот, смерд. Приговор [redacted] приведу [redacted] исполнение, как только сочту нужным. Ты меня понял?

— Попопопонял..

— Абсольво те. Ползи [redacted] выход, проклятарий.

Уполз... Вот [redacted] дверь [redacted] ним хлопнула... «Я — Чайка, подстреленная Бельским...» А теперь еще [redacted] Олей...

К дьяволу сентиментальность. Ты, Бельский, приползешь [redacted] коленях под маузером к Падшей Богине и будешь просить у Нее прощения. Но Она не простит тебя. И я тебя убью. А потом — себя.

Сию [redacted] минуту поеду [redacted] найду тебя. [redacted] ты будешь вот так [redacted] стоять на коленях под маузером. Прямо сейчас и...

— Андрюшенька, ты [redacted] спишь еще, милый?

Скорее спрятать маузер под пиджак... Увидит... Шум поднимется... Отец проснется...

— Что случилось, бабушка?

— Ты как будто нездоров?

— Нет, тебе кажется. Все хорошо.

— Ты знаешь, мамино колечко с бриллиантом куда-то пропало... Уж я искала его везде, где только могло оно быть...

— Куда же оно могло пропасть?

— Андрюша, у тебя глаза хорошие. Ты посмотри сам у меня в шкафу. Пойдем, поищем. — Вот, Андрюша, посмотри... Вот здесь оно лежало, в коробочке...

Скрипнула дверца твоего шкафа... Как это низко — разыгрывать недоумение и искать то, что [redacted] украл..... Но уже никогда не вернуть кольца этого — [redacted] у Оли, оно пошло гулять по рукам, бывшая реликвия семейная.

— Что, Андрюша, нет коробочки?

— Пока нет...

Шкатулки, статуэтки, фарфор фабрики Кузнецова с двуглавыми орлами на донышках, столовое серебро с твоими вензелями, пачки дореволюционных фотографий с золотым тиснением на плотном картоне... Купцы, дворяне, чиновники, священнослужители, офицеры императорской армии... Величественный Кафедральный собор на месте нынешнего обкома... Все кончено... Что стало с Россией, державой великой... Мы с тобою, бабушка, жили по инерции, но у [redacted] эта инерция кончилась... Я заехал в тупик... А это что за порошки в шкатулочке? И надписано твоей рукой по-латыни [redacted] по-русски: «HEROINE». «Героин»... Господи... Откуда он у тебя? Впрочем, какое дело

мне сейчас до этого... он мне [redacted] нужен... Развести его водой [redacted] вколоть [redacted] вену... А там...

— Что, Андрюша, нет коробочки?

— Нет, бабушка...

— Андрюша, [redacted] знаю — это он, он, твой отец... Это страшный человек — для него нет ничего святого... Это колечко носила твоя мать всю жизнь. Я подарила его ей [redacted] сорок восьмом году, [redacted] [redacted] свадьбу... Он украл его [redacted] пропил...

— Бабушка, еще найдется колечко, найдется... Ты сама, наверное, убрала его куда-то и забыла. А если даже и отец его взял, то разве он не вправе это сделать?

— Нет, Андрюша, ты его [redacted] защищай. Это — он... Тридцать лет ненавидит меня. Тридцать лет... Ведь [redacted] знает, [redacted] хотела [redacted] выдавать твою маму за него... О таком ли муже для нее я мечтала?! Ведь он до войны храмы взрывал [redacted] грабил! Но что было делать... Сорок седьмой год... Голод... Все молодые на фронте погибли... А этот варвар... Я ведь говорила ей, говорила... А она: «Мама, больше [redacted] за кого замуж идти...» Он тогда уже в их управлении был каким-то начальником, подполковником, а она там телеграфисткой работала... И он заметил ее там... Ведь [redacted] ей даже противен был сначала... Потом сорок седьмой год — его отправили в Китай. Тогда вся страна еще по карточкам питалась, голод был страшный... А он [redacted] Китая прислал нам два ящика продуктов. Ты понимаешь, что это было тогда? Нет, тебе не понять, Андрюша...

— Так ты что же... Продала ему мою мать за два ящика продуктов?

— Всю войну мы с твоей матерью голодали... И до войны еще четыре года... Твоего деда забрали по доносу [redacted] тридцать седьмом как врага народа... Тогда тысячи безвинных людей погибли на Колыме в концлагерях...

— Как в концлагерях?! Это... тогда... но почему ты никогда раньше ничего не...

— А мы с твоей матерью остались совсем одни... И никто нам не помог, боялись как зачумленных,— Господь помог... Нет, тебе не понять, что тогда было... По ночам арестов ждали... Сталин призвал к усилению классовой борьбы... А отец твоего деда служил штабс-капитаном [redacted] добровольческой армии Деникина и погиб [redacted] бою с красными [redacted] девятнадцатом... А мать твоего деда умерла от голода [redacted] двадцатом...

— Так [redacted] предки были дворянами? Почему же [redacted] не знал...

— Не титулованными, не столбовыми, но все равно ведь... Моего папу забрали [redacted] тридцать восьмом и расстреляли, мама [redacted] ним кинулась... [redacted] пропала без вести... Двенадцать лет страха [redacted] голода... Тебе никогда не понять этого... А в сорок восьмом снова начались аресты [redacted] доносы... И тут твой отец вернулся из Китая — уже майор с орденом... Эти два ящика продуктов — они и решили все дело... А твой отец до войны был активистом усиления классовой борьбы... Каждый день с доносами [redacted] ГПУ бегал... И только [redacted] пятьдесят седьмом я узнала, когда твои мать с отцом уже девять лет прожили, что это он, твой отец, донес [redacted] моих родителей [redacted] мужа... Пришел тогда один человек, в лагере вместе с твоим дедом сидел...

— Так это что же... и это ты скрывала от меня [redacted] жизнь? Тридцать седьмой год... [redacted] рождены, чтоб сказку сделать былью...» Концлагеря на Колыме... тысячи безвинных расстреляли по доносам...

— Может быть, [redacted] миллионы... Никто не знает...

— Миллионы... Так вот что... И это от меня все скрывали всю жизнь... [redacted] ты скрывала... Ведь ты... значит, ты продала ему [redacted] мать за два ящика продуктов... И чтобы защитил... А я-то думал, почему же они... Да знал бы я... Ведь он твоих родителей погубил... и твоего мужа... Как [redacted] ты могла...

— Но [redacted] не знала... Если бы знала, разве [redacted] стала бы... Ты не можешь осуждать нас... не должен осуждать... Ты не жил тогда и не знаешь... [redacted] не понять тебе никогда... я так [redacted] думала — молод ты еще, не поймешь, не простишь, осудишь ты нас... потому [redacted] [redacted] хотела тебе говорить ничего, пока не станешь взрослым...

— Да ведь ты, как Исав библейский, продала свое дворянское первородство за миску похлебки... Вот потому ты [redacted] мучилась с ним всю жизнь... И мать с [redacted] мучилась...

...господи... мой отец купил мою мать в голодное время [redacted] два ящика продуктов... [redacted] прожил пятнадцать лет и ничего не знал... жалкий Спящий с Открытыми

глазами... и лишь теперь, когда прошло уже полтора года после смерти твоей, мать... «а кто меня туда без связей положит»... концлагеря на Колыме... Миллионы погибли... а он бегал с доносами в ГПУ... и он погубил весь наш род... прадеда, прабабушку, деда, и — чтобы уже дело до конца довести — тебя... купил, а потом — погубил... с кем жил я под одной крышей пятнадцать лет... Вот откуда было это чувство какой-то отделенности от всего этого мира... откуда оно было во мне с самого детства... словно я знал все это, как-то смутно знал... лишь догадывался... гены предков... в твой Бог... «Не хлебом единым, но Духом Святым!» как же все вы жили?... что вами двигало в жизни?.. Христос... ненависть... и — водка... а на самом деле... фарисеи... конченые люди... ты со своим коммунизмом и гранатами, а ты — со своим Богом... которого нет... а между тем живой человек рядом с вами — моя мать...

— Ведь вы же раздирали ее всю жизнь... Ты мечтала, чтобы она была православной, а он хотел сделать ее коммунисткой... вот и разодрали...

— Андрюша, да что же ты говоришь...

— Так вот Он, твой Бог.. «Возлюби ближнего своего, как самого себя!» Это так ты возлюбила их? А теперь прячешься в Бога, а он — в водку... Думаешь отмолить грехи, прощение заслужить? Вот почему ты так в веру ударилась... «Фарисеи, что молятся напоказ на людных улицах...» Да ты продала Христа и ему же молишься теперь! А жизнь-то — она вот... вот она... И вам с отцом страшно, вы не хотите жизни в лицо смотреть, а от нее не спрячешься ни за икону, ни в бутылку... Да и никто не хочет смотреть в лицо жизни, никто! Ведь это — лицо Медузы Горгоны! Кто ее увидел — навеки окаменел... Страшно умирать после такой жизни... Пусть он нальет стакан водки твоему Боженьке — выпьет Боженька, и что нам тогда будет проповедовать?

— Андрюшенька... послушай... так нельзя... так нельзя...

— И все вы — и ты, и мать, и отец,— все вы жили не по высшим принципам, а по желудку... За два ящика продуктов ты продала ему единственную дочь — мою мать... И ведь он понимал, на что подействовать... Не на сердце, не на разум — на желудки... И мать умерла от рака желудка, словно твой Бог вынес ей приговор: «Ты всегда заботилась лишь о желудке, так погибни от него!» Не Бог твой вел нас по жизни, а Царь Голод! И дергал за ниточки, как кукол тряпичных... «Вы куда, людишки? О желудке забыли?!»

— Андрюша... я не хотела говорить тебе... я знала — ты не поймешь нас, ты осудишь... если бы ты знал голод... нищету... тридцать седьмой год, пытки, допросы...

— Прощай, бабушка. Больше вы с отцом меня не увидите. Я ухожу навсегда.

Уже двенадцатый час. Завтра утром поеду к Элен, узнаю адрес Поля и...

А сейчас, чтобы не сойти с ума за ночь... Надо... выпить. Это единственное, что может спасти.

— Отец, у тебя еще есть водка?

— А тебе зачем?

— Мне надо выпить хотя бы сто грамм... Иначе я не смогу заснуть... А если не засну, сойду с ума.

— Эх, ты-и... Алкоголик ты у меня растешь... Ладно, допей там остатки.

— Я уже все знаю, отец... И знаю, как ты моих деда, прадеда и прабабушку на Колыму отправил... А потом женился на их дочери...

— Успела, сволочь старая... Разболтала... Да таких белогвардейских сволочей только в расход и надо было, понял?! Они, гады, пролетарьят эксплуатировали! Ты знаешь Дом офицеров на Карла Маркса? Это они такой дом занимали одни при царе-батюшке! А потом их оттуда попросили, а им не понравилось! Ну и хрен с вами...

— А доносы писать — это как? Вот и тебя покарал бабушкин Бог, которого нет,— ты всю жизнь писал доносы в КГБ и всю жизнь мечтал туда попасть, а тебя не взяли, потому что ты оказался китайским шпионом.

— Эх, ты-и... Сволочь, больше никто... Да ты мне после таких слов не сын! Я тебя не признаю! Больше не обращайся ко мне никогда! Знать тебя не хочу!

— И не стану. Только скажи мне на прощание — как же ты, коммунист, собрался свой коммунизм строить? Доносами? Шашнями с торгашами? Маузерами? Расстрелами?

— Погоди, еще придет наше время...

Придет там, наверху, настоящий человек — он даст по шапке всем торгашам и такой порядок установит, что все вы, разгильдяи, по струночке будете ходить у нас. И не пикнете. А кто не согласен — с теми разговор короткий будет. Вот попомнишь еще мои слова. Если ты не изменисся — быть тебе тоже на Колыме, как твоим поганым дедам — контрам. Мне ваша Тафиска рассказывала, что ты там пропагандируешь... Дорого мне приходится покрывать твои школьные выходки...

— Ты что, деньги Тафисе платишь?

— Дурак ты еще, больше никто... Иди спать! Марш! А потом я тебе устрою, если не поумнеешь.

...а весь этот мир — лишь тусклый мыльный пузырь, что выдули какие-то космические садисты из грязного хозяйственного мыла, чтобы развести нас на нем, как подопытных вшей, и надсмехаться над нами, глядя на мучения наши, видите... пузырь... он уже расплывается [redacted] глазах моих... сейчас все краски стекут и вы увидите сами — вы сидите на огромном мыльном пузыре — планете Земля... [redacted] этот пузырь с минуты на минуту лопнет... и растает... и...

Пропасть захлопнулась. Лежу на полу гигантского кинопавильона, вокруг — огромные прожекторы, вентиляторы, калориферы, над головой — подъемник с площадкой наверху, где громоздятся кинокамера, оператор за нею, рядом — молодой человек держит микрофон с бесконечным шнуром.

— Кто вы? — шепчу непослушными губами и с трудом встаю.

— Я режиссер фильма «Суперстена».

— Зачем же этот фильм? Ведь меня уже нет... Я — в царстве Мертвых,

— Как вы спокойны, мой юный друг... Только позавидовать вашей мужественной выдержке... Да нет, вы еще живы, как это ни странно... Господь не творит людей, способных нести в себе Дух [redacted] помогать отставшим и заблудшим, готовыми. Открою тебе Великую Тайну — человечеству в скором времени надлежит разделиться на две Коренных Расы — Одухотворенных Творцов и Падших Материалистов-дегенератов.

— Что же со мною будет?

— Мой юный друг, если я тебе расскажу, ты удавишься шнуром от этого микрофона. Готовься — тебе предстоит столько раз искупаться в собственных слезах и крови, что проклянешь, быть может, день, когда на свет явился. Но — иначе нельзя. Ты сам закрыл перед собою двери покаяния. Человек смывает с себя грех кровью Христовой в Святом Причастии. Ты же отверг Таинство Церкви, а потому сможешь искупить грехи свои лишь своею кровью.

— Страшно впасть [redacted] руки Бога Живаго,— сказал Старец, глядя [redacted] Небо.

— Воистину. Аз есмь Уриил — небесный огонь, покровитель премудрых и сладкопевцев. И сего раба Господня, еже восхотел поведать миру о твоем грехопадении, покаянии и спасении, дабы искупить тем свои грехи пред Богом [redacted] людьми. Благословение Вышнего пребывает на нем [redacted] сем начинании. Ибо должно напомнить людям [redacted] последний раз — близ есть при дверех грядущих антихрист и царство дьявола на Земле. И не разумеет сего никто из нечестивых, а мудрые разумеют, еже родился антихрист от девицы нечистыя из колена Данова и ровно чрез тридесять лет и три года явится миру, и еще минут два года, и преклонятся пред ним все языцы земныя, и будет царствовать на всей Земли три года и шесть месяцев и предаст то малое число детей Божиих, иже не отпали еще от Христа, мученическому убиению. Будет антихрист сперва, как человек ученый и умный, покажет он скромность, целомудрие и человеколюбие, соберет рассеянный по Земле народ Иудейский, восстановит храм Божий во граде Иерусалиме и воссядет в нем, обольщая поклоняющихся ему, яко он есть Христос. И все сие совершит по коварному умыслу склонить всех к избранию его царем. И яко вси народы узрят тации добродетели его, придут к нему и рекут: «Все мы повинуемся тебе, уповаем на тя, яко еси справедливейший на всей Земле!» И тогда сбросит волк хищный шкуру агнчию, и уразумеют несчастные, яко он злой диавол и возопят с отчаянием: «О горе! Как же мы склонились пред ним?! Как опутал нас обольститель? Отчего уловлены мы сетями его?!» И восплачут

горестно, [redacted] наступят дни последней великой скорби на Земле, какой не было от века [redacted] не будет, и не будет сей скорби никакого утешения ни [redacted] земле, ни на море, и узрят — весь мир в смятении, [redacted] каждый бежит укрыться [redacted] горах, [redacted] одни умирают от голода, другие истаивают, как воск, от жажды,—и нет милующего. И всякое лицо проливает слезы [redacted] вопиет: «Есть ли где [redacted] Земле слово Божие?!» [redacted] слышит в ответ: «Нигде!» Кто перенесет одни сии, кто стерпит невыносимую скорбь, как скоро узрит смешение народов, иже от конца Земли идут узреть мучителя [redacted] поклоняются ему, с трепетом взывая: «Ты наш спаситель. Море мятется, земля иссыхает, небеса не дождят, растения увядают, и все живущие на вос[redacted] Земли бегут на Запад, [redacted] живущие [redacted] Западе бегут на Восток. Антихрист же, приняв власть, пошлет бесов во все концы проповедовать: «Великий царь ужаса [redacted] во славе! Идите и узрите его!» [redacted] вознесется сердцем и изрыгнет горечь [redacted] сей змий, смятет Вселенную, подвигнет концы ея, всех притеснит и станет осквернять души, стараясь весь род человеческий вринуть в пучину нечес[redacted]. Ибо жестокие надзиратели будут поставлены, и кто только имеет [redacted] челе своем [redacted] деснице печать антихристову, тому позволено будет купить немного пищи. И младенцы будут умирать на лоне матери, умрет [redacted] мать над своим детищем посреди торжища, [redacted] некому будет положить их во гроб, [redacted] ужасное зловоние от множества трупов, поверженных на улицах, и золото, и сребро рассыпаны, и никто не касается их, ибо все омерзело. Некуда бежать, некуда скрыться — назовут все люди блаженными умерших, преданных погребению прежде, нежели пришла на Землю сия великая скорбь.

И восплачут светила небесные о роде человеческом, иже уклонился от Святаго Бога, и поверил лести. По исполнении же трех с половиною лет власти антихристовой придет, наконец, Господь, подобно молнии, приидет Святый, Пречистый. Славный Бог наш! Отверзутся гробы, и во мгновение ока пробудятся все колена земные и воззрят на святую красоту Христа. Антихрист со всеми демонами и все принявшие печать его, все нечестивые [redacted] грешники, связанные Ангелами, приведены будут пред судилище. И Господь даст [redacted] них приговор вечного осуждения в огонь неугасаемый. И [redacted] тем [redacted] тысячи тысяч Архангелов и Ангелов, [redacted] святые, и праведные, и все, не принявшие печати антихристовой [redacted] все, скрывавшиеся в пещерах, возвеселятся со Христом в вечном небесном чертоге в беспредельные веки веков!

Старец Архангел застыл, воздев руки.

— Запомни все сие,— сказал Режиссер.— Придет время — вспомнишь [redacted] поведаешь людям. А пока — забудь.

Огромные клочья Суперстены — на полу...

«Когда люди узнают, что движет звездами, Сфинкс засмеется, и Вселенная рухнет»...

Так предсказал некий пророк в эру фараонов.

Трещины штукатурки, прежде закрытые Суперстеной, складываются в силуэт Сфинкса. Легкая улыбка змеится [redacted] его устах.

Но мне уже — все равно.

Да. Сейчас — к Элен. Если у [redacted] не возьму адрес Поля — к Наташе-Иуде. Потом — [redacted] кладбище — проститься с матерью. Потом — к Полю. И — все.

Что [redacted] с собой? Героин, шприц, иглу и... Нет, маузер [redacted] стреляет. Нож. Этот длинный прочный нож, которым можно убить даже медведя.

— Доброе утро. Я [redacted] разбудил вас?

— Проходи, дорогой друг... Рада тебя видеть. Ты как Чацкий — «чуть свет, и я — у Ваших ног»? Что-то случилось?

— Случилось? Да. Когда я приходил [redacted] в театр три дня назад, Ирина Алексеевна лежала [redacted] больнице с абортом. И виновен [redacted] этом Поль Бельский. Мне нужен его адрес.

— Что ты задумал? Отомстить ему?

— Нет, я хочу лишь поговорить с ним.

— При помощи чего?

— Просто поговорить.

— Садись. Сейчас [redacted] кофе приготовлю.

— Я всего на минуту, Елена Анатольевна. Дайте [redacted] адрес или телефон. Вы ведь с ним говорили тогда в театре?

— Называй меня просто Элен. Когда ты обращаешься ко мне по отчеству, я кажусь себе уже старухой.

— Извините, Элен. Я вовсе не хотел вас обидеть. Вы [redacted] так [redacted] ответили.

— Сколько [redacted] будешь стоять как Каменный Гость? Садись, прошу тебя.

— Если [redacted] не хотите давать мне его адрес, [redacted] прямо. [redacted] уйду. Вы ведь все [redacted] об [redacted] аборте, [redacted] правда ли? И скрывали от [redacted].

— Хорошо, что же я, по-твоему, долж[redacted] была делать? Сказать тебе: «Оставь ее»? [redacted] кроме того, аборт... Что такое аборт, подумай сам... Мы ведь [redacted] реальном мире, Андрей... И этот мир — жесток. Очень жесток. А мы... что [redacted] зна[redacted] друг друга? Имеем ли мы право в чем-то обвинять друг друга, не [redacted] обстоятельств? Не зная, почему совершен тот или иной поступок?

— [redacted] понимаю, что вы хотите сказать мне. Вы оправдываете ее?

— А ты — обвиняешь нашу бедную Ирэн? В чем же?

— То есть как это... По-вашему, вполне благородно быть беременной [redacted] одного мужчины [redacted] при этом... при этом... обманывать другого?

— В чем [redacted] она тебя обманула? Ты когда-нибудь совершал в своей [redacted] ошибки?

— Ошибки? Что вы имеете в виду? Провести ночь с мужчиной — по ошибке?

— Господи, какой [redacted] еще максималист... Пойми [redacted] — [redacted] не роман Дю[redacted] не [redacted] Тургенева.

— Я это прекрасно понимаю. Так вы дадите мне его адрес или нет?

— Дорогой мой, [redacted] не отпущу тебя, пока ты [redacted] успокоишься. Кофе уже готов. Прошу.

— Так он — ваш друг?

— Он — приятель моего бывшего мужа. Я не знаю, сохранились ли у них сейчас какие-то отношения, или нет... Он был покорен мною [redacted] очарован, но я отказала ему, [redacted] он прекратил свои демарши. Так что считать его подлецом у меня нет никаких оснований.

— Так это ему вы звонили тогда? Вы познакомили его с Ириной Алексеевной?

— Наоборот. Она меня познакомила с ним. Он ведь ее однокурсник. И знакомы они уже пять лет.

— Когда же у них началось... начался роман?

— Очевидно, еще на первом курсе. Я точно не знаю... Она мечтала стать его женой... Но все оказалось куда сложнее.

— Так что [redacted] случилось у них? Элен, расскажи мне все подробно.

— Как тебе сказать?.. [redacted] думаю, тебе сейчас трудно будет понять все это... Он вовсе [redacted] обманул [redacted] — видишь ли, [redacted] чем дело... Он никогда [redacted] обещал [redacted] на ней. Есть целый тип мужчин, для которых слово «брак» таит что-то чудовищное. [redacted] осуждать за это? Ты помни — мы с тобою [redacted] Ирэн пели прекрасный романс: «Не обещайте деве юной любови вечной [redacted] Земле...» Чувства изменчивы, мой друг... Ты еще так молод... Ты не испытывал этого. А жениться, когда чувства уже ушли? Чего ради? Но Ирэн [redacted] верила в свои женские чары. Ей казалось, он непременно женится на ней — рано [redacted] поздно. И ради этого она пошла [redacted] многое... Мой друг, здесь [redacted] не виновен — [redacted] она, ни он. Постарайся это понять.

— Извините меня, Элен. Я пойду. Вы успокоили меня. Благодарю вас [redacted] все. Остается лишь раскаяться в собственной доверчивости. Я [redacted] во всем виноват.

— Мой дорогой, приходи сегодня [redacted] мне [redacted] спектакль. Вот тебе контрамарка. А [redacted] вернемся сюда. Я бы хотела про[redacted] этот вечер с тобою. У [redacted] началась сейчас черная полоса [redacted] жизни, [redacted] ты в силах утешить меня.

— Жду тебя,— повторяешь уже [redacted] дверях.

Может быть, [redacted] самом деле — убить Поля, а [redacted] — героин в вену?

Там видно будет... Во всяком случае, пусть лучше последним, что буду видеть [redacted] этой планете перед смертью, будет прекрасный женский лик, [redacted] собачья морда под забором.

А сейчас — к Наташке. [redacted] тут уж — играть от начала [redacted] до конца.

— Кто здесь? — отвечает твой сдавленный голос из-за двери.

— Наташа... Ты прости меня... Я столько всего тебе вчера наговорил. Я не мог поверить, что ты [redacted] в самом деле ничего не знаешь.

— Проходи, Андрюша... Мне не за что тебя прощать — ты передо мной ни [redacted] чем не виноват. Садись, Андрюша... Что же ты стоишь у дверей?

— Я пришел лишь для того, чтобы

помириться с тобой. И еще спросить у тебя кое-что... Ирина Алексеевна как-то говорила, что у нее есть друг, на которого можно положиться [redacted] любом деле. Он учится на пятом курсе английского факультета. Поль Бельский. Помнишь, я спрашивал тебя о нем позавчера?

— Поль Бельский... Помню... Но я не знакома с ним... А зачем он тебе нужен?

— Ты знаешь, Ирина Алексеевна еще до больницы говорила, что ей нужна новая комната... у нее с хозяйкой какой-то конфликт вышел...

— Садись. Раздевайся [redacted] садись.

— Ты что это? Ты зачем дверь закрыла? Я сейчас пойду... Так ты не знаешь, где найти Бельского?

— Нет, Андрей.

— Наташа, открой мне немедленно. Мне надо идти.

— Никуда ты не пойдешь сейчас! — ты подлетела ко мне и загородила дверь.— Думаешь, я не понимаю, что ты сейчас сделаешь?! Ты помчишься по всему городу искать Бельского и, как найдешь,— бросишься на него!

— Ты с ума сошла? Зачем мне на него бросаться?! Он же друг Ирины Алексеевны. Он мне помочь должен... зачем же мне на него бросаться...

— Ну-ка посмотри [redacted] глаза, Андрей! Друг, говоришь... Не умеешь врать— лучше не пытайся!

Бросаю дубленку на чью-то постель, плетусь [redacted] окну и падаю на табуретку у стола...

— Возьми себя в руки, будь мужчиной, — говоришь ты тихо и твердо, упираясь руками в стол. Взгляд твой сосредоточен и тяжел. — Ты пойми — ты сейчас сам себе можешь навсегда жизнь изломать, если только не успокоишься... Ты ведь можешь впутаться в такую грязь, что потом не отмыть тебе ее никогда! Что ты ему способен сделать? Он побьет тебя, и все тут. Такие всех бьют. Ты этого хочешь? Ты — гордый, независимый, тебе ничьих благодеяний не надо, чтобы совесть потом не мучила. Пусть даже не Бельский тебя побьет, а ты его — так ты же [redacted] колонию сядешь, не он! Вот все, чего ты добьешься... Ты что, надеешься Бельского исправить этим? Да еще ни один живой человек, пойми, не исправился ни от драки, ни от тюрьмы. Наоборот, если хочешь сделать из человека злодея и преступника, воспитывай его битьем, страхом и унижением. Ты будешь в колонии сидеть, а Бельский [redacted] это время — других девчонок соблазнять...

— Да и с чего ты взял, что у Ирины аборт именно от Бельского? Бельский нечистоплотный, но...

— Так у нее еще кто-то был?! Может быть, Мигель с Санчесом?

— Да нет же... У них чисто приятельские отношения...

— Вот как? Не знаю... Теперь уже ничего не знаю... А Бельский... Мне передали вчерашний разговор Оли с Таней, где они говорили о них, и там прямо было сказано — от Бельского.

— А как ты... Нет, тогда, конечно, другое дело... Эта троица никогда не посвящала меня [redacted] свои дела. Как и я [redacted] — в свои... Я ведь с ними всего два месяца живу — с начала второго семестра. До этого жила на квартире, но хозяйка меня попросила... Хорошо еще, деканат навстречу пошел, поселили здесь, а могла бы вовсе бездомной оказаться...

— Но зачем тогда Ирина Алексеевна начала со мной... все это? Ты можешь понять зачем?

— Зачем... Что зачем в жизни? Зачем я тебе не сказала сразу, тогда еще, позавчера — иди, мол, отсюда, Андрюша, не кончится у тебя добром все это... Ведь чуяло мое сердце... Затем хотя бы, чтоб перед Олей и Таней нос задирать — смотрите, какая я неотразимая, [redacted] меня даже пятнадцатилетние влюбляются! Сказал же Лев Толстой, что миром правят Похоть, Гордость [redacted] Тоска...

— Вот [redacted] скажи мне, как жить в таком зверинце? Это даже не зверинец, это джунгли...

— Помнишь, [redacted] тебе говорила, что пишу дипломную по педагогике? Показала я вчера ее начало своему научному руководителю, и знаешь, что он мне ответил? «Вы, Николаева, проповедуете самое утонченное, а потому особо отвратительное поповство. Нам не нужен абстрактный гуманизм, мораль должна быть классовой». Да, джунгли. Но окажись ты [redacted] настоящих джунглях, что бы ты стал делать? Искать из них выход всеми силами или жить со зверями и забыть, что ты — человек?

— Из наших электробетонных джунглей нет выхода.

— Есть, Андрей, И он всего один — не противься злу насилием, борись с ним только гуманными делами. Пусть ты сейчас и не согласен со мною — пройдет время, и рано или поздно ты поймешь... С твоим гордым [redacted] независимым характером, с твоим идеализмом и высокомерием ты, наверное, будешь постоянно попадать во всякие истории... И сама жизнь тебя приведет постепенно... Дорога всего одна, [redacted] если ты не смиришься и не успокоишься, то так или иначе, но лишь на нее [redacted] выйдешь... Но подумай сам — не глупо ли выйти на дорогу, не поверить, что это и есть единственная дорога, и снова блуждать в зарослях десять, двадцать лет, а под конец жизни снова выйти на эту же дорогу, когда уже времени не хватит пройти по ней до конца [redacted] навсегда уйти из джунглей?

— Так что же? Смириться перед всеми этими нищими духом? Пусть они творят свои гадости — благословить их? Господь терпел и нам велел?

— Вовсе нет... — по лицу твоему прошла тень.— И при чем здесь Христос? Он не может быть ни для кого идеалом...

— Это почему же? Ты Евангелие читала? Знаешь, как Христос погнал торговцев из Храма Иерусалимского? Плеткой! «О род неверный и развращенный! Доколе буду терпеть вас? Не мир я вам принес, но меч!»

— Вот потому Христос [redacted] не может быть идеалом непротивления.

— А ты помнишь, что писал Белинский [redacted] письме к Гоголю? Христос, по мнению этого «светильника разума»,— первый революционер, первый борец за свободу, равенство и братство. Так что [redacted] будь Христа — не было бы марксизма-ленинизма, хотят они того или нет...

— И марксизм, [redacted] христианство — это ненависть и насилие.

Ты повертела головой, словно искала взглядом точку опоры, какую-то очень простую вещь, что зримо подтвердила бы правоту твоих слов:

— Но я говорю не о смирении перед злом [redacted] не о насилии — о любви к людям [redacted] о борьбе со всеми, кто оскорбляет [redacted] унижает, но бороться не бомбами, не тюрьмами, не пистолетами — своим словом бороться, своим примером, всей своей жизнью — пусть видят! Пусть видят — можно жить без когтей, без клыков, и это лишь и есть настоящая человеческая жизнь! Да вот же — смотри...

Окно выходит во двор. Справа бестолково кружатся дети за железной оградой детского сада, слева громоздится заброшенная стройка за деревянным забором. Новые железобетонные блоки свалены на землю и выглядывают из-под черного от дыма, залитого мазутом обледенелого сугроба. За стройкой лепятся друг к другу темные деревянные домики. Стройка, что выросла всего на один этаж, безлюдна, если не считать трех грязных мужиков в телогрейках и кирзачах, что расселись вокруг железного ящика, на котором стоит бутылка водки и лежат пирожки на клочке газеты.

— Смотри, Андрей,— они тоже ничему не противятся. И жизнь хороша, и жить хорошо. Разве я такое непротивление имела в виду? И смотри еще, какое соседство... Эти детишки лет через двадцать станут вот такими мужиками, так же сядут вокруг бутылки и просидят всю свою жизнь... Как просто — из-за железного забора детсада перемахнуть за деревянный забор стройки, и все тут. Знаешь, сколько в нашей стране алкоголиков? Миллионы! А сколько будет к двухтысячному году? Наверное, вся Россия... Никто этих цифр не знает, они у нас засекречены... Да, вся Россия... А к ним — что с хлебом, что с камнем... хоть злом им противься, хоть добром... Но что же делать? Смотреть на них и вздыхать: «Эх, пропили Расею?..» Нет, Андрей. Наше с тобой поколение должно воспитать новую Россию... Иначе уже поздно будет...

Ты молча смотришь на меня, словно прощаясь со мной навсегда, будто провожая в далекое и опасное путешествие, смотришь так, словно во мне одном сейчас заключено будущее спасение России...

— Прощай.

Ноль... Ноль девять! У него ведь есть домашний телефон! Элен же ему домой звонила из театра! Как мог забыть, как мог забыть...

Автомат должен быть на остановке...

А это чей знакомый силуэт с огромной хозяйственной сумкой?

— Андрюха! Привет! Ты куда это пропал?

— А, Труфан... Опять по магазинам носишься?

— Ну... Мать гоняет... А чо делать? Тебя там Зосимова опять крыла. «Вот Орлов, забурел, совсем оборзел со своими олимпиадами — уже носа в школу не кажет!» А ты чо? Прогуливаешь?

— Нет, перехожу [redacted] девятую математическую.

...перехожу [redacted] мир иной... там, Бог даст, программа окажется получше...

— А-а, уходишь все-таки... Да-а... А у нас, знаешь, чо было? Толмач опять Волкова обчистил и фингал ему засветил. А Левченко Бутаковой заехал — пусть гнилой базар не разводит. А Чуня Бейкер сегодня весь день: «Мужики, Артист у нас — молоток, Артист — молоток...» Мы у него спросили: «Ты чо?» А он: «Вот, [redacted] ему хотел подлянку замочить, [redacted] он такой молоток, такой молоток — другой бы убил меня за эту подлянку, [redacted] Артист — как человек!» И потом давай всем: «Вы только рыпните [redacted] Андрюху нашего, [redacted] врежу так за него — мало не покажется! Андрюха — это человек!»

— Знаешь что, Труфан... Ты мне надоел с [redacted] разговорами. Все. Прощай.

— Андрюха, да ты чо? Лучшего друга гонишь?

— Что? Это кто [redacted] лучший друг? Ты? А что ты мне... Все, счастливо оставаться, Труфан.

Да, ноль девять. Справочная ответит.

— Будьте любезны, скажите номер домашнего телефона Бельского.

— Четыре ноль семь шестьдесят два.

— Бельский слушает.

— Добрый день. Мне необходимо увидеться с вами.

— С кем имею честь?

— Вы не знакомы со мной. Я — друг Элен. Она просила меня передать вам кое-что. Это не телефонный разговор. Сама она не может этого сделать.

— О'кей. Я подъеду [redacted] Центральный парк в семь вечера.

— Как мне узнать вас?

— Странно... Есть еще человек, который меня не знает. Белые «Жигули» двадцать семь восемьдесят четыре. У входа со стороны набережной.

— Понятно. Жду вас.

Нашел. Дешевый железный памятник. Траурная табличка на нем: «Орлова Светлана Андреевна. 1930—1977».

Ты тоже жила внутри себя, как и я. Ты, очевидно, ненавидела этот реальный мир, где одна грязь, пошлость, ненависть [redacted] тупость. Ты пряталась от него внутри себя. У тебя была своя Суперстена — ты тоже творила неведомый никому Иллюзион, невидимый [redacted] неслышимый.

Это я понимаю сейчас, лишь сейчас, когда прошло уже полтора года после ухода твоего. Лишь начинаю понимать. Листаю иногда твой юношеский альбом — безыскусные стихи, рисунки, памятные надписи и посвящения... Вот древний за[redacted] в горах, вот олень бьет копытом [redacted] скале, вот лесистые холмы уходят [redacted] горизонт... Ты никогда [redacted] рисовала людей. Почему же? Они были всегда жестоки с тобой, ты не любила их. И ты рассказы[redacted] мне часто, [redacted] мечтала [redacted] детстве стать пианисткой, но твоей мечте не суждено было сбыться... Война, голод, нищета... И лишь теперь узнал я — твой отец, мой дед — погиб не на фронте, а в сталинском концлагере...и вы [redacted] вдвоем на бабушкины карточки... и продавали или меняли [redacted] хлеб все, что можно было,— мебель, книги, фарфор, столовое серебро, картины... И старинный рояль тоже был продан... А потом — [redacted] Орлов с двумя ящиками продуктов. Ему рояль нужен не был. Разве что «Вихри враждебные» играть одним пальцем...

Воскресным июльским днем солнце играло [redacted] лужах.

Вдруг бабушка позвала [redacted] Ты лежала без движения, взгляд твой бессмысленно блуждал по комнате, губы беззвучно шевелились,..

«Светочка... Что с тобой, доченька? — затрясла бабушка твою руку. — Благослови Андрюшу... Это же сыночек твой, Андрюшенька, посмотри...» Но ты...

Но ты [redacted] узнавала нас... Ты смотрела сквозь нас остановленным стеклянным взглядом...

«Агония у нее началась — душа покинула тело»,— сказала бабушка [redacted] опустилась рядом, словно внутри нее что-то сломалось, и до боли сжала мою руку.

Потом приехала «скорая»... вкололи морфий... ничего не сказали... уехали... Зашла вдруг соседка: «Я на лестнице стояла, слышала, как один врач сказал другому: «Хорошо, если она еще хоть

два часа протянет...» Отец уже спал, как обычно, пьяный до бесчувствия, [redacted] мы с бабушкой сидели при тусклом свете из ее комнаты. Говорить было не о чем. Я [redacted] не заметил, как задремал.

Неизвестно, сколько длилось это странное забытье, но [redacted] внезапно проснулся с ощущением, будто кто-то меня разбудил... Но кто же мог разбудить меня? Бабушка прижимала ухо к твоей неподвижной груди. Из легких вырвались слабые хрипы [redacted] свисты, [redacted] я тоже услышал, как сердце глухо стукнуло раз, другой... вдруг тело свела судорога, ты оттолкнула нас с бабушкой и вытянулась, запрокинув голову с раскрытым ртом, жадно ловящим последний глоток воздуха... И ужас застыл в глазах твоих.

«Она увидела тех, кто пришел за ней»,— медленно прошептала бабушка и [redacted] в свою комнату...

Потом [redacted] как-то смешалось... разбудили отца... включили свет во всей квартире... пришли какие-то старухи обмывать то, что недавно было тобою...

Как [redacted] сне, ездил [redacted] с отцом на кладбище договариваться о могиле, в кафе, где устраивали поминальный обед, в похоронное бюро... Казалось, это все просто так... это какой-то ритуал, совсем посторонние дела, что [redacted] никакого от[redacted] тебе, [redacted] ты — опять [redacted] какой-нибудь больнице, где провела почти [redacted] последний год... Как-то проскальзывало [redacted] моего, что ты — умерла. Именно [redacted] — умерла. И тебя больше — нет...

То беспомощное, неведомое, будто бы [redacted] почти незнакомое существо, что пролежало в нашей квартире этот месяц,— разве это ты? И было ли хоть чем-то похоже это бессильное существо на тебя, раздраженную [redacted] озлобленную, какою была ты все последние годы [redacted] твоей?

Черная чудовищная пустота затягивала меня, и там все смешивалось [redacted] безумном каком-то хаосе, переливалось одно в другое [redacted] сливалось друг с другом: жалость, боль... стыд... усталость дикая... отупение... недоумение... твой диван, где лежала ты целый месяц,— там пустота... а это кто же тогда [redacted] столе? [redacted] почему?.. и что значит это теперь... [redacted] как это понять, что ты уже не будешь никогда... не была... есть... была... но есть... не будешь...

И слово это —«никогда». Я старался изо всех сил втиснуть его [redacted] себя, вобрать, представить какой-то бесконечный, тускло мерцающий ряд дней [redacted] ночей... но это слово никак не втискивалось под череп... оно нависало откуда-то сверху расплывчатым облаком, и [redacted] ловил его, но руки проходили сквозь него и схватывали пустоту...

Зеленый пульсирующий силуэт твоего тела безмолвно [redacted] неощутимо плавал по квартире [redacted] комнаты [redacted] комнату... казалось, что тело, что лежит на столе, это так, одна лишь оболочка... одежда, которую ты носила [redacted] которая пришла в негодность, [redacted] ты все равно остаешься среди нас, видишь нас и слышишь, только мы [redacted] увидеть твое нынешнее тело — прозрачно-зеленый пульсирующий силуэт — [redacted] не [redacted] услышать ультразвукового голоса твоего...

Почему так? — думал я.— Ведь ты умерла, [redacted] мы... мы делаем тысячи ничтожных [redacted] обыденных дел, словно ничего не случилось... варим обед, едим, моем посуду, подметаем ковры, умываемся по утрам [redacted] ложимся спать вечером, когда ведь вот же — рядом — лежишь ты, дочь бабушки, жена отца, [redacted] мать, еще не похороненная, и все зеркала [redacted] доме завешаны... а мы? И придется быть на похоронах... иначе никак нельзя... [redacted] зачем это? Зачем? придут люди, чужие, совсем чужие люди, [redacted] войдут почему-то в нашу квартиру, чтобы смотреть на то, что было когда-то тобой — на страшный, чудовищный этот скелет, обтянутый кожей, жуткое подобие тебя... [redacted] они будут делать вид, будто сочувствуют нам, страдают, но я же знаю — если бы они в самом деле сочувствовали, разве дали бы они тебе умереть?! «Кто меня туда положит без связей?»... разве допустили бы они такое, что уже от смерти спасти могут только связи в обкомах?!..

А за окном висел плакат. И пролетарий в красных штанах [redacted] с красным знаменем бодро маршировал на нем [redacted] звонко пел с лучезарной улыбкой: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» И как же мучительно тянуло подойти к этому плакату [redacted] раскромсать его ножом на красные лоскутки...

На похороны приехал весь твой ин-

ститут... десятки незнакомых лиц сменяли друг друга в дьявольской какой-то круговерти... Я сидел у твоего гроба между отцом и бабушкой... До боли в челюстях, до судорог в ногах тянуло встать и крикнуть всем этим лицам, что сливались в одно огромное чудовищное лицо: «Убирайтесь! Где?! Где вы все были, когда она болела?! Когда умирала?! Где? Почему вы сейчас нарядились, словно на праздник?! О чем вы там шепчетесь за нашими спинами?! О том, что бедная Светочка и в гробу одета безвкусно?! Что всю жизнь прожила как дурочка и умерла как дурочка?! Что как теперь тяжело будет жить бедному сиротке?! Зачем вы пришли сюда?! Чтобы на работе не сидеть?! Это — мероприятие по линии профсоюза?! Фарисеи... Лицемеры... Иуды... Предали ее, а теперь явились целовать труп... Убирайтесь...»

Вот тогда и надо было убить себя... Зачем, зачем прожил я после твоей смерти эти полтора года?

На что я надеялся?

На то, что вознесусь когда-нибудь в мир-I? Стану Великим Брахманом? Вторым Моцартом? Вторым Кантом? Вторым Пуанкаре?

На то, что сложу когда-нибудь ослепительно-величественный витраж Вселенной?

На то, что изобрету когда-нибудь самое грандиозное, самое исполинское, что только можно изобрести,— способ примирения всех людей на Земле?

На то, что встречу когда-нибудь Воплощенную Богиню, Прекрасную Фею, Золотоволосую Посланницу Солнца?!

Но за Иллюзионом мира-I — Сфинкс.

Но за витражом Вселенной — гадкий Аид.

Но за фантомом Прекрасной Феи — мерзкий предательский обман.

Но человек человеку всегда был, есть и вечно будет волком.

Так что же надела ты, мать?

Что натворила ты тогда — тридцать лет назад?

Ведь ты продала все стихи свои, все рисунки, все мечты о звенящих нотах волшебных за два ящика продуктов...

Ты продалась в рабство...

Ты продала свою душу дьяволу.

И мою, еще не рожденную,— тоже.

Ты дала мне прекрасную школу ненависти — ты и отец. Он ненавидел тебя, себя, бабушку и меня. Ты ненавидела его, себя, бабушку и меня. Только бабушка любила всех нас. И я любил всех вас. Но наша с нею любовь не помогла нам и не спасла вас. А значит, она вовсе не нужна. Никому не нужна. И Вам, Падшая Богиня, тоже не нужна.

Знаешь, мать... Если бы я жил дальше, я бы основал новую веру под девизом: «Возненавидь ближнего своего».

Прощай же.

Прощайте, Электропророк и Суперстена,— единственные друзья мои.

Прощайте, отец и бабушка. Налей, отец, ее боженьке стакан водки своей.

Прощайте и Вы, Богиня Падшая.

Прощай, тот Орлов, тот я, что наивно, романтически верил в святость и величие Духа, пребывающего Где-то...

Вот так и прошли века жизни моей, что уложились в шесть дней.

Бог создавал мне новый мир этих шесть дней.

Сегодня — воскресенье. Седьмой день, и Он — отдыхает.

Стою в парке за деревьями у ограды... нож в правом кармане... Когда же покажутся они, эти белые «Жигули» двадцать семь—восемьдесят четыре?

Может быть, на мне уже ставят эксперимент? С самого рождения? Те Черные Нелюди из атомно-ракетного подземелья? Они мною как-то управляют по радио, и мне кажется, будто думаю, о чем хочу, и делаю, что хочу, а на самом деле в мозг мой вживлен маленький приемопередатчик, и они нажимают кнопку «радость» — я радуюсь, кнопку «мысли» — я думаю, кнопку «отчаяние» — я отчаиваюсь... А вдруг я вовсе и не я, а секретный биоробот? И все об этом знают, но лишь делают вид, будто я — человек?

Остановился... Вышел из машины... закрыл дверцу... Осмотрелся по сторонам... Черный кожаный плащ... Джинсовый костюм... Затемненные зеркальные стекла в оправе каплями скрывают глаза... Поднимаешься по ступеням и входишь в ворота... Идешь не спеша в мою сторону и не знаешь, где я... Какая блестящая уверенность в себе... Сколько тебе лет? Двадцать пять? А может быть, сорок? Спокойные и размеренные движе-

ния сытого льва... Вынул пачку «Филипп Моррис», щелкнул зажигалкой... В тебе есть величественность, Поль Бельский... В тебе есть нечто такое, о чем я мечтал всю жизнь... Такое, что всегда жаждал иметь в себе самом... Так и кажется — ты сейчас изречешь что-то высокомерное, остроумное, убийственно-ироническое... Господи, что это со мной? Я приехал сюда убивать тебя или засвидетельствовать свое величайшее к тебе почтение? Ты еще ближе подошел... Сейчас мы сразимся с тобою, Арджуна...

Сейчас я исторгну из себя твое яблоко, Премудрый Змий...

...спиной повернулся... надо окликнуть тебя... Брахман в спину не убивает... [redacted] — всю силу вложить в руку — чтобы нож не скользнул по ребрам, а вошел прямо в сердце с первого удара... и — не медлить ни секунды — сразу бить... сразу бить с размаха...

— Поль!

...обернулся вмиг... реакция, как у спортсмена... взгляд закрыт зеркальны[redacted] стеклами... в них два Орлова с двумя ножами... скорее! Скорее!

— Это тебе за Истомину!

Открываете дверцу «Жигулей», садитесь, распахиваете другую для меня. Автокресло плавно подхватывает меня в объятия свои.

Щелкают кнопки на приборной панели. Взвывает стартер. Электроимпульсная синтезаторная музыка пульсирует в салоне.

— Сильная личность никогда не принимает женщин всерьез, мон шер. Женщина дана для наслаждения, и не более. Обоготворять ее — значит впадать [redacted] непростительную слабость. Двух вещей хочет настоящий мужчина — игры и опасности. И потому он жаждет женщину, как самую опасную игрушку. Знаешь, мон шер, кого ненавидит женщина более всего? Так говорило железо магниту: я ненавижу тебя более всего за то, что ты притягиваешь, но недостаточно силен, чтобы притянуть меня навсегда. Стань сильным, мон шер ами — и женщина будет притягиваться тобою, но не ты — ею.

...как только не убил меня с одного удара... каратист... рука до сих пор болит... Арджуна оказался сильнее... в мозгу моем гудит пустота из-за перебоев с кровью... смешно... я ведь должен ненавидеть Вас, Поль, лютой ненавистью... но у меня почему-то вовсе нет никакой ненависти... кровь жадно хлынула в мозг... а Вы и не собираетесь меня убивать... что-то такое в голосе Вашем... успокоительное [redacted] мудрое, как у священника на проповеди, но вместе с тем... странно... странно... вот как все вдруг повернулось... «не обещайте деве юной любови вечной на Земле...» значит, ты права была сегодня, Элен... права была... и я вдруг еду на Ваших «Жигулях» в бар «Интуриста» пить коктейль... мне бы сейчас вырываться... взрываться... оскорбить Вас хотя бы... но мне почему-то хочется еще побыть с Вами, Поль... послушать Вас... коктейль да, именно это мне и надо сейчас... словно Вы мои мысли прочли... какая-то сверхчеловеческая проницательность в Вас, Поль... а этот чудовищный нож? Надо вначале поговорить с Вами, выслушать Вас, [redacted] потом уже делать выводы, кто виноват во всем... так кто виновен? Или там еще были какие-то обстоятельства... но нет... как с этими двумя ящиками продуктов или ... а тут вдруг... нет, не виновен никто... да нет же — я сам виновен... сам...

— Что, рука все болит? Ничего, мон шер, заживет до свадьбы. Или вы меня все еще опасаетесь? Напрасно, либер фройнд... Ты меня чем-то привлекаешь... Это надо же — пойти на убийство в накрахмаленной сорочке [redacted] при галстуке. Ты ведь понимал, на что идешь, [redacted] не думал о последствиях?

— Каких последствиях... Мне бояться нечего. Мне все равно уже теперь.

— Надо же, какой космический пессимизм. Полно, стоит ли так страдать из-за Истоминой?

— Дело... не [redacted] одной лишь Истоминой... А может быть, и вовсе даже не в ней...

Машина летит к набережной по пустынным улицам. Сумерки неощутимо опускаются на Старый Город...

— У тебя прекрасный вкус, мон шер,— ты предпочел отчаяние подчинению. Воистину это достойно уважения. В тебе уже есть некоторая сила, но ты не умеешь управлять ею. Взгляни на этих искателей счастья — [redacted] качают мускулы, развивают интеллект, гоняются за престижными вещами — но в том ли

дело, шер ами? Ведь этот мир, Арджуна,— лишь иллюзия...

...то, о чем всегда [redacted] думал в глубине души... нет, первое впечатление самое сильное и верное — в Вас есть что-то такое, что всегда страстно жаждал иметь [redacted] себе самом... Ваш голос ровен и спокоен... Вы оборачиваетесь ко мне время от времени и говорите негромко и доверительно... Сверхъестественные стальные отблестки играют на зеркальных дымчатых стеклах. Что-то бесконечно притягательное [redacted] игре этой, что заменяет взгляд. Черты лица Вашего очень благородны [redacted] тонки.

—... Но есть [redacted] этом иллюзорном мире столь простые истины, мой друг Горацио, что [redacted] не снились этим мудрецам. Они не в состоянии понять самого главного: счастье — не сумма обстоятельств, а сумма качеств самого себя...

Машина летит по бульвару над набережной. Последний луч багрового заката отражает лед безмолвной реки... Что со мной? Я [redacted] всей душою каждое слово Ваше... Словно неведомую вековую жажду мою утоляете Вы... Ведь будто сам, сам когда-то знал это... Но забыл... Или не мог оформить в словах то, что говорите Вы сейчас...Это именно то, что [redacted] хотел внушить Наташке, а может быть, самому себе, но [redacted] находил слов... Не находил в себе такой спокойной, могущественной уверенности в своей правоте... Я готов слушать и слушать Вас, Поль! От Вас исходит какое-то непонятное излучение... [redacted] будто бы невидимое серебристое сияние... Словно [redacted] с самого рождения был как телевизор, вполне исправный, но ничего не показывавший, поскольку телецентры не работали, [redacted] лишь теперь, лишь теперь моя антенна жадно выловила из эфира животворный сигнал...

— ...что же ты молчишь, мон шер?

— Я... Я соглашаюсь с вами. Шудра есть шудра. Брахман есть Брахман...

— И вместе им не сойтись. Ты [redacted] нравишься все более [redacted] более, мон шер, мон убивец! Вот — мы уже приехали.

Подлетел гардеробщик, поймал Ваш кожаный плащ и мою дубленку.

— Будьте непринужденным, мой друг Горацио. Не забывайте — весь этот мир создан для вас, а не вы для него.

Идем сквозь танцующую толпу. Она расступается перед Вашим взглядом, словно торосы перед ледоколом, и снова смыкается за моей спиной.

Никогда еще не бывал [redacted] каких барах или ресторанах... Шелест, улыбки, смех, ароматы, цветовые огни, музыка — все сливается в едином вихре, обволакивает водоворотом, но проносится мимо [redacted] улетает невесть куда... Да, надо выпить, выпить... А потом... Отец... Нет, во мне что-то сломалось...

Неожиданно упираемся [redacted] стойку. Бармен протягивает руку Вам.

— Хеллоу, Джек,— мягко пожимаете руку его. — Ту «Уайт найтс» эз олвис, плиз. Познакомься — это мой друг Андрей Орлов. Очень большие надежды подает.

Угрюмый Джек серьезно смотрит мне [redacted] глаза [redacted] молча кивает.

Берете со стойки бокалы с соломинками, показываете взглядом на блюдце с конфетами.

— Вон тот столик с табличкой «резервед».

— Каждый человек о чем-нибудь мечтает, не правда ли? И у каждого есть свои слабости. Вот тебе через два года надо будет поступать в институт. Для этого нужен приличный аттестат и характеристика. Можно добросовестно грызть гранит науки два будущих года, но можно и потратить это время [redacted] саму жизнь, которая, как ты понимаешь, [redacted] отличие от сухой теории пышно зеленеет. Живем ли мы, чтобы трудиться в поте лица своего, или трудимся, чтобы жить? Что по этому поводу старик Сократ говорил?

— Второе.

— Конечно. Нас с тобою, мон шер, окружают слабые недалекие люди. С мечтами, желаниями, слабостями, завистью, жадностью, тщеславием, пороками. Стоит лишь проникнуть [redacted] их души, что не столь уж сложно,— [redacted] они предстанут пред тобой как карточный расклад. А человек устроен до смешного просто.

...я готов слушать и слушать Вас, Поль... Вы читаете [redacted] моей душе... мы с Вами полные единомышленники, но Вы уже успели выстроить свою жизнь по тем принципам, что у меня лишь в расплывчатой теории... Вы мне как старший брат...

— Да, как компьютер: блок желаний, блок эмоций, блок питания, блок анализа...

— Я рад — мы понимаем друг друга все лучше и лучше. Да, блок желаний... И такие [redacted] большинстве своем мелкие [redacted] пошлые желания. Какой-нибудь розовый кафель, голубые джинсы, красный диплом, золотая медаль... Стоит их лишь поманить призраком исполнения их ничтожных желаний, [redacted] они уже полностью в твоей власти — они готовы для тебя на все. Для этого надо уметь ненавязчиво проникать [redacted] их души [redacted] уметь слушать их. Всякий человек на этой бренной планете более всего мечтает быть выслу[redacted] [redacted] понятым. Если оказать ему такую услугу, [redacted] раскроет перед тобой всю арматуру своей внутренней конструкции. Человек по натуре своей все еще раб. Иной раз вся его жизнь уходит на поиски того, перед чем [redacted] перед кем преклониться. И если ему предоставить такую возможность — он будет служить тебе верой и правдой и почитать как величайшего благодетеля жизни своей. И для этого не надо ненавидеть [redacted] или презирать — напротив, мон ами, надо возлюбить их как младших братьев. Раз[redacted] петух несчастен, когда ему отрубили голову? Нет — он счастлив. Для того [redacted] появился на свет, чтобы превратиться в суп на нашем столе. И когда [redacted] даем ему выполнить свое предназначение, он счастлив... Ты, [redacted] шер, плаваешь в мире изящных искусств как рыба в воде, но [redacted] лучше ли быть ловцом, нежели рыбой?

— Уи ар зе Элект, ту хум ол зе бьютифул тинз минз оунли Стренс?

— Ю ар куайт райт, май френд. Элмоуст оунли Стренс.

— Хеллоу, Поль! — вдруг протягивает Вам руку молодой человек [redacted] кожаном пиджаке. Улыбка уверенности [redacted] себе играет [redacted] его лице.— Как поживает наш «Шарп»?

— Вполне благополучно, мой друг. Данович готов отдать за него штуку.

— Поль, ты гений. [redacted] Нью-Йорк тебе пора, на биржу.

— Ты нетерпелив, мой друг. Лучше быть первым [redacted] [redacted] Старом Городе, нежели десятым в Нью-Йорке...

Вы киваете ему, [redacted] он уходит.

Беру трубочку и тяну [redacted] нее коктейль, как это делаете Вы.

— А теперь, юноша бледный со взором горящим, дам тебе самый великий совет: познай самого себя.

Вы улыбнулись. Цветные блики танцуют на зеркальных стеклах — Ваш блистающий взгляд. Вы выдерживаете небольшую паузу и продолжаете:

— Отвергни, о Арджуна, страх и бессилье, восстань, чтоб врагов твои стрелы разили! Мудрец, исходя из законов всеобщих, не должен жалеть [redacted] живых, ни усопших. Лишь тот, ставший мудрым, бессмертья достоин, кто стоек [redacted] несчастье, кто в счастье спокоен. Где чувства господствуют, там — вожделенье, а где вожделенье — там гнев, ослепленье. А где ослепленье — ума угасанье, где ум угасает, там гибнет познанье, где гибнет познанье — да ведает всякий! — там гибнут сыны человечьи во мраке... В бездействии мы не обрящем блаженства, кто дела не начал, тот чужд совершенства. Разумный, ученье мое постигая, [redacted] веря, что эта стезя есть благая, без ропота действуя долгие годы, одним лишь деяньем достигнет свободы. А тот, кто мое отвергает ученье, кто ропщет, к мечтам лишь питая влеченье... погибнет, безумный, познанья лишенный! Ты понял ли, Арджуна, эти законы?

...кто ропщет, к мечтам лишь питая влеченье... это прямо про меня... прямо про [redacted] сказано... Поль, Вы не человек... Вы — гений... «погибнет, безумный, познанья лишенный...» и это именно про меня... я ведь [redacted] готов уже был погибнуть, я, безумный, лишенный познанья... Вы, Поль — Великий Пророк!

— Почему вы меня называете Арджуной?

— А вот это ты и должен познать.

...кто [redacted] это — Арджуна? [redacted] кто учит его? Откуда все это? Я готов слушать и слушать Вас, Поль... до бесконечности... до бесконечности...

— В чем, мон шер, по-твоему, заключается функция культуры всех времен [redacted] народов?

— В чем? Очевидно... избавить человека от низких чувств [redacted] развить [redacted] нем высокие.

— Так вот, мон шер, если еще точнее, то поставить всякие чувства — и низкие, [redacted] высокие — под контроль... чего??

— Интеллекта, наверное?

— Совершенно верно, мон ами.

...да... вот тут и скрыта тайна развития

силы... и высокие, в том числе... вот — к Вам, Падшая, испытывал исключительно высокие чувства, и к чему это привело? А если бы не ослеплял себя этими высокими чувствами... да, любые чувства ведут к ослепленью, любые... вот он, самый великий секрет овладения силой... просто, как все гениальное...

— О, Поль! — юная дама подлетела к Вам с обворожительной улыбкой.— Ты совсем забыл нас!

— Май дарлинг, зис ян ман из э джинеоус поуит...

— Поль! Ты когда-нибудь станешь говорить по-русски?

— Оставим этот диалект санскрита местным корифеям слова. Познакомьтесь — это мой новый друг, подающий огромные надежды: Андрей Орлов, гениальный поэт, а это — звезда ночного Города Люси.

— Очень рада, Андрэ,— мило улыбается Люси. Какая бездна обаяния и притягательности... Рядом с тобою блекнет и сама Истомина...

Кто Вы, Поль? Откуда такой гигантский интеллект?! Такая мощь?! Такие очаровательные феи?!

— Андрэ,— Люси садится рядом и берет за руку.

...странно... а я всю жизнь... «мудрец, исходя из законов всеобщих...» да, если бы ты, Люси, оказалась тогда на месте Падшей... Куда исчезли Вы, Гениальный Человек? А, вон Вы где... У стойки с кем-то говорите...

— Андрэ, ты не хочешь угостить меня шампанским?

— С удовольствием...

...хотя у меня денег... ладно, Поль расплатится... раз он меня сюда привез... тем более он не испытывает недостатка... а я потом когда-нибудь...

— Джаст э момент, Люси...

...как бы пробраться сквозь океан танцев [redacted] не потонуть [redacted] нем... вот [redacted] Вы, Гениальный Человек...

— Поль, Вы не могли бы угостить меня в долг шампанским?

— Конечно, мон ами. Джек, э ботл оф семидрай, плиз.

Джек подает шампанское.

— Только не переусердствуй, мон шер.

— Да. Поль... Благодарю Вас...

Теперь добраться к столику... Кажется, здесь все на одно лицо... как бы не спутать Люси с какой-нибудь другой... словно американский конкурс красоты... «уи ар зе Элект» ...воистину здесь лишь избранные... самые сильные мужчины, самые красивые женщины... стоит лишь бросить беглый взгляд... эта красота, эта сила и уверенность...

Зеленые глаза твои смеются... И эти губы... [redacted] глаза зеленые...

Шампанское плещется [redacted] хрустальные бокалы...

— Какие у тебя планы на вечер?

Облако дыма обволакивает тебя. Сигарета пляшет [redacted] твоих пальцах.

Толпа Внутри Меня замерла в нелепых позах...

— На вечер... Я улетаю в Белый Город с Голубыми Тротуарами, где Золотоволосые Дочери Солнца превращаются в Волны и Чаек...

...зачем говорю тебе все это... уже не понимаю, что говорю... перебрал... больше пить нельзя... но [redacted] тебе есть что-то от падшей Истоминой... или мне лишь кажется?.. «...где чувства господствуют — там гибнут сыны человечьи во мраке...»

— О-о! Да ты — поэт... А знаешь — я тоже умею превращаться [redacted] волну и чайку. Я готова — только для тебя — превратиться [redacted] кого угодно...

Бутылка шампанского уже пуста наполовину...

— Поедем, Андрэ?

...поедем... куда же?.. не все ли равно... куда-то надо поехать... забыться... нет, остаться с Полем... собраться с мыслями... вспомнить эти шесть дней... что же случилось со мной?.. я уже не я... [redacted] квадрате не я... [redacted] кубе не я...а кто же теперь я?.. «...отвергни, о Арджуна, страх и бессилье...»

— Так что же, Андре?

— Да... Извините, Люси, — я должен попрощаться со своим дорогим другом Полем...

...идти некуда... и не к кому... так не все ли равно...

— Поль... Дорогой... Я отбываю [redacted] Белый Город превращаться [redacted] волну...

— Да, мой юный друг. Вижу, коктейль и шампанское очень тебе понравились?

— Б-безусловно... Неземной коктейль... Его умеют делать только [redacted] комнате сто шестьдесят четыре [redacted] еще на Монмартре, где живут великие писатели...

...а... это... кто? это... что еще? зачем это

еще? швейцар не пускает, а она лезет... лезет...

— Андрей! Пойдем из этого вертепа! Они погубят тебя!

Прорвалась... Подбегает...

— Я видела, как этот тип тебя увез! Я тебя звала, ты не слышал! Пойдем скорее отсюда, пойдем!

— Ната... ты что же, спасать меня сюда прибежала? Ха-ха... Да ведь это тебя спасать надо. Понимаешь ты — тебя! От помешательства...

— Что с тобой, Андрей? Ты — пьян?

— Я? Вот как раз я только что протрезвел — я был пьяным всю жизнь. А ты — до сих пор пьяна... Посмотри на себя — весь мир смеется над тобой... и надо мной... несчастный идальго, что спал всю жизнь свою с открытыми глазами... но сейчас — я проснулся! Спасибо Полю, Гениальному Человеку — я проснулся! И ты — проснись... Кому нужно твое добро? Кому?

— Я на тебя не обижаюсь, не думай... Ты сейчас сам не понимаешь, что говоришь...

— Я не понимаю? Я все прекрасно понимаю... А мне нет дела до твоих обид или необид... Вот ты — в самом деле не понимаешь, что говоришь. Скажи мне, чего ради ты свою молодость загубила? Ты же симпатичная, в общем-то... Могла бы кое-кому и понравиться. А ты, как монашка дурацкая, синяя колготка... Если бы ты была красивая, вот как Люси... Эй, Люси, ты где? Иди сюда... Вот... Тогда у тебя все твои дела из головы бы выветрились. Тебе все равно что проповедовать — иначе на тебя никто и внимания не обратил бы...

— Андрей, ты еще настоящих людей не встречал... Духовных людей... Не понимаешь в жизни ничего... Самого себя не понимаешь...

— Я — очень хорошо понимаю. И сегодня я встретил именно такого человека — это Поль Эдуардович. И он, именно он, мне сказал: «Познай самого себя». А вот и Люси...

...обнимает...Люси меня обнимает... Прижимаешься ко мне... улыбка твоя сверкает бриллиантовыми россыпями...

— Вот, Наташа,— ты с Люси пример бери. Дело женщины — не проповедовать нравственность, а нравиться мужчинам.

— Да-а,— с улыбкой мурлыкает Люси, склоняя завитую головку мне на плечо.— Ты что же, голубушка, моего поэта отбить хочешь? Как тебя только сюда пустили такую?.. Шла бы ты отсюда, колготка штопаная.

...слишком грубо... зачем так, Люси?.. ну да Бог с тобой...

— Пойми, Наташа, предназначение женщины — быть для мужчины опасной игрушкой. Так сказал Гениальный Человек Поль Эдуардович Бельский. А если ты не понимаешь этого, ты — ошибка природы...

— Ты звал меня, мон шер? Что случилось? Явление Натали народу? Помяни мои грехи в своих молитвах, Нимфа. И более нам от тебя ничего не надо. Не сбивай моншера с пути истинного своими проповедями, притча во языцех. Что ты ему можешь дать? Святость с черными сухарями? Насильно никому твоя мудрость мила не будет. Ему сейчас ее вовсе не надо, Офелия. Ему сейчас надо биться, ошибаться, мучиться, как писал твой любимый граф Толстой своей тетушке... А сам с нее деньги тянул. И своих крестьянок заставлял с собою спать. А другой твой кумир, проповедник добра Достоевский, девочку изнасиловал двенадцатилетнюю. Что? не знала? Томаса Манна почитай, десятый том. Гуд бай. Иван! Проводи даму!

Швейцар подлетает и кланяется:

— Слушаюсь, Поль Эдуардович! Барышня, позвольте отседова!

Подхватывает тебя под локоть, глупая Офелия, и ведет к выходу...

— Андрей, ты раскаешься потом, но будет поздно...

Расплакалась... Так кто же виноват? Сама, сама... Подожди, будет еще в психиатрической клинике палата номер шесть под кодовым названием «Новая Россия»...

— Прощай, безумная монашка. Мудрец, исходя из законов всеобщих, не должен жалеть ни живых, ни усопших... Верно, Поль Эдуардович?

— Пора ехать, мон шер. Что? Люси? Ты перебрал. В другой раз.

— Хорошо... Я во всем полагаюсь на Вас, Гениальный Человек... Люси... Мы еще увидимся, правда?

— Конечно, Андре. Я здесь каждый вечер.

И — поцелуй твой горит на лице

моем... все сливается во вращении цветных огней... ■ звоне электромузыки... в аромате духов и сигар... твой силуэт тает ■ полумраке... Люси... твой поцелуй горит на лице моем...

— Постойте, Поль Эдуардович... А это кто там сидит у окна? Это же Ольга! И мое кольцо с бриллиантом... Подождите... Сейчас я ее...

Узнала... Наклонилась к своему спутнику за столиком... Ты мне отдашь его, отдашь... Шепчешь ему что-то на ухо ■ оглядываешься на меня.

— Рад вас видеть, любезная. Честь имею,— поклон в сторону ее спутника.— Я думаю, вы мне вернете это кольцо, полученное вами от Истоминой путем шантажа?

— Какой шантаж?! Орлов, ты перепил? Истомина мне его...

— Так вот, любезная. Сейчас ты мне его отдашь ■ только посмей хоть что-нибудь сделать Истоминой. Тебе придется иметь дело со мной ■ с Полем Эдуардовичем.

— Ты знаешь, кто она такая, твоя Истомина? Это же последняя шлюха! С ней полгорода переспали! Думаешь, ты ей был нужен? Нет, мальчик, не ты, а твой папаша ■ горисполкоме. Она хочет от распределения открутиться — вот он ей ■ помог бы! Как пить дать, сама к тебе домой лезла, чтобы папашу твоего соблазнить? Я ее знаю как облупленную!

...Вот как? Это любопытно. Итак, ты — юный дворянин, сын служилого человека? Во всяком случае, он — сильный человек и знает, что ему надо. Прекрасные качества, не правда ли?..

Юный дворянин... Знал бы тогда, как недалеки от истины были вы, Падшая...

— ...Да она за деньги с инстуристами снимается! А твоего Поля хотела залетом повязать! Ха-ха — пролет вышел с залетом!

— Что такое, дорогие друзья? Опять ты шумишь, мон шер... Речь идет о кольце, как я понимаю? Да, миледи, вам надо вернуть моему другу его фамильную драгоценность. Время раздавать камни, мон шер, ■ время отбирать их... Вы сами, миледи, снимите кольцо, или мне это сделать?

Какая же ненависть полыхнула во взгляде твоем, гнусная сплетница... Но ты снимаешь, снимаешь с пальца кольцо... Блеск моего дьявольского бриллианта отражают люстры под потолком.

— Прошу, мон шер.

...и кто-то камень положил в его протянутую руку...

— Благодарю вас, Поль... Что я делал бы без вас...

— Будь впредь осмотрительным, мон ами. Зат'с инаф. Пора ехать.

...да... воистину, пора ехать,.. хорошо, что Вы, Гениальный Человек, вовремя вмешались... иначе не знаю, что было бы... а Падшая Богиня... если даже все, что говорила о Вас эта ничтожная шудрянка, и не столь далеко от истины... то какое мне теперь — теперь — дело до этого... безудержный вихрь цветных огней смешивается с вибрациями электромузыки... ноги уже не держат... нет, нельзя так пить... зачем было так пить... но Вы, Поль, не оставите ведь меня...

— Рады были вас видеть...

...кто-то надевает на меня дубленку... кто-то ведет под руки к стеклянной двери... «илно сренироф» — мелькают серебряные буквы за спиной...

— Заходите к нам...

...стартер взвыл... машина рванулась куда-то по набережной среди черных сугробов... «Брахман, исходя из законов всеобщих, не должен жалеть» ...я тоже умею превращаться в волну ■ птицу... с Люси бери пример, монашка... Иуда все же понял. И повесился. А у тебя ■ ■■ это мужества не хватило, отец... мой дед — дворянин... штабс-капитан в армии Деникина... концлагеря на Колыме... миллионы расстреляны по доносам лишь за то, что они — не шудры... твою мать, реакционный элемент...

— ...Принято считать, мон шер, Землю выпуклым шаром, а на самом деле она — шарообразная полость ■ бескрайней космической скале. Но из-за интерференции световых волн она представляется нам круглой ■ выпуклой. А солнце — шарик плазмы диаметром двадцать сантиметров. И висит ■ центре нашего пузыря. А звезды ■ планеты — лишь искрящийся космический лед вокруг шестидюймового шарика солнца. И более нет ничего во всей вселенной, кроме нашей бескрайней скалы. Впрочем, никакой вселенной нет. Это лишь обман зрения. И никто не знает, до каких пределов простирается ска-

ла, внутри которой [redacted] живем... Это [redacted] Вельт-Айс-Лере...

...так и думал... [redacted] предполагал... жи[redacted] в перевернутом мире... потому [redacted] перевернута с ног на голову... варвар [redacted] аристократа... Иуда [redacted] Христа... жратва, тряпки, [redacted] выше Искусства, Истины, Благородства... Да, Поль, Сила [redacted] единственная ценность в этом перевернутом мире... [redacted] этот материальный мир, [redacted] Арджуна лишь иллюзия...

...где [redacted] едем?.. что-то [redacted] до бо[redacted] вокруг...

— Поль, [redacted] здесь, [redacted]луйста...

— Ты [redacted] работами Дейла Карнеги?

— Сюрреалист?

— В некотором роде... Вот [redacted] него, мон шер, [redacted] завтра [redacted]. Звони [redacted] любое время, когда [redacted] дома. Телефон мой ты [redacted]

— Непременно, Поль.

[redacted] мечтал о тебе. Ты — Гениальный Человек. Ты — Великий Человек. Нет, [redacted] — Бог.

— Сражайся, Арджуна. Фэаруэлл!

И [redacted] уносится [redacted] темноту... Лунные блики играют [redacted] заднем стекле...

Уже [redacted] видно [redacted] твоей, Гениаль[redacted] Лишь шум чудовищного мотора долетает издалека... [redacted] бриллиантовый блеск дьявольских [redacted] отражает Луна. Вот [redacted] все.

Конечно же, завтра [redacted] тебе, [redacted]

Нет, нет, воображение бессильно [redacted]бразить все [redacted] грядущего Триумфа моего! Супертриумфа над [redacted] жизни моей!

...и в [redacted] Незнакомки мерцают [redacted] о городах [redacted] белого песчаника, где [redacted] сумерки неощутимо покрывают океан, [redacted] люди, люди, люди стоят [redacted] берегу [redacted] торжественном [redacted] «Это катастрофа! Это катастрофа!» — стучит [redacted] висках, [redacted] эхо разносит[redacted] Лабиринту... «В [redacted] корабли [redacted] дремотный дрейф легли», — мрачно про[redacted] Боддлер, глядя [redacted] тягучие воды Сены... Дьявольские Нелюди [redacted] секретных подземных бункеров управляют с дисплеев чувствами [redacted] жадные руки [redacted] Вселенную стальной радиосетью, [redacted] выскальзывает, слов[redacted] старик Протей...

— Вы вознамерились выведать тайну Ее? О нищие духом, что делаете вы? Отпустите [redacted] Вселенную... Пусть вращается Она, [redacted] желает, и [redacted] управлять Ею, жалкие...

Но [redacted] слышат голоса моего. Они [redacted] слышат [redacted] Беззвучны [redacted] ваши, лишь старая [redacted] шуршит [redacted] черепах ваших, Полые Люди.

И вот — свинцовые тучи тяжело плывут над электростеклосталебетонными городами... ветер свистит [redacted] листьях, [redacted] обрывки бумаг по тротуарам... руки, чьи[redacted] руки, медленно тянутся [redacted] терминалу... *«Ключ [redacted] готовность!»*... глухой басовый рокот неощутимо поднимается [redacted] недр Древней Планеты... Древней Планеты...

«Ключ [redacted] запуск! Ключ [redacted] запуск!»

...Тонкие пальцы Дьявольских Нелюдей исступленно мечутся по клавишам терминалов...

— *Аттеншн! Аттеншн!* — [redacted] вой сирен над городами. *Нуклиэр Имердженси!*

...Миллионы [redacted] миллиарды людей падают лицами [redacted] асфальт, закрывают руками головы...

Но Небо раскалывается зияющей пропастью... трещины [redacted] по телу Древней Планеты... бескрайняя звездная воронка [redacted] себя *трупы трупы.*

— *Атомик Машрумз! Ит кейм — Атомвар!*

Прах оседает [redacted] воздуха — прах космодромов [redacted] седых монументов, академий и музеев, храмов [redacted] дворцов...

— Отмщение нам...— хрипит полускелет.— Наш [redacted] опередил [redacted] развитии сво[redacted] сердце наше...— [redacted] горелого [redacted] костей его.— Он пришел — Небесный Огонь Ярче [redacted] Солнц...

«[redacted] увидел [redacted] отверстое Небо, [redacted] вот — [redacted] белый, [redacted] сидящий [redacted] называется Верный и Истинный. Который праведно судит и воинствует. Очи у Него [redacted] огненный, из уст [redacted] Его исходит острый меч... Он [redacted]ное, которого [redacted] не знал, кроме Его самого».

И преющий [redacted] Древней Планеты рассыпался на тьму песчинок, [redacted] с космической [redacted]

Вселенная расширилась [redacted] последних

пределов... Проплыли, как сон, миллионы и миллиарды милиардов лет... Маятник, вечный вселенский маятник — ритурнель — тутти — соло...

... и смотрел я... и ничего не мог понять. Не мог понять.

Я — как жалкий пес — подобрал гадкий тошнотворный объедок с чужого стола... воздвиг его на пьедестал... упал перед ним на колени... прижал руки к сердцу... и отдал ему самую горячую молитву, самый огненный дифирамб! Вот — это Вы, Смуглая Леди Сонетов! Это — Вы...

Господи, что это? Ты отравил меня, Мудрый Ловец Человеков?

Желудок мой выворачивает наизнанку, хлещет яд изо рта моего, из носа моего... поливает смердящий поток Древнюю Планету... Слепленную из грязи...

Никчемный человек... Даже пить не умею... «Так и ты, о Поэт! Ты — царишь в океане, непокорный ветрам, неподвластный Судьбе. Но ходить по Земле среди криков и брани исполинские крылья мешают тебе...» «Сражайся, Арджуна... Брахман, исходя из законов всеобщих, не должен жалеть ни живых, ни усопших!» И Вас я жалеть не должен, Богиня Падшая... Сейчас бы маузер твой, Отец Иуда, и — застрелить Вас!

«Капитану Орлову, борцу за коммунистический Китай»... Слава тебе во веки веков, отец мой! Ура тебе, Доносчик! Сколько они платили тебе за каждую жизнь? Ныне и присно капитану слава, а дружине — аминь. То есть — финита.

Но ты, Поль... но ты, Гениальный Ловец душ, ты — Великий Прекрасный Сверхчеловек с числом 666! Вне всяких сомнений...

Вне сомнений...

Да я ведь напротив дортуара Вашего, Поверженная Фея.

И это — не совпадение... Сама Судьба привела меня.

И сейчас я... и я сейчас... встану... и... пойду! К Вам! И скажу все, что думаю о Вас, госпожа Истомина!

Почему такой адский холод [redacted] начале марта? Гнилой дом утопает в замерзшей грязи и черных сугробах. Мгновение — и уйдет в землю первый этаж, жильцы выпрыгнут из окон... И это окно — Ваше окно — светится. Вот только чем оно светится?! Чем оно светится...

«Сколько на твоих золотых?» Так вы друг у друга время спрашиваете, биомодули. И ответ, вечный ответ:«Половина ржавчины». Каков символ! А на моих?

11 мар 1979 ВС 20 ч 46 м

Адский холод вморозил грязные остатки сугробов в глину. Земля лезет из-под них, шипит, ухмыляется хищно: «Вот тебе, снег! Ты вчерашний Герой Богоравный — хотел задавить меня? Получай же! Вспомни, вспомни, каким был ты. Ослепительно-белым, всемогущим, надменным! Вспомни — как раздувался ты от гордости, как завывал ты, упиваясь властью надо мною... А ныне? Что осталось от тебя? Ты превратился в грязного тошнотворного карлика...»

Галлюцинации... Надо же было так отравиться в этом баре проклятом... Как я страшен и отвратителен... Господи! Нет... Я виновен в этом сам...

У одиноких обледенелых сугробов грязный блеск обгоревших полиэтиленовых мешков... Нет. Я пойду к Вам даже и [redacted] таком... Незнакомка! «По вечерам над ресторанами...» Красный нимб. Нерожденные Летающие Объекты. Да. Пойду и скажу: «Сколько платят тебе интуристы за один раз?»

Три недели назад, три недели... три недели... И шесть дней спустя. Цветной Видеофантом [redacted] черно-белом мире... Нет, не надо вспоминать, не надо...Приду и начну говорить, но снова, снова попаду под власть Вашей... Вы ведь очень хорошо умеете это, не правда ли? Отработали уже на ком-то? И я, конечно же... Гому сум, ет нигил гуманум [redacted] ме алиенум путо...

Вся жизнь — и три недели... Если бы не день тот среди зимы... И ведь подсказывало сердце: «Не ходи!» Так нет же... Глупая случайность — перст Судьбы? Фатум... Стоило только не пойти... Стоило только... Три недели... Менее! Менее!» Пять дней — Золотоволосая превратилась в Птицу, Птица стала Волной.

Из-за чего же пошел тогда? Из жалости к глупому этому существу... Жалость — самое вредное, самое бессмысленное чувство на земле. Но теперь знаю, Поль, — не надо жалеть ни живых, ни...

И если бы не та глупая случайность — Господи! Эти три недели прошли бы, как и всегда доселе,— в мире, отгороженном Суперстеной. Мягкий свет, черный кофе, книга в руках или экран перед глазами...

Забыть себя, отключить свое «Я», сбросить обыденность и повседневность, как жалкие грязные лохмотья,— и странствовать в мире неведомых чувств, парить в эфире иных жизней, взлетать и низвергаться в вихре чужих страстей! Вот она, вот—истинная жизнь моя, казалось... А комната, одна и таже изо дня в день, из года в год — насмешка дьявола надо мной. Но какой же Властелин Преисподней, какой Черный Демон поймал мысли мои? «Тебе тошно от твоей спокойной жизни? Получай же!» И забросил вглубь чьей-то живой книги... Где же финал?! Довольно! Игра окончена! Маски сброшены! Декорации сорваны!

Падение в бездну во сне — вскрик и пробуждение. Мир встанет на положенное ему от века место: Я-Я. Воскрес. Спасен. Но теперь... Эти шесть дней... Господи... Словно заснул на мостике, подвешенном над пропастью... а ночью молния разрубила скалы, застонала земля, изогнулась в конвульсии судорожной, и разлетелся мостик на щепки, низвергаюсь в бездну каменную и заклинаю себя: «Проснись! Проснись! Оживи!»

Но это не сон. Не сон. Чего же ждать?! Сейчас встану, и... и начнется Великое Отмщение Мое!

Вы! Нищие духом мира сего! Чего ищите вы в муравьином копошении вашем?! Куете счастье, хозяева Судьбы с пламенными моторами вместо сердец? Какие же вы жалкие, скверные и пошлые... А вместо мозгов в ваших покрытых плесенью черепах вставлены одинаковые машинки, сделанные на конвейере завода Имени Великого Вождя Всех Угнетенных, Отца Народов, Пламенного Светоча Мировой Революции Товарища Иосифа Виссарионовича Сталина!

Но ты, Гениальный Ловец Душ... Нет — нет, ты не суетишься. Ты — паришь под облаками могучим соколом, раскинув мощные и стремительные крылья свои и озирая проницательным оком всю ничтожность сих малых разумением и всю глубину их мерзости! Я преклоняюсь пред тобою всем сердцем моим и разумом, о Великий Сверхчеловек!

Вы же, ничтожные... Слушайте! Пришел Великий День Этот! И не будет пощады никому! И каждому воздам по делам его, ибо пришел День Великого Гнева Моего, и кто сможет устоять? ...да ...вот сейчас встану и.. встану и... Что это со мной? Что с разумом моим и телом моим? Разбредаются шатко мысли мои, и куски памяти обрушиваются с треском и грохотом, разлетаются в прах... и тело мое не слушается меня... Но откуда во мне столько яростной силы и могущества?! Это ты, Сверхчеловек! Ты влил в меня исполинские силы эти! Ты дал мне первое причастие Грядущих Вослед Тебя! Вель-Айс-Лере! *ВЕЛ!* Вогнутая Земля! Пустотный пузырь внутри бескрайней скалы! А солнце — с копеечку...

Одиннадцать ночи. Пора. Сейчас я войду к Вам, Богиня Падшая, и скажу... и скажу... что благодарен Вам. Бесконечно благодарен. Если бы не Вы, я спал бы всю жизнь с открытыми глазами, я жил бы в Иллюзионе, в фантоме... И вот — я умер. Но я — воскрес! Поль воскресил меня. Спасибо Вам, Падшая Богиня, — за то хотя бы, что иначе не встретил бы Поля...

Вы — одна.

Вот — Ваш взгляд и,..

— Андрей...

...смутным облаком в колдовской истоме замкнули секунды мои гравитационным излучением Божественного полюса неведомого магнита силовые поля свои навсегда

— Андрей!

Вы... как-то через силу... поднимаетесь... медленно и неуверенно делаете шаг ко мне... еще шаг... быстрее... и быстрее...

...Что? Что это? У Вас... блестят глаза? Вы... Вы плачете? Вы, Прекрасное Бессердечное Существо, плачете? Вам стыдно? Вы... раскаиваетесь?

Меня — нет. Есть только два Андрея Орлова, отраженных в карих глазах.

Они — искажены. Что за трансформация случилась с ними?

А Вы — видите двух Падших Богинь в глазах моих. И тоже — трансформированных.

Великая блистающая пустота внутри. Только синие искры, пульсации сердца, что проваливается невесть куда, и — глубокая тень длинных, чуть дрожащих ресниц.

Два Андрея Орлова. Они—одинаковы. Почти одинаковы. Но вот... Я — Дубль-1 съеживается, бледнеет, втягивает голову в плечи... Я — Дубль-2 между тем рас-

прямляется, растет, стальная уверенность проступает [redacted] лице его. Он оборачивается [redacted] Я — Дубль-1:

— Вот он, твой Фантом! Вот — твой Иллюзион! Вот [redacted] — твой Постулат номер два [redacted] миров: Жалкий мечтатель, безумный романтик, что [redacted] в оправдание?

— Мне оправдываться [redacted] Я во[redacted] Левитацию. Я сложил Супервитраж Вселенной. В том, [redacted] он рассыпался [redacted] осколки, нет моей [redacted]

— Ложь! Гадкая ложь! Ты посягнул [redacted] то, [redacted] сотворить. Ты слаб, [redacted] жаждешь [redacted] — [redacted] это [redacted] мерзко... Ты говоришь [redacted] благородстве— [redacted] оно, твое благородство? Платить дань шудрам? Смиренно выворачивать карманы перед ними? Склоняться перед Тафисой? Терпеть, когда [redacted] твоем присут[redacted] говорят гадости? Получать мерзкие записки? [redacted] благородством?

— Истинный Брахман [redacted] духом, [redacted] быть унижен [redacted] и [redacted]

— Великолепно! Терпеть унижения от шудр [redacted] дня [redacted] при [redacted]зировать себя? «[redacted] высок! Я свободен»? Нет, ты — раб, [redacted] ты — низок. Тебе про[redacted] — терциум [redacted] датур. Или — насилие, или — рабство. Итак, ты выбираешь рабство?

— Терциум [redacted] датур — не насильственное сопротивление злу.

— Снова [redacted] сказочки... А [redacted] достиг [redacted] ненасилием? Вспомни Бейкера — [redacted] бумагу и [redacted] Смог бы [redacted] поставить [redacted] без насилия? Нет. А я — применил насилие, и результат [redacted] замедлил явиться. Теперь [redacted] осознал свое [redacted] И теперь [redacted] уже никогда, никогда [redacted] совершить подлость кому бы [redacted] было.

— А «возлюби ближнего [redacted] более [redacted] себя»?

— Вот как? Ты [redacted] мне, [redacted] любил [redacted] любит? Никто и никогда! Почему [redacted] должен кого-то любить, прощать, жалеть?

— Потому, [redacted] это — благородно. Ис[redacted] Брахманы — великодушны.

— Брахманы... Детская сказочка... Десять тысячелетий назад... А сейчас... Ты [redacted] этот мир — все перевернулось! Все миры [redacted] Если Моцарта [redacted] Фета [redacted] грош [redacted] ставит, значит, они — шудры. [redacted] шудры относятся к ним, как... [redacted] шудрам еще более [redacted]ким, [redacted] Скажи мне — если Брахманам [redacted] уже [redacted] подчиняется и [redacted] поклоняется, то [redacted] Брахманы? Значит, надо [redacted] их преклоняться.

— Ничего [redacted] получится. Шудры [redacted] вайшьи всегда преклонялись перед кшатриями и Брахманами добровольно [redacted] свободно. Они понимали—если [redacted] жерт[redacted] для Брахманов, [redacted]вится культура, некому [redacted] Земле станет поддерживать Благородство, Справедливость, Истину [redacted] Красоту. Они понимали — [redacted] поклоняться Брахманам — наступит хаос, [redacted] Земля погрязнет в диком варварстве. Шудр совратили. Сами они, наверное, не повинны [redacted] Им посулили сытость, жилье, богатство. [redacted] пообещали коммунизм через двадцать лет. [redacted] внушили, что они, [redacted] не Брахманы — передовой авангард...

— Понимаю, [redacted] продолжать... Виноваты [redacted] они, а сталины, берии, [redacted] брежневы... Но [redacted] теперь будет все [redacted] места? Кто [redacted] на[redacted] порядок? Кто [redacted] культуру, [redacted] мы с тобою?

— Но [redacted] же...

— А как?! Что [redacted] аморфный гуманизм? Иди же, обнимайся с шудрами, проповедуй им стремление [redacted] Духу, учи [redacted] благородству, истине, красоте... Они распяли Христа — тебе [redacted] примера? Ты повторить хочешь? А [redacted] ты накормить их [redacted] хлебами? А умеешь [redacted] лечить [redacted] рук? И ус[redacted] ли перед искушением? Мечтатель... Фантазер... Романтик.. Нет! [redacted] их буду [redacted] На [redacted]

— [redacted] же? Ты будешь [redacted] рабским страхом? Раб [redacted] любить [redacted] уважать того, [redacted] сделал его рабом.

— А [redacted] надо, чтобы [redacted] любили меня. Пусть боятся, [redacted] этого достаточно. [redacted] отмщу [redacted] Ведь тогда [redacted] станут думать—над Брахманами [redacted] без[redacted] издеваться, Брахманы [redacted] себя [redacted] могут, [redacted] не защитит. Не... Только силой, [redacted] силой... Прав Поль, тысячу раз прав: «Брахман, исходя

из законов всеобщих, не должен жалеть ни живых, [redacted] усопших».

— Ты не пожалел бабушку, — ты проклял ее.

— Надо же... А она продала меня еще до рождения моего за два ящика продуктов! Как при крепостном праве — дети, рожденные у проданной крепостной, автоматически становились собственностью ее хозяина. И кому продала — дикарю, варвару, доносчику! И на этом Иуде все твое благородство висит, как на ржавом гвозде... Умрет он завтра — и кому ты будешь нужен со своим благородством? Вспомни, как нам продали аппарат тот с черного хода. Что — из благородства продали? Нет, мой милый романтик... У отца — сила. Вот поэтому все [redacted] рады ему помочь [redacted] услужить. Я не стану мстить ему за гибель моего рода — он мне иначе отплатит... А Истомину ты на что в театр водил? На что покупал ей цветы [redacted] шампанское? На благородство? Нет, на презренный металл, которого у отца много, потому что он — силен [redacted] жесток. Надо будет научиться у него этой силе [redacted] жестокости. И этот бриллиант... Где он, кстати?.. Откуда он? Из идеи благородства материализовался?

— Я раскаиваюсь [redacted] той краже...

— Нечего тут каяться — все было сделано верно. Должны они были позаботиться о том, на что они станут воспитывать меня? Да, это был их долг, к которому они относились недостаточно серьезно. И я взял то, что принадлежит мне по праву. Все свои пятнадцать лет [redacted] видел лишь ход стрелок на циферблате [redacted] не подозревал о пружинках, шестеренках, рычажках и анкерах, что спрятаны внутри [redacted] движут все... А вот она, механика жизни: Царь Голод, и три его наложницы — Царица Похоть, Царица Гордость, Царица Алчность... Конечно, конечно, стыдно ведь признаться даже себе, что живешь не как разумное существо, а как марионетка в их руках... Я выстрою новую Суперстену — там не будет портретов твоих беспомощных Брахманов... Совсем новую... И начну с ее высоты громить всех... всех! Я понимаю, милый мой романтик... Это чудовищно... Одному здесь не справиться... Тут, может быть, годы понадобятся... Тут нужно создать целый клан, синдикат организовать, потом опутать всех... повязать долгами... или тайной... или... кровью! И тогда уже — дергать за ниточки, [redacted] они запляшут, как марионетки, в руках моих.

— А душа? Ты иссушишь свою душу, разум [redacted] дух. Ты не сможешь жить...

— Что? Душа? Не смеши меня, мечтатель... Какая тут душа, если можно купить и продать все на свете! Все! Хотя бы за два ящика продуктов...вместе с их душами [redacted] потрохами... Они сами — шудры — вынуждают меня на это, заметь... Ведь я по природе вовсе не жесток — напротив... Так что же? Отправить себя на тот свет, как мы [redacted] намеревались? Да, на это способен только сильный человек... Но шудры останутся жить [redacted] радоваться. И высшее проявление силы — остаться жить и покарать всех возгордившихся шудр. Твое благородство годилось для жизни сто лет назад, [redacted] сейчас... Сейчас у кого власть — тот и Брахман. У кого деньги, тот [redacted] Брахман. У кого сила — тот [redacted] Брахман. А кто сумел всех повязать, подчинить своей воле, заставить служить себе, тот самый высший Брахман. Вот я и стану таким Брахманом. Если не все сразу получаться будет — Поль научит.

— И все же — ты ничего не добьешься насилием и жестокостью. Запомни это.

— Принимаю твое пари, мой милый романтик!

Меня — нет. Есть только два Андрея Орлова, отраженных [redacted] карих глазах. Они — одинаковы. Почти одинаковы.

Мы стоим в полуметре друг от друга. Мезолит сменился неолитом.

Железный Век пришел на Древнюю Планету.

Брови Ваши поднялись вверх... взгляд загорелся... искусанные губы слегка приоткрылись:

— Андрей...

Вибрация голоса Вашего развернулась огромной звенящей пружиной, в воздухе пульсации ее улетели в Небо, как взмахи крыльев Чайки, но чей-то выстрел! — и Чайка падает, подстреленная влет...

Губы сжались, брови опустились, взгляд потух, и угли его упали вниз.

Все очертания [redacted] силуэты заметались вокруг... что-то в чем-то растворилось и погасло... прозрачные тени заплясали [redacted] глазах... чьи-то живые призраки... движение... порыв... сумятица... дикие биомодули забегали с каменными топорами... пронеслись боевые колесницы фара-

онов... в бешеном темпе промаршировали фаланги Александра Великого и легионы Цезаря... Христос возопил на кресте: «Отец Мой Небесный! Почему ты покинул Меня?!» ...золотой дворец Нерона рассыпался в прах... гренадеры зарядили мортиру и поднесли фитиль... промчались бронепоезда, сотрясая землю... в воздух взмыла саранча фанерных аэропланов... затем реактивных истребителей... Древняя Планета дала залп по космосу спутниками... *Аттенш! Аттенш!* — пронеслось над электростеклосталебетонными городами... миллионы людей рухнули на асфальт, закрывая руками головы свои... *ключ на запуск* — пронеслось над Древней Планетой в пульсирующей тишине... и — Огонь Ярче Тысяч Солнц вспыхнул над нею...

— Андрей, что же ты?

Вы обошли меня... приблизились к двери, не отводя глаз... закрыли на задвижку...

— Измучила я тебя, да? Что ты молчишь? Или я более не дорога тебе? Или более не желанна тебе? И твое кольцо... Она пришла ко мне вчера... «Отдай кольцо, иначе будет катастрофа»... И что мне оставалось делать...

Толпа внутри меня разбивает последние обломки Суперстены, тоже внутренней... В пролом хлынули лучи и заблистали на металлических кружках в руках людей за Суперстеной. Они жадно ждали ее полного крушения.

— В нашем мире все за динарий. Все,— улыбнулись они.

Стальной отблеск мелькнул в их глазах.

Между тем Толпа Внутри Меня начала громоздить какие-то стальные блоки один над другим... какие-то провода протянулись... интегральные схемы... принтеры... терминалы... электронные блоки... что-то свинчивается, присоединяется... подключается... припаивается одно к другому...

Тысячи существ собирают что-то исполинское... Над морем их голов начинают медленно вырастать стальными непоколебимыми утесами огромные панели с матовыми отблесками... километры проводов, кабелей, шнуров... многоцветные индикаторы... речевые синтезаторы... блоки запоминающих устройств... магнитные диски...

Что со мною? Что со мною? Словно кто-то подключил к сердцу и мозгу провода под напряжением... электроразряд бьет сквозь все тело... но никакой боли... даже наоборот... необыкновенная легкость и ясность... удивительное спокойствие и уверенность в силах своих... могущество и твердость несокрушимые...

— Андрей... Я не хотела, чтобы ты... это против моей воли. Ведь это не меняет ничего, правда? Чего ты молчишь?

Вы... т. е. объект Истомина... прижимается ко мне... аромат французских духов, ментоловых сигарет, коньяка... обнимает за шею... ее губы находят губы мои...

— Андрей, ты что же... Я противна тебе? Что с тобой?

— Знаешь, что сказала старушка Заратустре?

— Что?

— Во всякой женщине скрыта тайна. И во всякой женщине скрыта и разгадка этой тайны, что зовется беременностью. Прощай.

Подхожу к двери. Открываю задвижку. Распахиваю дверь. Сзади голос объекта Истоминой. Но это не имеет значения. Не имеет значения.

Продолжение следует

Николай Владимирович Нагорнов (Кринберг) родился в Иркутске в 1964 г. Учился в Иркутском институте иностранных языков. Работал токарем на Иркутском авиазаводе и на ИЗТМ им. В. В. Куйбышева, рабочим сцены, сторожем.

Публикуется впервые.

Татьяна МИРОНОВА

ПРИТЯЖЕНИЕ

Пока блуждала во вселенной,
[redacted] знала я,
что есть во мне душа,
тоскующая по лугам,
как по подолу матери — дитя.

И лишь ступив на землю,
прикусив
рябины гроздь,
как некогда — созвездье,
[redacted] поняла:
земное притяженье
есть притяженье раз и навсегда.

И [redacted] легко
царапины от звезд
сменила
[redacted] царапины от елок.

□ □ □

Тихо-тихо... Так неслышно
свет струится, ночь плывет.
И никто под этой крышей
тихо-тихо не вздохнет.

Даже дождь беззвучно льется —
миром правит тишина.
И никто не засмеется,
не заплачет у окна.

Не задернет на ночь шторы,
утром дверь [redacted] распахнет.
Безответны окон взоры,
и шиповник — [redacted] цветет.

□ □ □

Люблю сентиментальные слова.
Ну, что поделать — давняя причуда.
Мне не хватает их, да [redacted] откуда
[redacted] век прагматизма нежные слова.

[redacted] и сама порой прямолинейна,
взыскательна и, может быть, строга...
Но как ласкает ветер берега
и как вода реки цветет лилейно!

Восторженность — не [redacted] правилах моих.
И все-таки, как удержать волненье,
когда травы зеленое теченье
струится между ног босых.

Сентиментальны пчелки золотые,
сентиментальны крылышки стрекоз...
И редкие минуты сладких слез
как верные сторожевые.

ГРОЗОВОЙ ИЮЛЬ

Грозовой июль [redacted] разгаре.
И набеги черных туч —
ненавистные хазары —
затмевают солнца луч.

Мечут молнии, как стрелы,
сжечь грозят все окрест.
Но возносит в небо белый
храм
воинственный свой крест.

Небо сумрачно до черни —
тем сиятельнее храм.
Бью земле поклон дочерний,
улыбаюсь небесам!

□ □ □

В час, когда теней затменье
наступает [redacted] окном,
обойдешь [redacted] владенья...
Старый сад и старый дом
для тебя, как мирозданье,
где ютятся по углам
старые воспоминанья, —
нежность с грустью
пополам.

Татьяна Геннадьевна Миронова закончила филологический факультет Иркутского государственного университета, работает в областной газете «Советская молодежь». В 1987 году была участницей конференции «Молодость. Творчество. Современность». В 1988 году в кассете «Бригада» вышла ее первая книжка стихов «Мой дом».

Валерий ХАЙРЮЗОВ

БЕДА НАД ТАЙГОЙ

[redacted] хорошую погоду [redacted] колхозные аэродромы я нахожу сразу [redacted] по белесым [redacted]. Это следы [redacted]. Вокруг трава [redacted] зеленеть, [redacted] желтеть, приобретать другие оттенки, но [redacted] заправки цвет [redacted] и [redacted] — ядовито-белесым. [redacted] аэродромах прошла [redacted] молодость. Каждый год, [redacted] с марта, мы, как [redacted] с цветка [redacted] цветок, перелетали [redacted] одного кол-[redacted] другой: [redacted] с воздуха минеральные удобрения, обрабатывали [redacted] ядохимикатами.

В середине лета, когда заканчивалась прополка, нас [redacted] лесхозы и мы, поднимая потолок обрабатываемых площадей, проводи-[redacted] химический уход за тайгой, [redacted] адской [redacted] бутилового эфира с соляркой присаянскую тайгу, уничтожая осину, березу, [redacted] говорили, [redacted] расти знаменитой ангарской сосне.

Работа [redacted] нравилась, многое тут зависело от себя лично, от ловкости, оперативности, сообразительности. Чтобы летать на малой высоте вдоль таежных склонов, нужен был точный глазомер и отличная [redacted] пилотирования. И еще, работая в колхозе, надо было держать ухо востро: следить за ветром, держать [redacted] все [redacted] с чувствительными культурами, не ровен [redacted] снесет «химию», скажем, [redacted] горох, попробуй потом оправдаться. Ну, а [redacted] дай бог потравить пчел, [redacted] это [redacted] вовсе подсудное дело. Летать над тайгой — одно удовольствие, практически контроля никакого: лей куда угодно [redacted] насколько хватит химикатов.... Но были среди нас и такие, которые всеми правдами [redacted] неправдами пытались улизнуть от химработ. Мы догадывались, почему они это делают...

После командировок наша одежда распространяла вокруг специфический запах. В городских автобусах и трамваях пассажиры воротили от нас носы, [redacted] же, надышавшись химии, ничего не ощущали. Вернувшись домой, [redacted] одежду и, казалось, вместе с ней [redacted] неприятные автобусные воспоминания. Правда, кое у кого после командировок начинала побаливать печень, но те, у кого это случалось, помалкивали, и попробуй пожалуйся, — спишут на землю. Но [redacted] это вскоре проходило, в молодости все проходит, думали....

Но и молодость — слабая защита против яда всемогущей, как нам тогда казалось, химии. Одного из наших ребят мы потеряли. Вмиг его скрутила болезнь печени.

После завершения работ начальство подводило итоги, рапортовало на верх о выполнении [redacted] перевыполнении плана, лучшие экипажи награждались Почетными грамотами, премиями, подарками, [redacted] принимали это как должное, свое дело мы выполняли исправно, считали себя летающими хлеборобами, из газет знали — [redacted] полеты дают солидную прибавку урожаю, и верили, без нашей помощи сельскому хозяйству пришел бы конец. И очень болезненно реагировали, если кто-то пытался усомниться [redacted] этом.

Однажды в одном из колхозов после полетов у меня зашел разговор со стариком сторожем о пользе, которую принес самолет сельскому хозяйству.

Выслушав меня, тот с какой-то безнадежной усмешкой заметил:

— Вон с того поля, — он ткнул пальцем на дорогу, — в тридцатые годы снимали по тридцать центнеров. Сейчас при помощи аэроплана — тринадцать, ну от силы пятнадцать. Тогда, правда, пололи вручную. А сейчас легко хотят брать, а легко можно только [redacted] колодец упасть, потом попробуй выберись. Здесь еще ладно, народу мало, работать некому, — добавил он. — А вот зачем тайгу травят, не пойму.

— Кто травит? — не понял я.

— Как кто, вы [redacted] травите, — глянул на ме[redacted] в упор сторож. — Ты вон съезди, посмотри, тут недалеко. Вон тот склон ваши летчики дустом засыпали. Энцефалитного клеща выводили. Ты съезди, съезди, посмотри, может, что и поймешь.

Честно говоря, слова сторожа я забыл почти сразу же, мало ли кто что говорит.

Попасть на тот склон мне довелось случайно. Через некоторое время поехали мы подписывать договор с лесхозом. По пути забарахлил двигатель, мы вышли из машины. Я отошел чуть [redacted] сторону от дороги. Меня поразила странная, [redacted] бы сказал, прямо-таки, стерильная тишина. Вокруг стоял застывший в оцепенении лес. И только через несколько секунд я догадался, [redacted] чем дело. Отсутствовал звук. Ничего вокруг не ползало, не летало, и оттого застывший лес казался мертвым.

Мы заехали на обработанный ядохимикатами склон, лес умирал: скрюченные, скукоженные, почерневшие, точно опаленные пожаром листья, захламленность, гнилостный запах. Я заскочил [redacted] кабину, шофер поддал газу — скорее, скорее, чтоб не видеть всего этого.

Вот так впервые я увидел результаты нашей работы. В такой лес не везут корреспондентов, в нем [redacted] снимают кино. За семь лет там, где проводились химработы, я [redacted] разу не видел в тайге [redacted] на полях ученых, токсикологов, тех людей, кому там необходимо было быть по долгу службы, представителей станции защиты растений, хотя они, я знал, существовали, с их санкции осуществлялись эти работы. Они появлялись [redacted] то неохотно, если возникала жалоба — потравили пчел, пожгли чей-то огород. Но кто напишет жалобу за тайгу? Лес и все, что жило [redacted] нем, умирали молча.

Позже, когда мы пытались затевать разговор о вреде, который наносит химический уход, нам отвечали: тайга большая, а работы проводятся [redacted] ограниченном масштабе и, мол, вскоре эти работы должны прекратиться вовсе. Но все оказалось не так. Дифолиация леса продолжалась и велась во все возрастающих масштабах, мало того, она стала проводиться там, где никогда не проводилась. Шагнула на север и [redacted] другие районы, подальше от людских глаз. И отдельные робкие попыт[redacted] возразить — подавлялись. Тут действовал и сложившийся стереотип мышления, который не позволял усомниться [redacted] правильности рекомендаций, подписанных учеными. На службе у лесников, химиков и авиаторов было все: кинохроника, радио, телевидение, газеты.

Можно ли пробить стену? Весь предыдущий опыт показывает: почти невозможно. Это не миф, это реальность. Но кое-чего добиться можно, если не быть равнодушными. Нас будут обманывать, унижать, дезинформировать до тех пор, пока мы будем молчать.

Вот переписка, скопившаяся [redacted] газете «Ленский шахтер», которая, как мне кажется, с одной стороны, убедительно показывает ведомственную философию и, с другой стороны, позицию людей, обеспокоенных за судьбу родного края.

«Здравствуйте, дорогая редакция газеты «Ленский шахтер». Хочу вас поблагодарить за ваши публикации о своем родном крае, о природе, экологии, о замечательных людях, живущих здесь. Мне очень нравятся ваши материалы, чувствуется настоящая любовь к своей профессии, добросовестность ваших работников.

Сам [redacted] гостил [redacted] вашем крае, [redacted] мне, приз-

наться, было очень порой удивительно то богатство, коим полна ваша природа, разнообразие красок, удивительный ландшафт, богатство фауны и флоры, климат... Можно было бы еще перечислять, [redacted] это было бы не пустое словословие, а истина, вам самим ведомая, дорогие бодайбинцы.

Вместе с другом, жителем поселка Мамакан, по приглашению которого я и приехал отдохнуть [redacted] ваши места, мне довелось побывать [redacted] долинах рек Витима, Мамакана с их притоками. До этого я был во многих местах Советского Союза, но то, что увидел здесь, врезалось в мою душу.

Дорогие бодайбинцы! Я полюбил ваши места, край ваш будет манить теперь меня всегда. Завтра я улетаю, и, наверное, это побудило меня взяться за перо, хотя я далеко не мастер слова, [redacted] всего лишь шофер. Живу и работаю в рабочем пригороде Кустаная. Будучи [redacted] лесу, в тайге, [redacted] видел плоды деятельности организаций, работающих там. Это и КИП-29, [redacted] мостостроители, и БратскГЭСстрой, и коопзверопромхоз, и многие другие. Должен вам сказать, что руководители указанных организаций должны сидеть [redacted] тюрьме, [redacted] не руководить этими предприятиями. Почему, спросите вы? Я отвечу. Такого отчаянно преступного отношения к природе я еще [redacted] своей жизни не видел. Экологов [redacted] экономистов целую армию нужно содержать, чтобы подсчитать ущерб от такого хозяйствования. Лес валят без всякой нужды [redacted] не выборочно, а подряд. В водоемы попадает большое количество бензина и масла. Ведь отработку льют прямо на землю. Гусеничная техника прет прямо, не разбирая дороги, срывая дерн, вминая [redacted] землю все живое, что попадет под нее. Хламу столько принесли люди в тайгу. Был я [redacted] там, где, как писал [redacted] корреспонденции директор Гослесхоза т. Колпаков, *после проведения авиахимработ бьет ключом живая жизнь!* Участок «Тельмана» — безжизненная пустыня, прерываемая иногда корявой сосной, вывернутой елью! Остальное мертво! Как после пожарища, который вихрем прошел по зеленому морю. Уничтожено все. Нет там зеленеющих листьев брусники, нет там голубики, жимолости, черники. Мой спутник поднял с земли что-то и показал. С трудом узнал я знакомый силуэт родиолы розовой, увы, мертвой. Дикорастущие лекарственные травы, кустарники, в том числе и те, что занесены в Красную книгу, уничтожены по вашему приказу, товарищ Колпаков. И вы еще смеете писать в газете, я подчеркиваю, [redacted] газете, такие слова: «..все живое живет, все зеленое зеленеет». Чего здесь больше: цинизма, наглости, уверенности в том, что все безнаказанно?

К концу нашего путешествия собака моего спутника — пятилетняя Динка — отравилась [redacted] сдохла. Очевидно, знания директора Гослесхоза в области биохимии очень скромны. И некомпетентность его позволяет делать такие заявления в печати [redacted] продолжать уничтожать растительный и животный мир, которые в экологической цепи неразрывно связаны.

Прошу за сумбурность письма извинить.

С уважением Михаил Максимович Пежемский».

22 сентября 1986 г.

«Уважаемые товарищи редакторы газеты «Ленский шахтер»! Обращается к вам ветеран Великой Отечественной войны Клюкин Леонид Михайлович, коренной житель поселка Перевоз, по поводу статей в газете «Ленский шахтер». Лично [redacted] мои земляки-перевозовцы возмущены [redacted] голос заявляем: боимся за тайгу. Это с каких же пор, товарищи лесничие Колпаков [redacted] Малышев, лиственный лес [redacted] ягодные кустарники помешали человеку! Тем более нам, северянам, где нет ни фруктовых садов, ни виноградников. Да и фруктов привозных мы, можно сказать, не видим годами. А вот таежные ягоды нам заменяют все фрукты, едим их от лета до нового лета.

В годы войны, когда мы были на фронте, наши матери и сестры выжили благодаря нашему лесу [redacted] природе: ягоды, грибы, дичь, рыба в реке. Белая куропатка и лесной глухарь еще обитают [redacted] наших лесах. И вы, товарищи лесничие, хотите их уничтожить. А таким животным, как изюбр, сохатый, кабарга, — разве им не нужен лиственный лес? Эти животные тоже из Красной книги. И этих животных вы тоже хотите уничтожить

благодаря инструкции по химическому уходу за лесом, которая столько бед принесла природе запада, а теперь перенеслась [redacted] на север. Наша речка Жуя — горная, и ее питают ручьи, стекающие с гольцов, а эти гольцы [redacted] хотите посыпать ядохимикатами, чтобы люди навсегда забыли вкус хариуса, ленка, тайменя и сига. А не с молчаливого ли согласия таких руководителей, как вы, т. Колпаков и т. Малышев, действующих только по инструкциям, уничтожается, без того уже оскудевшая, природа?

В прошлые годы в нашей стране, [redacted] именно у нас в Бодайбинском районе, сгорели тысячи гектаров леса. Кому, как не вам, лесничим, развернуться да засеять, [redacted] вытравлять семенами хвойных пород [redacted] пустоты тайги, [redacted] вы хотите отнять у нас последнее, что осталось от огненной [redacted]

Обращаюсь через газету ко всем ветеранам войны и к коммунистам района поддержать нас [redacted] не допустить обработку леса с целью уничтожения [redacted] пород [redacted] кустарников.

Клюкин Леонид Михайлович, ветеран войны и труда. Вместе со мной подписываются ветераны Великой Отечественной войны Сафронов А. Н. — охотник, Устюжанин А. А.»

1986 г.

«Пежемскому Михаилу Максимовичу.

Получив Ваше письмо, адресованное [redacted] редацию газеты «Ленский шахтер», [redacted] крайне удивлен [redacted] озадачен тем, в каком смысле [redacted] изложить ответ. В вашем? У вас понятия одни. Вы увидели, а может, услышали и сделали свои выводы с плохой стороны. Все строители, изыскатели — это вредители. Возможно, какие-либо нарушения [redacted] допущены, и лесная охрана не приняла соответствующих предупредительных мер. Для проверки и устране[redacted] нарушений будут направлены работники. Мне совершенно непонятна ваша точка зрения. Если вы что-то заметили серьезное, почему не прийти в лесхоз [redacted] объяснить ваше неудовлетворение. Вы что, боитесь откровенного разговора? Действуете исподтишка. Перед отлетом [redacted] боль, обвинив всех, кроме себя. Вы остались наблюдателем, в стороне от жизни, которая протекает [redacted] районе, [redacted] вам трудно судить обо всем.

[redacted] Союзе химработами [redacted] во [redacted] областях. Авиахимработы применяются [redacted] сельском хозяйстве, [redacted] с [redacted] едим хлеб после обработки гербицидами, которые применяются и в лесном хозяйстве. Да! Я [redacted] статью в газету «Ленский шахтер», где подтверждал, что после проведения химработ лесхозом была достигнута цель. Сосновые культуры растут прекрасно, [redacted] целы, звери [redacted] птицы водятся, [redacted] добывают соболя. Все это проверено [redacted] присутствии [redacted] отдела окружающей среды Гослесхоза г. Москвы и гл. редактором [redacted] «Ленский [redacted]тер». О чем [redacted] доказывать? Для того, чтобы дать добро [redacted] применение [redacted] в лесном хозяйстве и сельском, надо, чтобы дали заключение Минздрав СССР. И [redacted] дал, [redacted] видел в этом [redacted] вреда. При проведении работ [redacted] инструкцией, указывающей строгие пропорции [redacted] нормы, [redacted] не думайте, что [redacted] работы [redacted] проверяли. Даже собирали и ели ягоды брусники. Да, [redacted] период работ посещение участков запрещалось, не в том смысле, что [redacted] погибнуть или отравиться, это просто, чтобы не возникли какие-либо последствия. У каждого человека [redacted] всему различная восприимчивость и реакция. Если вас интересовали и интересуют результаты нашей работы, приезжайте, [redacted] убедитесь в этом, но только [redacted] будет делать [redacted] Не убедившись [redacted] истине, [redacted] надо делать свои выводы. Да, участок «Тельмана» в 1985 году был охвачен пожаром, [redacted] это ведь стихия, [redacted] борьбу с которой был поднят народ [redacted] Это ведь не применение [redacted] Зачем же такое красноречие: «Тельмана» — безжизненная пустыня. Там и сейчас находятся люди, работают.

Лучшим решением [redacted] сомнений — это будет, когда вы убедитесь [redacted] справедливости возникших сомнений, при выезде на место. Ваши обвинения в свой адрес [redacted] принимаю.

Директор Бодайбинского лесхоза

Колпаков»

1986 г.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

(Письмо в газету «Ленский шахтер»)

«Несколько лет Бодайбинский лесхоз обрабатывал среднетоксичными химвеществами леса на территории Синюгинского сельсовета. Центр Совета поселок Нерпо, что расположен в 120 километрах вверх по реке Витим от города Бодайбо. Точно такие же работы планировалось провести на территории Жуинского сельсовета, с центром в поселке Перевоз, расположенном в 300 километрах от Бодайбо. На возражения общественности [redacted] конкретно Л. Карповой — представителя местного Совета, В. Кожевникова — начальника охотучастка Перевоз А. Сапожникова — бдительного охранника лесов с воздуха, лесхоз ответил, что работы будут проведены по плану.

Расчет очень прост. «План по хвойным, *более ценным породам* мы выполним. Будут: признание, премия, слава. А там хоть трава не расти...» Именно так [redacted] понимаю действие администрации лесхоза. С точки зрения А. Колпакова — директора лесхоза [redacted] В. Малышева — главного лесничего, береза объявлена сорняком. Та береза, что воспета в песнях, красавица [redacted] лесов будет уничтожаться варварским химическим оружием.

Официально это именуется как химический способ ухода. Его последствия [redacted] только трудно предсказать, но и предвидеть. Уничтожая березу [redacted] ее спутниц: осину, ольху, рябину, тополь, — лесхоз выводит из строя и подлесок. Среди обитателей подлеска есть растения, занесенные в Красную книгу. Есть среди этих растений и эндемики. К примеру, у нас встречается несколько видов орхидей (венерин башмачок, сон-трава, грушанка, тигровая лилия, дельфиниум [redacted] т. д.).

Уничтожение флоры приведет к гибели насекомых [redacted] среди них — рыжих и черных муравьев, санитаров леса. Отсутствие этой цепочки гибельно скажется на различных [redacted]дах певчих птиц, прилетающих к нам за тысячи верст от мест постоянной прописки. Без насекомых погибнет в реках рыба и, прежде всего, наш благородный красавец из семейства лососевых — хариус. Очередная цепочка приведет к вымиранию [redacted] миграции пушного зверя: белки, соболя, выдры. Белочка [redacted] соболь питаются не только орехами, да [redacted] не всякий год бывает урожайным на орешки.

Под словом лес понимается целый комплекс дикорастущих [redacted] живых существ, так называемых даром природы. Руководители лесхоза за ценными хвойными сортами не желают видеть леса. Лесхоз — против леса — такова наша реальная жизнь.

В лесхозе прекрасно знают, как легко ранима природа Крайнего Севера. В 1985 году город задыхался [redacted] дыму от лесных пожаров, [redacted] население находилось под «домашним арестом», пожар показал, как опасно иметь в лесу сухостои, которые появляются после химического ухода за тайгой.

Всякий брак по расчету заканчивается плачевно, так [redacted] в [redacted] отсутствует элемент цементирующей любви. А. Колпаков и В. Малышев не любят нашу золотую тайгу, [redacted] задача общественности — не позволить им осуществить очередной брак по расчету.

Напечатав эти строки, [redacted] лишний раз решил убедиться в [redacted] правдивости.

Для этой цели встретился [redacted] побеседовал со многими людьми.

Иван Михайлович Андреев, районный охотовед. «До сих пор не могу ознакомиться с инструкцией лесхоза по работе с препаратами. Ее попросту не могут отыскать, факты говорят о непредусмотренном вреде. [redacted] поселке Нерпо в районе взлета [redacted] посадки самолетов посохли ягодные кустарники: черемухи, смородины, земляники. Для местных жителей это существенный урон».

Александр Владимирович Чернозубов, учитель труда БСШ-I.

«Привез я несколько ведер черники, набранной по берегам реки Шахтольня. Черника, признанный таежный лекарственный деликатес. Так вот, привезенной ягодой отравились мои родные, близкие и знакомые».

Владимир Павлович Булин, почетный кузнец ЦРММ, коренной нерпинец, проживающий сейчас [redacted] Бодайбо, проводящий отпуск только в нашей тайге.

«В урочище Грязный я знал токовище, где

собирались на брачные игры до 70 глухарей. Плюс неразумная химизация, и исчезло это токовище. Перевелись мелкие грызуны, мигрировал [redacted] пораженных мест соболь. Редким стал любитель травки и осиновой коры заяц-беляк. Долго люди гадали: отчего сократились баснословные урожаи картофеля? В момент налива вдруг начинает сворачиваться и сохнуть картофельный лист. Конечно, самолеты не проводили опыление над поселком, но ветер выполнил свою миссию».

Анатолий Михайлович Хомкалов, начальник городской электросети.

«Растительность нашу не назовешь пышной. Вечная мерзлота ведет строгий естественный отбор. Не понимаю, как могут подниматься руки на химическую обработку растений, выживающих среди снега и льда, побеждающих заморозки в разгар лета [redacted] дающих-таки семена для продолжения рода...

Лесхоз — за. Население — против. Напрасно затрачены громадные средства на приобретение химматериалов. Никто не в силах подсчитать затраты от применения химических веществ. Ясно одно: трава расти не будет.

Всюду [redacted] стране идет комплексное использование ресурсов, будь это промышленность или сельское хозяйство. У бодайбинского леса несколько хозяев. Один из них, лесхоз — нерачительный, выступающий за однобокое развитие. Мы должны остановить химобработку леса, как особо вредную для окружающей среды, ее флоры и фауны [redacted] для нас — жителей этого северного края.

В. Прокопьев

1986 г.

«Председателю Совета Министров РСФСР т. Воротникову В. И.

В жизни людей большой объем занимает химия. Химические препараты — арборициды, гербициды — являются необходимостью [redacted] сельском и лесном хозяйстве и многие десятилетия занимали главенствующее место для увеличения урожайности, борьбы с нежелательной травянистой [redacted] древесной растительностью. Иркутское управление лесного хозяйства, вот уже десятилетие, применяет арборициды на уходе за хвойным молодняком.

Бодайбинский лесхоз Иркутского управления лесного хозяйства [redacted] течение 5 лет проводит химуход за сосновыми лесными культурами. Но вот в 1986 году, неизвестно по каким причинам, несведущими лицами в нашей газете «Ленский шахтер» были опубликованы статьи против применения химии. Работников лесхоза обвинили и признали чуть ли не врагами народа. Мне, директору лесхоза, проработавшему в лесном хозяйстве почти 40 лет, слушать и принимать [redacted] свой адрес обвинения невмоготу. Разве можно так работать? С одной стороны, пропагандировать о положительных результатах применения химии в народном хозяйстве, с другой — о вреде, наносимом при ее применении. Получается, подрубаем сук, на котором сидим.

В 1986 году мною лично в адрес Минлесхоза [redacted] научно-исследовательского института были высланы письма и газеты с опубликованными статьями, на которые я получил ответы с утешительными результатами.

В конце июля месяца [redacted] Бодайбо прилетел из Москвы начальник отдела охраны природы окружающей среды. Совместно с редактором газеты «Ленский шахтер» т. Кокоуровым выезжали на место проведения работ. Сделали положительное заключение [redacted] горкоме КПСС, думали, что этот вопрос будет снят с повестки дня. Однако, как оказалось, страсти людей не только не утихли, а, наоборот, накалились. Как же мне поступать [redacted] дальнейшем? [redacted] таком же положении находятся и другие руководители лесхозов.

Прошу вас выдать однозначный ответ: или применять химию [redacted] лесном хозяйстве в соответствии утвержденной инструкции, или же совсем не вести об этом никакого разговора.

Думаю, что выражу мнение не только одного лесхоза, [redacted] в целом по всему Минлесхозу РСФСР.

Директор Бодайбинского лесхоза Иркутского управления лесного хозяйства

А. М. Колпаков».

1986 г.

«Директору Бодайбинского лесхоза
т. Колпакову А. М.

г. Москва
03.09.86 № 3—27/517 на № 203 от 14.08.86 г.

Рассмотрев внимательно Ваше письмо, министерство сообщает следующее.

В последние годы сложилось крайне отрицательное отношение к использованию арборицидов на уходе за составом смешанных молодняков. Под давлением общественных организаций в течение ряда лет запрещено проведение химухода во многих областях Российской Федерации.

Упомянутые в статье В. Пескова препараты 2.4-Д разрешены Минздравом СССР для использования в сельском хозяйстве (для прополки сельскохозяйственных культур) и лесном хозяйстве (для ухода за лесом). Эти химические препараты включены в «Список гербицидов и арборицидов для борьбы с сорняками и нежелательной древесной и травяной растительностью, разрешенных для применения в лесном хозяйстве на 1984—1989 годы».

В нашей стране препараты 2.4-Д ежегодно обрабатывают большие площади зерновых культур, а также молодняков хвойных пород, заглушаемых порослью осины и березы. Вопрос о химическом уходе за лесом рассматривался Государственной экспертной комиссией Госплана СССР. В составе этой комиссии были три академика, ряд докторов и кандидатов наук, в том числе известные специалисты Минздрава СССР в области токсикологии пестицидов. Экспертная комиссия рекомендовала химический уход за лесом к внедрению в практику.

В настоящее время вопрос о состоянии и реальных перспективах применения средств химии по уходу за лесом готовится к рассмотрению в Государственном комитете СССР по лесному хозяйству.

Зам. министра О. И. Рожков»

Научно-исследовательский институт
г. Ленинграда № 2/3150 от 30/X-86 г.

«Уважаемый тов. Колпаков!

Извините за то, что ответил на ваше письмо не сразу. Первый мой вам совет по поводу поджога склада с химпрепаратами: надо обратиться в прокуратуру, требовать расследования и наказания виновных. Какие бы разговоры о химии ни велись даже в газетах, нарушать закон никому не позволено. Замечу, что пожар на химскладе, пары и дым горящих химикатов — реальная, а не мнимая опасность для местного населения.

Теперь о сути дела.

Внедрение в жизнь новой техники и технологии не проходит без конфликтов, без борьбы. Было и такое, когда отказывались от железных плугов, утверждая, что они — в отличие от деревянной сохи — портят землю, утверждали, что лучше топить печи в домах по-черному; протестовали против строительства железных дорог, применения на фабриках станков и конвейеров, против оспопрививания и т. д.

В прошлом такие протесты исходили от людей необразованных, теперь, как правило, от тех, кто хочет и считает себя вправе принимать решения, но не располагает достаточным объемом конкретных знаний.

В нашем случае речь не об ошибках в организации и выполнении работ по химуходу за лесом, а о протестах против его проведения вообще. В связи с этим целесообразно информировать районную газету, райком и райисполком о следующем:

1. Планируют и проводят химуход только на площадях, где лесные биогеоценозы были разгромлены предшествующими сплошными рубками леса. Без ухода на большей части таких вырубок с наиболее богатыми почвами хвойные породы уступают место мелколиственным, что сопряжено с большим экономическим и экологическим ущербом для государства. Этот вывод был сделан Государственной экспертной комиссией Госплана СССР.

В 1978 г. эта комиссия рассмотрела обширный материал по оценке последствий эффективности химухода за лесом и рекомендовала его к внедрению в практику лесного хозяйства.

2. В нашей стране действуют самые строгие в мире правила в области общественной и экологической безопасности при использова-

[redacted] химических средств в растениеводстве. Разрешение на применение того или иного химиката принимается Минздравом СССР [redacted] соответствующими ведомствами на основе данных, полученных в итоге многолетних экспериментов, а также производственных испытаний и проверок. Рекомендованные для ухода за лесом гербициды и арборициды строго соответствуют их перечню в официальном Списке веществ, разрешенных Минздравом СССР для применения [redacted] лесном хозяйстве. Ревизовать этот список [redacted] ведомственную инструкцию по химуходу за лесом на основе лишь общих соображений, как это делает газета, дело несерьезное. Содержание опубликованной статьи лесопатолога В. Черпакова отчетливо говорит о том, что ее автор не владеет вопросом, о котором пишет. В частности, он не знает, что химуход за лесом проводят у нас широко [redacted] давно, а не в опытном порядке, что применяют этот метод не в девственных, а в разрушенных рубками лесах и что по оценке экологических последствий применения препаратов 2.4-Д проведена масса исследований и опубликованы тысячи статей и несколько книг.

Приведенная в газете информация В. Пескова о гибели в 1966 г. под Ярославлем 27 лосей, якобы из-за отравления бутиловым эфиром 2.4-Д, действительности [redacted] соответствует. Выезжая тогда же [redacted] совхоз «Курба», комиссия установила, что бутиловый эфир 2.4-Д там вообще не применяли. Проведенный в ЛТА им. Кирова опыт по принудительному введению большой дозы бутилового эфира 2.4-Д в желудок лосю не вызвал смерти животного. Более того, подопытный лось принимал участие в гоне.

Шутов И. В., Мартынов А. Н. Применение арборицидов в лесу. «Лесная промышленность», М., 1982.

Шутов И. В. Химизация — важный фактор интенсификации работ по лесовыращиванию. Ж. «Лесное хозяйство», № 11, 1986.

Бельков В. П., Марадулин И. И. [redacted] др. Химический уход за лесом [redacted] перспективы его развития. Обзорная информация № 2 1986 г. М. изд. Центрального бюро научно-технической информации [redacted] Гослесхоза СССР.

В последней из названных работ полностью приведен официальный «Список гербицидов и арборицидов для борьбы с сорняками [redacted] нежелательной древесной и травяной растительностью», разрешенных для применения [redacted] лесном хозяйстве на 1984—1989 гг.

В заключение письма хочу выразить вам, товарищ Колпаков, свое уважение [redacted] поддержку. Ваша отданная лесу жизнь — 36 лет работы в одном лесхозе, говорит сама за себя, [redacted] наскоки дилетантов на профессионалов, видимо, всегда были [redacted] будут. Тут остается одно: быть принципиальным и, вместе с тем, признать, что мы еще слабо пропагандируем лесохозяйственные знания среди населения.

Зам. директора Лен.НИИЛХ
доктор с. х. наук профессор И. В. Шутов»

В редакцию газеты «Ленский шахтер»

«На страницах вашей газеты неоднократно отмечалось о проведении химического ухода в лесу. Были несведущими людьми высказывания о якобы нанесенном вреде охотничьему хозяйству, всему живому, находящемуся [redacted] объектах проводимых работ. Отдельными лицами до сих пор продолжаются необоснованные разговоры о том, что [redacted] местах проведения химухода находили погибших глухарей [redacted] рябчиков, что их стало меньше. Ни один конкретно не видел и не доказал, что где-то погибли птицы или животные от проведенного химухода, а разговоры остались домыслами. Охотоведы, ведущие учет птицы, зверей, знают, что численность их сократилась по всему району [redacted] не по причине химии. Для того чтобы развеять их, самый лучший способ провести медэкспертизу, [redacted] все сразу встанет на свое место. Вот что отвечает на наш запрос и [redacted] газету по вопросу химухода в лесу научно-исследовательский институт и зам. министра лесного хозяйства РСФСР.

Препараты 2.4-Д, применяемые для проведения химухода в лесу, рассматривались на специальных экспертных комиссиях академиками Минздрава и другими специалистами, профессорами. Препараты опробовались на теплотворных, даже вводились внутрь в большой дозе лосю, который не только не погиб, [redacted]

даже пошел на гон. Приведенная информация В. Пескова ■ газете «Ленский шахтер» о гибели в 1966 г. под Ярославлем 27 лосей из-за отравления бутиловым эфиром 2.4-Д действительности не соответствует, выезжала тогда же ■ совхоз «Курба» комиссия и установила, что бутиловый эфир 2.4-Д там вообще не применялся.

Как же сказался химуход, проведенный лесхозом ■ 1986 г. в районе «Тельмана», на охотничий промысел? По данным работников, которые охотились в объектах химухода, говорится, что охота прошла успешно, добыто соболя вдвое больше. Это говорит о том, что применяемые препараты 2.4-Д не повлияли на все живое, а вот пользу по химуходу за хвойными породами дали большую.

Технический прогресс страны требует все более и более ценной хвойной древесины в спелом возрасте, а где ее брать при большом ее потреблении и долголетнем выращивании?

Лесопромышленным комплексам для получения целлюлозы требуется только хвойная древесина, особенно сосновая. Любая стройка требует хвойную породу. Химический уход сокращает длительный процесс, улучшает породный состав и создает возможность лучшего и качественного роста насаждений. При этом уходе не требуется больших человеческих затрат на работы, да качество говорит само за себя. При ручном уходе, взамен срубленного одного деревца осины, березы в течение летнего периода вырастает порослью от пня несколько, которые еще с большей силой глушат хвойные молодняки ■ не дают росту, что приводит к гибели лесных культур. С момента открытия ■ развития золотой промышленности в районе ■ наших горных лесах вырублены большие площади хвойных насаждений, пожарами выведены из оборота также большие площади. Район строится, развивается, всем требуется строительная хвойная древесина, да еще сосновая. Где же ее брать, если не вкладывать человеческий труд в создание ■ выращивание лесонасаждений. Имеющиеся запасы труднодоступные, нет дорог. Со временем ■ этим запасам будут проложены дороги и опять будет вырубаться древесина. Она нужна. Жизнь не остановить, а вот будущее лесов зависит от нас. Так давайте же не будем летать в облаках, а спустимся на землю. Вопрос применения химии в лесном хозяйстве давно решен, утвержден XXVII съездом, почему же мы будем крутить колеса в обратную сторону?

В 1987 году лесхозом будет проводиться химуход на площади 1500 га ■ районе участка «Тельмана» на лесных культурах и на возобновившихся вырубках, на участке «Тамарака» участок кл. Бур вверх по Витиму.

Все участки удалены от населенных пунктов и водоемов свыше установленных инструкцией норм, время работы намечается на конец июля, август месяцы. О чем будет подробно сообщено в печати и радио и другими средствами оповещения. Мы надеемся, что вредных последствий химуход не вызовет.

Данными препаратами опрыскивают сельскохозяйственные культуры ■ центральных областях и ■ Сибири, рядом с населенными пунктами, ■ чтобы кто-то погиб, пострадал — ни разу не читал, хлеб ■ культуры, которые им обрабатываются, мы с вами употребляем ■ пищу. Химуход будут проводить опытные специалисты — авиаторы Нижнеудинского авиаотряда из специально установленного микрораспылителя, установленного на самолете Ан-2. Так пожелаем им хорошей погоды в добрых делах.

Директор лесхоза Колпаков»

Получив «охранные грамоты» из министерства и ведомственного института, голос т. Колпакова окреп. В нем по-прежнему нет ■ доли сомнения в целесообразности применения химпрепаратов в бодайбинской тайге, его убедили, что это создаст возможность лучшего ■ качественного роста насаждений, здесь он целиком полагается на мнение ведомственной науки. Впрочем, Колпакова еще можно как-то понять. Он — исполнитель. Ну кто сорок лет назад мог ему хотя бы в общих чертах дать знания об истинных возможностях химпрепаратов. В то время о них почти ничего не знали. Наука знала, но предпочитала выпячивать достоинства ■ закрывать глаза на недостатки. Главное — результат:

мышление и способ действий отнюдь не новый, его давно уже определили как колониальный. Но в последние годы против химухода стали возражать даже те, кто, в общем, прямо заинтересован в этом деле — авиаторы. Сразу оговорюсь — не все, а те, для кого тайга — место охоты и отдыха. Так зачем же рубить сук, на котором сидишь? Возобладал здравый смысл.

Коллективное письмо работников Бодайбинского авиапредприятия.

«Коллектив Бодайбинского авиапредприятия, как и все жители района, на протяжении последних трех лет озабочены применением химической обработки лесов в нашей местности. В 1986 году в нашей газете «Ленский шахтер» был поднят вопрос о возможности возникновения вредных последствий применения дефолиантов. Ответом со стороны Бодайбинского лесхоза было опубликование в газете объявления о проведении авиахимработ на территории лесничества. В настоящее время стало известно, что в район завезли большое количество ядохимикатов для обработки с воздуха 150 га лесных массивов, что вызывает дальнейшую тревогу за сохранность природы [redacted] нашего здоровья. В течение двух последних лет [redacted] Бодайбинском районе пожарами стихийно уничтожена огромная площадь лесов. А что уцелело, будет уничтожено сознательно человеком. Когда выступлений общественности не хватает, население реагирует по-своему, так, в п. Перевоз в 1986 году были сожжены завезенные лесхозом химикаты.

Коллектив авиапредприятия поддерживает мнение общественности [redacted] том, что применение дефолиантов в нашем районе должно быть запрещено категорически, т. к. является нецелесообразным, вредным для здоровья человека, сохранности животного мира, природы».

К письму прилагаются подписи работников авиапредприятия.

Газета «Лесная промышленность» (1989 г.).

ГЕРБИЦИДЫ: «ЗА» [redacted] «ПРОТИВ»

«Выращивание леса — чрезвычайно сложный, трудоемкий и дорогостоящий процесс. Дороги лесные семена. Достаточно сказать, что оптовая цена килограмма семян первого класса качества сосны обыкновенной составляет 42 рубля, себестоимость же их зачастую доходит до 80 рублей. Не менее сложно вырастить посадочный материал для лесокультурных целей. Из высеваемых семян [redacted] открытом грунте в среднем только каждое шестое семечко в конечном итоге дает растение, годное к посадке. Например, саженцы сосны выращивают для высадки 2 года, ели — 3,5 лет. Выкопанные растения весной порою чрезвычайно трудно доставить по лесному бездорожью на место посадки.

Весьма схематичное описание технологического процесса лесокультурных работ, на мой взгляд, может убедить читателя, что эта работа требует больших людских ресурсов, материальных [redacted] денежных затрат, что срубить гектар леса значительно проще, особенно при наличии современной мощнейшей техники, чем вырастить его. Мы обязаны в результате своей хозяйственной деятельности вырастить для своих потомков ценные, высокопродуктивные леса.

Есть ли все-таки выход для того, чтобы сохранить молодые посадки? Да, есть. Химический уход. Применение химических средств при выращивании лесных культур для борьбы с сорняками и порослью мягколиственных пород по сравнению с проводимыми в настоящее время традиционными способами наиболее производителен [redacted] позволяет экономить денежные [redacted] трудовые затраты. Однократное применение химических веществ подавляет развитие сорняков в течение 1—2 вегетационных периодов [redacted] полностью или частично уничтожает мягколиственную поросль.

Для борьбы с лиственной порослью в нашей практике обычно применялись аминная соль 2.4-Д и эфиры феноксиуксусной кислоты 2.4-Д. Главный недостаток этих препаратов — стойкий, неприятный запах фенола. Естественно, что люди, привыкшие испытывать благотворный лесной аромат, при посещении леса отрицательно отнеслись к применению химических веществ, хотя они [redacted] разрешены Минздравом СССР. Конечно, запах [redacted] усохшие

молодые древесные растения эмоционально воспринимаются плохо. Как же бороться с нежелательной древесно-кустарниковой растительностью? Оказывается, можно. Отечественной промышленностью налажен выпуск фосулена ■ утана. Эти препараты не имеют запаха, а следовательно, не вызовут отрицательного восприятия у людей.

Г. Мальцев, начальник производственной лаборатории селекционного семеноводства и химизации МЛХ РСФСР».

Протесты бодайбинцев достигли цели, намечавшийся по плану до девяностого года химуход был приостановлен. На этом можно было бы успокоиться, но от своих коллег-авиаторов я узнал, авиахимработы над лесами не прекращены, а прочитав статью Г. Мальцева в газете «Лесная промышленность», понял, ведомство не отказалось от своих намерений. Статья эта натолкнула еще на одну печальную ■ общем-то мысль, ведомственная наука, кроме всего прочего, рассчитывает и на экологическую неосведомленность населения. Но народ уже не обманешь липовыми инструкциями и заверениями ученых о том, что химия безвредна, потому что убедились собственными глазами — их просто-напросто водят за нос.

Впервые о том вреде, который может принести бездумное применение ядохимикатов, мир узнал от писательницы Рейчл Карсон. В книге «Безмолвная весна» она, в частности, сказала: «Я утверждаю мысль, что мы вручили ядовитые и могучие ■ биологическом отношении химикаты без разбора в руки людей, значительно или совершенно не сведущих ■ их потенциальной вредности. Мы подвергли огромное число людей соприкосновению с этими ядами без их согласия ■ даже часто без их ведома. Я утверждаю даже, что мы допустили к употреблению эти химические препараты с незначительным или даже без всякого предварительного исследования их воздействия на почву, воду, диких животных и на человека».

Книга эта, едва появилась на свет, тут же оказалась на столе президента Кеннеди. И рычаги воздействия на компании, производящие пестициды, а также на тех, кто их применяет, у президента нашлись. В наших газетах появлялись и появляются материалы о громких судебных процессах, связанных с необдуманным применением химикатов. И хоть мы живем с постоянной оглядкой на Америку, похоже, позитивный опыт этой страны нас обходит стороной, иначе чем объяснить, что ни одного судебного дела против всесильных ведомств у нас не возбуждено, скорее всего, люди понимали бессмысленность таких попыток. С другой стороны, действовало наше пресловутое авось: на меня не капает, ну и слава богу. Нам внушали: то, что спускается сверху, — сомнению не подлежит. Положение усугублялось и отсутствием у людей даже ■ зачаточном состоянии экологической культуры. Укоренившаяся привычка полагаться на дядю, который должен прийти и сделать то, что должны делать мы сами.

Однажды мне пришлось наблюдать такую картину. В доме вышел из строя мусоропровод, но жильцы продолжали бросать в него пищевые отходы, хотя внизу, у подъездов, на этот случай привезли мусорные контейнеры. Их как будто и не существовало, жильцы бросали себе под нос, сначала забили мусоропровод, потом целлофановые мешочки стали укладывать в подъезде на подоконники.

Санитарная культура людей с высшим образованием в данном случае напоминала куриный инстинкт: чуть-чуть отгрести от себя, а там уже, мол, забота властей. Пробегая мимо ими же набросанного мусора, они, зажав носы, восклицали: «Нет, вы посмотрите, никому ничего не надо. Какое безобразие!»

И все же гром вдруг грянул, вдруг обнаружилось — окружающая природа деградирует прямо на глазах и вместе с этим ухудшилось собственное здоровье, и, что самое страшное, здоровье наших детей. Мы наконец-то поняли: молчать — себе дороже.

И ситуация хоть медленно, но все же начала меняться. Нет, наверное, нужды комментировать приведенные выше письма и ведомственные отписки. Но на некоторые моменты все же следует обратить внимание.

Обвинение директора лесхоза Колпакова, автора письма Пежемского ■ том, что он дей-

ствует исподтишка, мягко говоря — голословно. Пежемский отправил письмо ■ газету, где четко изложил свою позицию. Директорская позиция заключалась ■ том, чтобы замять дело, ему хотелось, чтобы подобные споры решались ■ его собственном кабинете. Но поскольку дело получило огласку, директор забеспокоился, стал бить в колокола. И ведомство поспешно пришло на подмогу. Особенно начали стараться те, кто на применении пестицидов в народном хозяйстве сделал карьеру, имя, благополучие. Посыпались советы: сопротивляются — в прокуратуру. Чего церемониться. Законы на стороне ведомства. Ну ■ как смотрит академик Шутов, если привлечь к ответственности самого рекомендателя? Давно известно, лабораторные опыты ■ применение пестицидов на природе, это не одно и то же, сам Шутов это хорошо знает. Но он уверен, проверять некому, да и кому это надо. Всеобщее безразличие, разобщенность работала на ведомственную науку. В своем письме Шутов признает — даже дым от горящих химикатов реальная, а не мнимая опасность. Что же говорить тогда о гербицидах?

Ну а заявление о том, что в нашей стране действуют самые строгие ■ мире правила экологической безопасности, напоминает сказку про белого бычка. Нет у нас таких правил, они есть разве что на бумаге.

А пример с подопытным лосем не убеждает, ■ вызывает отвращение. Чтобы убедить народ, что применение химикатов не ведет к гибели животных, ■ желудок лося в принудительном порядке ввели большую дозу бутилового эфира, того самого эфира, которым поливают тайгу. Если верить справке, лось после даже участвовал в гоне.

Подобный эксперимент натолкнул на мысль, что ученые спокойно дадут подобные рекомендации ■ на применение химикатов на людях. Употребляя обработанные гербицидами продукты, мы все участвуем в своеобразном эксперименте, кто-то послабее упадет раньше, другой пробежит дольше. И правды не добьешься. Зачастую единственными источниками информации служат мнения тех же самых ученых или их собственные работы. И уж совсем беспардонным звучат утверждения заведующего лабораторией Мальцева, который считает, что главное возражение у людей вызывают неприятные запахи от химикатов, а не пустые, лишенные жизни леса. Хочется спросить, за кого же он принимает живущих ■ лесу людей? Уж не за лосей ли? Его совершенно не волнует, что будет с землей, лесом лет так, скажем, через двадцать, он еще только собирается изучать эти процессы. А добро на применение химии дают, потому что лично им ■ ведомствам, в которых они служат, это приносит вполне конкретные выгоды. О том, что это опасно, что это бумеранг, — об этом молчат. Хочется спросить: чем лучше мгновенная смерть в ядерной войне медленной экологической катастрофы? А ее признаки налицо: высокая детская смертность в Кара-Калпакии, массовые пищевые отравления продуктами, обработанными химикатами. Даже на следующий год после обработки полей трава непригодна для употребления в пищу коровам. Молоко не скисает, а превращается в болтушку — такое сырье ■ пригодно для переработки, его уничтожают.

Надо сказать, не только ученые ■ ведомства заинтересованы в продолжении химработ. Самое печальное, что заинтересованы ■ этом и люди, выполняющие заказы ведомств. Как только наметилась тенденция в сокращении заявок на сельхозавиацию со стороны колхозов и совхозов, как послышалось недовольство со стороны некоторых летчиков. «Вот зарастут поля сорняками, тогда посмотрим, как эти зеленые запоют». Нет, они беспокоились не о полях, скорее, о собственных заработках.

Что ж, и на это сделан расчет. Химия ■ преданный ей самолет приучили хозяйственников не думать о прополке, заставили забыть о вековом опыте предшествующих поколений заботиться о земле, держать ее в чистоте ■ опрятности или, говоря современным языком, применять агротехнические методы ухода за пашней. Химуход перенесли на лес, водоемы, на всю землю. Начали грести одной гребенкой. И не понимают одного — беда уже не витает где-то в облаках, не стучится ■ двери, она уже у нас в доме. Публикации газет подтверждают рост аллергиче-

ских и раковых заболеваний у детей и взрослых. Мы еще не знаем, в виде каких последствий накопление химии в почве, пище, живых организмах проявится в следующем поколении, процессы эти могут оказаться необратимыми.

Те, кто разрешил применение пестицидов и написал инструкцию по их применению, наверное, считают, что изобрели панацею: без лишних затрат и усилий избавили соотечественников от голода [redacted] болезней. Только вот парадокс: примолкшие было вредители быстренько вырабатывают иммунитет против этой заразы и размножаются в массовом количестве, а больной, потравленный химикатами лес становится для них настоящей фермой.

Не прямым ли результатом бездумного применения пестицидов явилась гигантская вспышка распространения лугового мотылька, произошедшая несколько лет назад в Иркутской области.

Но этого старались [redacted] стараются не замечать. Залили поля ядохимикатами, отравили водоемы — сладили с бедой. И не ведали, что, возможно, только открывали ей дверь. Самолет как бы сделал людей длиннорукими [redacted] породил у хозяйственников иллюзии, что все сельскохозяйственные, да и прочие земельные проблемы можно решить быстро [redacted] легко. И в абсурд этот поверили с готовностью.

Но недаром говорят: все, сделанное нами, [redacted] конце концов к нам же и вернется. И уже возвращается. Несмотря на интенсивное внесение с воздуха химикатов, зерна мы не получаем больше. Как тут не вспомнить слова академика Д. Н. Прянишникова, который говорил, что недостаток агрономических знаний нельзя компенсировать избытком химикатов. Кстати, специалисты, которые знают, с чем имеют дело, возражали [redacted] возражают против необдуманного массового применения пестицидов. Об этом неоднократно говорил Терентий Мальцев. Он, [redacted] частности, напомнил, старые люди могут сравнить мир, который окружал их в детстве, и тот, который мы видим сейчас. Сравнение явно не в пользу последнего. И одними призывами ничего не поправишь. Нужны конкретные действия. Нужна щадящая технология, в конце концов самоограничение. Чем больше наши потребности, тем больший ущерб мы наносим природе. А ее возможности к самовосстановлению уже исчерпаны.

Действуя на все живое, от почвы до человека, химикаты не разбирают — убивают [redacted] полезное, [redacted] вредное, накапливаются в организмах и через цепи питания во всевозрастающих масштабах разносятся по всей биосфере.

Сибирская тайга — тайга особая. Как амазонская сельва — это легкие Северного полушария. И применять химикаты здесь — преступление. И ни инструкция, ни план, спущенный сверху, не оправдывают его.

Нет [redacted] тайге хозяина. Тысячи кубометров заготовленного леса гниют на делянах, миллионы покоятся на дне сибирских рек — и ни лесхозам, ни леспромхозам нет до этого никакого дела. Отводят все новые и новые деляны, валят лес, превращая сибирскую тайгу [redacted] лунный пейзаж. Так [redacted] хочется воскликнуть: Господи! Когда это все кончится? Когда у леса появятся настоящие, радеющие за его здоровье и судьбу хозяева?

В планах, которые даются [redacted] химикам, [redacted] лесникам, и авиаторам, звери, птицы да [redacted] прочая всякая летающая и ползающая мелочь не учитываются. Но лес, тайга живет не по придуманным на потребу дня планам, [redacted] по вечным законам, в ней все взаимосвязано — выбил одно звено, следом вылетает другое.

Как остановить эту машину? Вывод напрашивается один. Нужно другое мышление. Но где взять его — люди те же, методы тоже. Может быть, подождем, когда народится новое поколение? Нет, тогда будет уже поздно. Не будет тайги, не будет свежего воздуха — северным легким нашей планеты придет конец.

Так может быть, пришла пора сказать: то, что делается с тайгой, — преступление, и применить к виновным закон. Назвать все своими словами и всех своими именами. Об истинной опасности, которую несут в себе пестициды, говорит и сообщение корреспондента из Мехико.

Газета «Труд», 1989 г., В. Кучеров (Мехико)

ПЕСТИЦИДЫ, НЕСУЩИЕ СМЕРТЬ

В три раза за последние 10 лет увеличилось в Сальвадоре число раковых заболеваний печени, желудка, кожи, поджелудочной железы. Причина этого, по данным сальвадорского экологического общества, кроется в неумеренном использовании пестицидов при обработке почв. Как заявил один из специалистов общества Хосе Кастельянос, многие [redacted] применяемых в стране ядохимикатов являются производными от ДДТ [redacted] обладают высокими канцерогенными свойствами. Он отметил, что в Европе и США использование ДДТ запрещено.

Наиболее подвержены раковым заболеваниям [redacted] Сальвадоре крестьяне, находящиеся в прямом контакте с ядохимикатами. Присутствие ДДТ обнаружено в молочных [redacted] мясных продуктах, а также в воде, используемой для питья населением сельских районов. Непосредственно от отравления пестицидами [redacted] стране умирает ежегодно 50 детей.

Применение ядохимикатов, по мнению сальвадорских специалистов, не принесло ничего, кроме вреда. Оно не обеспечивает эффективной защиты растений [redacted] не дало желаемого прироста сельскохозяйственной продукции. Единственные, кто заинтересован [redacted] использовании пестицидов, — это производящие их крупные транснациональные корпорации. Для них, как отмечают сальвадорские защитники окружающей среды, имеют значение только прибыли, даже если они даются ценой человеческих жизней.

Валерий НЕФЕДЬЕВ

ВЕЩЕЕ ДЕТСТВО

Когда я подрос и начал входить в сознание, приглядываться и прислушиваться ко всему, что меня окружало, наследие нашей сельской культуры, воплощенное в дереве, глине, холсте и железе, уже выносилось на сорище, забрасывалось на чердаки, пылилось в амбарах, где хлеб занимал из шести сусеков один, два — не больше. Кое-что, пересыпанное махоркой и самосадом, покоилось в кованых сундуках с приданым наших матерей и бабок. Мало кого интересовало и песенное слово, устное предание, обряд или поверие стариков. Помнится, когда дед Тимофей Леонтьевич Агапов, родной брат моей покойной бабки, пускался в воспоминания о своей родословной, о переселении народов в Сибирь, меня силком оттаскивали от него, особенно если речь заходила о братоубийственной гражданской, раскулачивании и тому подобном. Приметы дедушки Спиридона разбивал в пух и прах приезжий агроном. Тогда, наверное, и победило окончательно выражение «бабушкины сказки», наотмашь пресекавшее корни народной памяти, а вместе с нею и здоровые ростки детского поэтического воображения.

Должно быть, учитывая нашу потребность в необычном, сказочном, невероятными вступлениями начинались школьные уроки, упиравшие в основном на материальное благополучие нас в будущем, где все как есть будут делать машины и электричество, а пряники и игрушки раздаваться даром: в кого сколько влезет, кто сколько унесет. Это нас сильно «сомущало», потому что в том «прекрасном будущем», а не в этом нынешнем, сером и трудном, населенном малограмотными, темными людьми, предстояло нам жить. Легкой маячила впереди наша жизнь.

Мы вняли. Через пятьдесят лет после Есенина, которого узнаем с большим опозданием, уже не в переносном, в самом прямом смысле и гораздо чаще и яростней мы плевали на лики святых, висевшие в переднем углу горницы над патефонным столиком. А слово «нельзя» и в других случаях пропускали мимо ушей, подозревая в нем устаревшее понятие греха. Бояться к тому же было некого — отцы и старшие братья не вернулись с войны.

По той же причине нас трудно было загнать в дом, заставить делать что-нибудь по хозяйству: речка, паперть магазина, завалившееся овощехранилище, приклубная пустошь были самыми главными центрами наших сборищ. Ребятня, кто жил с отцами, редко и ненадолго приставали к нам. Бывало, конечно, играли где-нибудь на лужайке в лапту, выжигало, изредка в городки. Прятки вытеснила игра в войну. Это была какая-то напасть, взрослым должно было казаться, что война не кончилась, а продолжается, захлестнув глубокий тыл: овраги, рощи, сеновалы, бани, колхозные строения. Сколько времени было потрачено попусту. И напротив, необъяснимо

светло и чисто делается на душе, как вспомнишь, что самым краешком жизни, урывками все-таки прикоснулся к таким древним и самобытным играм, как ручеек и каравай, ходил «машкарованным», качался на качелях. Но сегодня меня тянет рассказать о другом.

1

Кроме патефона с речью Сталина и песней «Ты плыви, наша лодка, плыви», почетное место [redacted] избе, недалеко от божницы, обычно средний простенок той же горницы, занимала вороная тарелка репродуктора. Вдоль улиц и тракта и у нас, в захолустье, вовсю зашагали телеграфные столбы, загудели, зашумели провода. В отличие от известной песни мелодия их казалась мне тогда каким-то жутким воем, исходящим не то из братских могил, не то из тюрем. Не оттого ли столбы привлекали нас своими многочисленными белыми чашечками, которые мы варварски расстреливали из рогаток. Репродуктор—наоборот, представлялся прямой связью с Кремлем, со всем самым-самым, от чего зависело все самое-самое, благодаря чему наступала весна, виднелись чудесные дали, существовали другие, не чета нашему, села, делались какие-то удивительные дела, которых мы не увидим никогда в нашей деревне. Где-то есть школы с одними отличниками, пионерские отряды с Тимуровскими командами — похоже, сказки на самом деле превращались в явь, только не у нас. Хотя...

На смену развалившейся полуторке, заросшей крапивой возле дома умершего в тюрьме первого председателя колхоза Николая Спиридоновича Шишкина, вернулся с войны ЗИС-5 под номером ИГ 50-03, и Василий Ряхин, ухарски надвинув набекрень кожаную кепку, сел за его руль. Для нас, ребятни, да и всей молодежи, он стал самым уважаемым человеком. Через деревню пошли на проход «студебеккеры» и бобики «виллисы». Иногда ломались, увязали в грязи, заправлялись у речки водой, где мы и брали их [redacted] окружение. Заграничная невидаль превращала наши глаза [redacted] фары. Зимой, выныривая из-под мостов, мы цеплялись за их кузова крюковатыми тальниковыми палками, изготовлению которых уделяли особое, едва ли не художественное внимание, и катились по тракту, кто на одном коньке, кто на двух, кто прямо на валенках.

Вскоре появилась и первая легковушка «Победа». Забыв про уроки и домашние обязанности, мы гонялись за нею целыми днями, словно ненормальные, вдыхая вонючие выхлопные газы, обалдело глазея на барское нутро кабинки, поглаживая никелированное покрытие радиатора, бампера, буфера, не подозревая никакой опасности в том, что на родную речь обрушился очередной шквал иностранных слов.

Отживали в колхозе свой век первые колесные трактора фордзоны и ХТЗ, на смену им приходили «натики» и ЧТЗ. Молотилки и сложки уже заменились комбайнами «коммунар» и «сталинец», обмолачивающими хлеб на ходу, прямо в поле, а не на току, куда наши средние братья отвозили его уже не [redacted] снопах, а в зерне, [redacted] больших развалистых ящиках-бестарках, поставленных на фургон и запряженных парой коней. Мы любили проехаться с ними поверх пшеницы, загребая ею друг друга, купаясь и плавая [redacted] ней, как [redacted] речке.

На первом колхозном бульдозере решением сверху Федор Калмыков, человек богатырского сложения [redacted] необыкновенной физической силы, спрямил нашу извилистую Иду, чтобы не подмывало мост и старейшую Агаповскую улицу. Тогда речка разливалась во всю ширину долины, от горы до горы и в два или три приема смыла огород, баню и дом моего друга Юрки Беляевского. Бульдозер рыл целый месяц, и все это время в нас, мелюзге, жило какое-то небывалое волнение, чувство совершающегося на наших глазах какого-то огромного, противоприродного, но как ни странно, желаемого: шут с ними, с нашей Картузовской купалкой и с нашими гольянами у конного двора.

2

Вдруг откуда ни возьмись появились [redacted] нашем краю вездеходы с зелеными

будками — передвижные сейсмические станции, попросту сейсмики, и давай взрывать холмы и долы, вздымая столбами землю. Завидев такую будку где-нибудь в лугах, мы сломя голову бежали к ней. Иногда нас подпускали близко, счастливчикам перепадало повернуть черненький рычажок взрывного устройства, спрятанного в аккуратненькой серой шкатулке, и не понарошку, взаправду прижаться к матери-земле. Зато всем хватало для забавы коричневато-желтых резиновых бурдюков, предназначенных для взрывчатки и похожих на бычьи мочевые пузыри, которые в старину надували и высушивали для малышей. Один раз у меня был такой пузырь с горохом внутри — — погремушка. Несмотря на муторный запах тех резиновых мешков и какой-то мучнистый налет, мы надували их, а рваные лавтаки, обсасывая и слюнявя, втягивали в рот, получая занудно скричигающие волдыри, которые, совсем как теперь это делают дети, лопали о стриженые лбы друг дружки.

Сразу после вездеходов с зелеными будками, начиненных до отказа чувствительными приборами, прошлись по нашей местности, поквартировали в деревне нефтеразведчики. Они познакомили нас и, надо сказать, весьма кстати, время было не сытое, с брикетиками разных каш, мясными консервами, а также с полосатыми линейками, которыми мерили воздух, а не землю, с огромными зонтиками, которые мы применяли вместо парашютов, прыгая с крыш, с треногой, непонятно для чего переворачивающей мир вверх ногами. Благодаря им мы впервые увидели мужские штаны на обыкновенных девках: до этого мы знали только одну женщину, ходившую во всем мужском, возчицу лигроина и тракторного масла по прозвищу баба-мужик.

За нефтеразведчиками незамедлительно прибыли буровики. Установили на берегу Иды, за нашим огородом, точнее за телятником, высоченную деревянную шарагу, сколотили под нею дощатую будку, и загромыхала машина. Полилась грязь прямо в нашу речку, как раз туда, где мы смастерили нырялку, чтобы по утрам, соскочив со знаком последнего петуха с сеновала и разогнавшись по росистому лугу, сверкнув пятками, враз освобождаться от сна. Пониже нырялки я только-только приноровился ловить корчажкой рыбу, пескарей и окунишек, доставляя матери обнадеживающую радость.

Работа у буровиков была тяжелой, в три смены. Народ в основном серьезный, степенный. Скоро прошел слух, что будто они добурились до нефти, и мы, как-то раз собирая на косогоре ягоды, оглядывая с высоты родные места, размечтались на чужой счет, надеясь увидеть лет через десять вместо деревни город. Но буровики снялись, оставив нам изрытый замасленный луг, изуродованный берег с торчащими из него железными трубами, кучами ржавых косозубых коронок, окаменевшего цемента и другого хлама. Играть в лапту и разбегаться на нем уже было нельзя. Хозяйки нашего околотка возмущались: убыло выпаса.

Дольше всех задержались в деревне и с тех пор не выводились, привнеся в ее пошатнувшийся, почти патриархальный быт свою «культуру» с зэковским уклоном, шефы из Ангарска, китойские, где были зоны. Это были первые и, должно быть, связанные с амнистией пятьдесят третьего года шефы. Они строили коровник, пели свои блатные песни, варили чифир, хлестали одеколон, чего наши мужики не понимали, ловили и ели голубей (этих птиц народ считал есть грешно), воровали у вдовых хозяек кур и гусей, отвинчивая им шею или укачивая, заткнув голову под крыло. С голубями обходились проще: зажмут меж пальцев, тряхнут, и вся недолга. Первое время они жили в колхозном амбаре, притягивающем нас открытыми настежь дверьми, откуда брызгала всеми ядовитыми красками матерная ругань, валил, как из бани, папиросный дым. С нами шефы обходились запросто: когда пнут, когда угостят табаком, конфеткой, подарят испорченную зажигалку, за что, видно, и ходили некоторые из нас перед ними «на цирлах», выполняя разные поручения: сбегать в магазин, принести из дому яиц, молока, нарвать луку, огурцов. Случалось, после очередного подобного поручения чья-нибудь мать, взмахивая

руками, словно подбитая птица крыльями. со слезами на глазах проклинала ночных налетчиков: огуречная гряда оказывалась обобранной и вытоптанной начисто.

3

Раз в неделю, в две к клубу, бывшему дому зажиточного крестьянина, подкатывала кинопередвижка: грузовик со всей необходимой для демонстрации фильма аппаратурой — явление типичное для того времени и уже описанное, но мне не обойти его. Для нас, ребятни, это был великий, но не всегда счастливо оканчивающийся праздник. Часто лишь предвкушение зрелища было главным его торжеством. Кто на что горазд «мылились» к киномеханику Кольке Клепикову, предлагая свои услуги: разгрузить и перетаскать в клуб тяжелые банки с лентами, ящики со звуком, найти проволоки, тряпок для обтирки и разогрева движка, приглашали к себе ночевать, лишь бы пропустил посмотреть картину. Денег лишних нам на кино у матерей не было, и сами они, кроме как на собрания, в клуб не ходили. Многие из нас оставались за стенами ночного клубного таинства. Смотрели в окна, прилепляясь к наличникам, вроде летучих мышей-нетопырей. Иногда с той стороны в самом интересном месте вдруг кто-нибудь из взрослых, может быть, по просьбе заведующей клубом Валентины Ряхиной задергивал занавеску, что равнялось для нас концу света. Пробравшиеся правдой и неправдой в клуб под прикрытием долгополых шуб и пастушеских плащей мужиков и парней, ныряли сразу под лавки, проползали между ног сидящих к экрану и растягивались перед ним на полу. Если показывали не про войну — засыпали. Если про любовь — начинали дуреть, перекидывать из конца в конец чью-нибудь шапку, пока она не взмывала черным коршуном в лучах проектора. Тут кино останавливалось, и нас одного за другим с подачи ногой выкидывали за дверь.

Герои кинокартин становились нашими героями. Подражали даже таким, как батька Махно. Некоторые пробовали войти в роль фюрера.

Играя в войну, та и другая сторона старалась взять пленных, чтобы пыткой добиться выдачи «военной тайны», дело доходило до слез. Я был Чапаевым, Котовским, Пархоменко, позднее бродягой из индийского кино, Тарзаном. Тогда вошла в моду стрижка «под Котовского», а «тарзанщина» переломала половину ивовой рощи, самой близкой к деревне.

Мои соседи, Лешка Митрофанов и его сестра Катя, вели список всех просмотренных в нашем клубе фильмов. Лешка с помощью керосиновой лампы, лупы и обрезков пленки «казал» дома младшим сестренкам и своим друзьям собственные картины, проецируя изображение на рукотерник.

Кинокартины, шефы, буровики, геологи, «студебеккеры» и «Победы» катастрофически быстро раздвигали наш кругозор и совместно с радио распаляли дикий интерес ко всему новому: к новым людям, другим краям, к городу, несельским профессиям. Манили необычным, вещественным, о чем мог мечтать парнишка, тем, что можно «заслабо» купить где-то там за деньги (деньги, естественно, заработать пораньше, поскорее), чего не выменяешь в сельпо ни на какие ворованные яйца, пусть даже не из-под наседки-паруньи, не хватит на воображаемое богатство, вроде китайского фонарика, зажигалки или складного ножичка с множеством предметов, никакой меди, никаких тряпок, сдаваемых фиксатому сборщику сырья из заготконторы в коричневой кожанке. Много мы, не спросясь, перетаскали в его ходок добра, может и наследного, ради какого-нибудь жестяного наганчика или дудки, из которой ни фига не выдудишь, кроме надоедливого сопатого вопля. Кстати, такими бездушными дудками и теперь обманывают детей, отталкивая их от чистых и светлых тонов народной музыки.

4

А деревня стояла. Стояли дома, рубленные нашими отцами и дедами, перевезенные с Каменских заимок и бурятских улусов. Топились русские печи, начавшие перекладываться по-новому, поэкономичней и с плитой, передвигаться

поближе к середине избы для лучшего обогрева. Разбирались полати, гобцы и ленивки, просторная куть превращалась в закуток, внутренность избы перегораживалась еще одной заборкой, выделяя прихожую или спальню, будто ставшие малолюдными семьи пугались их большого цельного пространства.

Все меньше становилось стариков и старух. Перестал возить на поля к тракторам глухой дед Ряхин, широкий, приземковатый и сутулый, он вместе со своим Пегашкой, медленно тянувшим водовозку косогором Комарика, остался в моей памяти, как образ времени — крохотная точка на тонкой и долгой черте дороги, прочерченной к горизонту.

Доплетал под навесом на низенькой чурке свои последние корзины и корчажки из таловых прутьев мой двоюродный дед Тимофей, у которого я успел перенять немного из его рукомесла.

Рыбак из меня рос неважный, вечно что-нибудь мешало клеву: то крючок большой, то леска толстая, то удилище короткое, но скорее короткое терпение и излишняя мечтательность на реке, простое ротозейство. Налавливал я всегда меньше других и часто вовсе не хотел ходить. Однажды мать заметила мои неудачи и натолкнула: вот-де Агаповские корчажками рыбу ловят, девать некуда, ты бы сходил к деду, может, и тебе сплел бы, дед ведь никак, родня. Я пошел. Вправду, сидит дед Тимофей в тенечке, плетет. Вокруг прутья, перед ним остов из толстых веток, с палец примерно, высокий, чуть ли не с меня, изнутри железным обручем от квашонки расперт до нужной пузатости, вверху ветки в пучок стянуты, а на концах листья, оставшиеся султаном. И сам как султан турецкий, ноги калачом, бороденка редкая с проседью, зипун какой-то стародавний на нем, глаза слезятся, веки воспалены, губа нижняя от старания отвисла. Шапка зимняя машет ушами, когда он новый прут берет и втыкает в промежутки остова, наклоняя голову и поворачивая изделие с каждой новой закладкой. Долго я не решался обратиться к деду с просьбой, а как на шапку обратил внимание, так и отважился. Дед хмыкнул, хотел было по привычке прогудеть излюбленное ругательство, но смилостивился и велел запоминать. Вскоре он доплел корчажку, обрезал султан так, что осталось горло и два длинных и гибких прута от остова. Помял, покрутил их и обвязал ими это горло по окружности плотно, ровно, просто чудесно. Потом вставил через щели крест-накрест два обрезка остриями наружу — это для того, чтобы тряпка не слетала, когда завязывать. После чего перевернул (обруч железный он раньше выбросил) изделие кверху воронкой, объяснил, как делается заход и что надо для того, чтобы рыба не сбегала обратно в реку.

Я знал, где Тимофей Леонтьевич берет прутья, и вскоре сделал свою собственную, хоть и неуклюжую снасть.

Вперед моего единственного из родни деда не стало на свете другого умельца, Николая Николаевича Нефедьева, нашего однофамильца. Белый, как лунь, дед Николай готовил у себя на дому, в ограде и под сараем, заставленном тонкомером, к покосам и жатве ловкие, красивые и легкие, как игрушки, деревянные вилы и грабли. У него было, кажется, трое сыновей, и все вышли в кузнецы, все называли друг друга братьками. С одним из них, Александром Николаевичем, мне пришлось работать в колхозной кузнице после школы, когда он уже отсидел в лагере десять лет за то, что, выпивши, имел привычку ругать колхоз, в который он отказался в свое время вступить. «В гробу видал я ваш колхоз», — говорил он до тех пор, пока один из сельчан, готовившийся вступить в партию, не написал об этом куда следует. День в день отсидел кузнец присужденные ему десять лет, в то время как этот же партиец немного спустя — всего пять, год за два, — он позарился на колхозный хлеб.

Ушел из жизни и дедушка Спиридон, наш доморощенный философ и мельник, сопровождавший свои рассуждения о мире, земле и хлебе вдалбливанием посоха в землю. Завидовал я его многочисленным внучатам, «спиридоновским ребятишкам», что у них есть такой сказочно прекрасный дед.

Умер старик Карташев, о нем мы очень жалели. Однажды, возвращаясь из школы, мы забежали к нему, как всегда

весной, купить за пятак чудесную деревянную стрелку для запуска ввысь: легкую, прямую и гладкую с тоненькой просвечивающей лапоточкой вместо оперения и зарубкой посредине — цеплять узелком шнурка, привязанного к концу гибкого прутика. Не встретил нас дед. Вышла сама Карташиха по прозвищу Тигра, костлявая, с выступающей вперед челюстью и раздала нам на память последние его изделия. Мы растерялись, а Карташиха не походила больше ни на какого тигра.

Были среди дедушкиных стрелок незаконченные, но была одна устремляющаяся в небо так высоко, что надолго скрывалась из вида, словно хотела остаться в той голубой бездне насовсем.

5

Старики перемерли ■ какое-то малое время, один за другим, старух хоронили реже, да их и было немного: прибрались, должно быть, еще в войну, чтобы не быть лишними ртами, но скорее всего надорвались от домашней работы, когда дочери и невестки с темна до темна робили общую работу. Почти все мои друзья росли без бабушек и дедушек. Матери наши выглядели старухами...

Так случилось, что как раз на девятое мая 1945 года, ■ пасху, даже не узнав об окончании войны, сгорело от метилового спирта, завезенного к нам каким-то городским родственником, сразу шестеро еще крепких хозяйственных мужиков в возрасте, едва перевалившем за пятьдесят. Сейчас думаешь, лучше бы их взяли на фронт, хотя в их смерти не находишь позора, осознав наконец, что за долгодействующий смертоносный яд столько лет распространялся в народе и подготовил почву не одному такому страшному исходу.

Мне не было и трех, но, кажется, помню: сверкающие белизной облака с прогалинами синего-пресинего неба. Время от времени их заслоняет кружащий над деревней аэроплан. Какие-то летящие метляками бумажки -- листовки об окончании войны, — они садятся на черную, унавоженную коровами землю, на только что пробившуюся зеленую траву. Крапива, из которой мы изредка варили хлебово, под тыном уже большая. Воют, ревут на деревне бабы. Я брошен, забыт всеми, ребятня постарше и порезвей запузырила догонять аэроплан, и где-то на задах слышатся их голоса: «Ироплан, ироплан, посади меня ■ карман...», но бабий вой заглушает и их и «ироплан», и мне чудится из-за него: они плачут, тоже начинаю реветь и искать, куда бы от него спрятаться. Забегаю ■ ограду и вижу много народа, окружившего какой-то новенький длинный ящик, похожий на корыто. Меня толкают, подхватывают и ставят возле него, что-то говорят об отце, который спит, не обращая внимания ни на меня, ни на толпу. А в следующий после пасхи вторник я уже гостил у отца на свежей могилке и, ничего не смысля, просил у матери крашеное яичко из тех, что лежали под большим желтым крестом.

Мы помним вас, наши отцы: землепашцы Алексей Агапов и Тимофей Силантьев, пчеловод Ларион Нецветаев, кузнец Ефим Нефедьев, счетовод Серебряков, бухгалтер Мигалкин.

6

Поубавилось хозяев, и без того перебитых на войне. И как-то быстро успели зазеленеть и обомшаниться тесовые крыши, сползти, колюче щетинясь, с сараев и стаек дранье, подгнить и склониться столбы, упуская из пазов заплотные плахи, теряя в снегу и крапиве прясельные жерди, чурбачки из-под которых мы выдергивали для городошной игры. Тут и докатилось до села, налипло на языки, полонило молодые головы и приманчивое слово Ангарск. Побежали наши средние братья и сестры на этот звук, коварством и хитростью огибая колхозный заслон вместе с его «булдахтерией». Тогда, наверное, и появились на гранитных камнях холмистого выступа, что у первого поворота реки, белесые буквенные знаки, высеченные самым что ни на есть первобытным способом. Прощались или предчувствовали прощание с родным гнездом тогдашние парни: ННЕ, ШВГ, МБА, ХНА, ЛНП, НВИ... Через несколько лет и я выберу себе камень поровней,

чтобы выбить на нем свои прощальные знаки.

По одному, по двое осталось нас в отчем доме. И если до этого еще висели, лежали на своих заведенных местах, брались в пользование отцовские вещи и инструменты, то теперь они прятались от несовершеннолетних подальше, подымались на повети, уносились в завозни, отдавались в колхоз за пудовку муки, выманивались у вдов за бесценок заезжими мастерами. Было и такое, что, недоступное женскому складу ума, просто выбрасывалось на сорище.

Реже стали бывать в деревне Сенюшка Подшивало и Алеша Чеботарь. Сенюшка запомнился мне как совершенно глухой, неразговорчивый, высокий и седой с мягкими волосами человек, с вечными валенками под мышкой — он всегда брал работу с собой. В серой солдатской шинели без погон Сенюшка тенью проскальзывал мимо окошек, неся мне избавление от босой зимней неволи. За свои труды он получал натурой, огородным соленым овощем, мерзлым молоком, которое опускал в глубокий карман шинели. Алеша был низенький, тоже седой, но стриженный ежиком шубутной дядька. Иногда он приходил со своей непостоянной спутницей Маней, любившей, как и он, немного поддать. Этот располагался на месте порухи, у окна прихожей, повернув набок табуретку и постелив на нее стеженку. На лавке перед ним рядком ложились суровые нитки из пожарного рукава или шкивного ремня молотилки, проваренная дратва, шилья, коротенький ножичек, красивая баночка из-под конфет с деревянными и медными гвоздыльками, которых при работе он набирал полный рот и по одному быстро и точно всаживал молотком в отставшее место обутка. Я мог подолгу смотреть, как Алеша сучит, задрав штанину, на голой коленке дратву, потом проваривает ее с помощью куска кожи, содержащей в складке пахучее, смолистое вещество, прицепив ее одним концом к гвоздю в косяке окна. Меня удивляло, как это он мог совсем развалившиеся сапоги или ботинки собрать как было, сделать почти новыми. Однако Сенюшке я радовался больше — без него зимой обойтись было никак нельзя.

Женское рукоделье тоже заглохло в нашей деревне, оно сводилось опять же к заплатам и шитью сгоравших на наших руках, как на огне, ватных и шубенных рукавиц. Вязать матерям было некогда, да и не из чего: шерсть заодно со всем крестьянским прибытком сдавалась казне за паевые. Лен не сеялся, конопля дичала, вырождаясь по межам, и кросна, сами станины их, заставленные оконными рамами, заваленные досками, без дела тулились на подамбарках. Мялки, испачканные коровами, гнили по углам прохудившихся сараев. Смутно помнится, будто бы один раз свезли все же бабы свои станочки на лужок за нашим огородом, куда были доставлены и снопы, а может, до этого еще их расстелили там для просушки в виде дорожек, по которым нам хотелось побегать. Мялки стояли вдоль тына и у соседнего Колышихиного амбара. Раздавались хлопки, звонкие голоса женщин, летела и валилась под ноги костра, взмахивали руки мяльщик с пучками косматой травы. Наверное, то была колхозная работа, потому что потом было витье веревок.

Возле конного двора и магазина, далеко друг от друга расставили мужики вьюшки — деревянные рамы с чугунными шестернями и тремя вращающимися железными крюками. Мы гурьбой и поодиночке пробовали крутить длинную ручку, а Прокопий Иванович Черниговский — раньше этим занимался дед Тимофей — ходил вдоль спусков, поправлял их и вел дощечку с ямочками — разлуку, чтобы не скручивалось где не надо и раньше времени. Участвовал в этом своеобычном деле, мужском и каком-то старозаветном, позарез важном, колхозный конюх Николай Пашков, белый и полный парень по прозвищу Булка. «Печенка болит», — часто повторял с бурятским акцентом, и все смеялись над ним, пока он не умер внезапно на одном из амбаров конного двора, где разбирал запасную упряжь.

7

Кросна мать ставила на моей памяти один раз. Тогда-то, наконец, я и узнал назначение многих таинственных, удивительно мило сработанных деревяшек, от-

крытых мной на сенях и за череповым бревном карниза.

Наловчившись брать уличные высоты, заплоты и прясла, дуплистые столбы и сараи при солнышке, я должен был однажды не побояться черной дыры в сенном потолке и оказаться в сумрачном подкровельном пространстве, переплетенном бревенчатыми связями и паутиной. Оказаться и ахнуть! — весь потолок, начиная от лаза и кончая самыми дальними и темными углами, был завален отжившими или отживающими свое предметами. Не надо было никакого механизма времени, чтобы перенестись в самое настоящее прошлое.

Здесь многое напоминало о моих братьях, сестре и отце. Оно как бы восстанавливало их в моей неокрепшей памяти, приближало в возрасте, давало ход воображению в глубину, а мечте назад. Дело в том, что самый старший, Семен, отслужив войну по состоянию здоровья на авиационном заводе, завербовался на север; сестра Анна, бывшая в те годы трактористкой на «колесухе», вышла замуж, чтобы уехать из колхоза, — этим путем шли многие деревенские девушки, а Николай учился в ФЗО Ангарска и навещал нас редко. Мне шел тогда седьмой год, знал я о них мало, порой забывал, что они у меня есть. Я жалел, что между мной и средним такая большая разница лет — одиннадцать, а ведь был между нами четвертый брат Петя — он умер от кори.

На сенях моему мальчишескому взгляду в первую очередь попалась на вид большая седулька от старинного велосипеда, похожая на ссохшуюся голову дикого козла, висевшую в избе над входной дверью, — охотничий трофей отца. Вспомнив рассказы матери, я сразу догадался, что это именно тот, первый во всей деревне велосипед, купленный отцом еще до войны за мешок хлеба, на котором он так и не научился ездить. Я примерял облезлую мерлушковую папаху, виденную на его фотографии, где он снят с двумя товарищами в военных картузах. Примерял и верил, что похожу в ней на отца. Гадал, что за зверь пушистая женская муфта, впервые держал в руках фасонные туфельки на высоких и тоненьких каблуках — сказочные черевички. Распрямлял и обувал огромные ичиги с соломенными стельками, вдыхая их дегтярный, отцовский, как был уверен, дух.

Этот хомутный запах дегтя и теперь живет в моей памяти. Наверное, живет он и в памяти всего нашего, быть может, последнего поколения, наравне с осоковым поветей и тем особым, неповторимым сладким веянием заветного материнского сундука, как дух отчего дома, дух наших предков древлян и полян, о котором Пушкин сказал: «Здесь Русью пахнет». Удивительно сотворен человек! Не так давно одна посетительница архитектурного музея в Тальцах, приехавшая откуда-то с запада, вероятно, из большого города, пленившего ее, увидела в усадьбе Непомилуева лагушок из-под дегтя, бросилась обнимать его, отколупывать ногтями окаменевшие потеки, нюхать и пробовать на зуб, умоляя сотрудницу музея, мою жену, дать ей хотя бы стакан этого волшебного вещества, вместившего в себя сгусток памяти о самом родном: детстве, отечестве, родине. Жестокосердные скажут, как они давно твердят: «квасной патриотизм», я думаю, чувство изначального, человеческое чувство нельзя отсекать от гражданского, чем бы ни было вызвано, каким бы малым образом ни закрепилось в душе: березкой ли, колодезным журавлем, стогом сена или русским сарафаном — все вырастает из малого и возвращается с горных вершин к малому.

8

Притихнув на чердаке сеней, я потрошил какой-то мешок, набитый учебниками для старших классов, исписанными между строк бледно-коричневыми чернилами — из печной сажи. Попадались там костяные бабки, в них мы уже не умели играть, шерстяной катаный мячик с камешком внутри, для лапты. Николаева свинчатка — опасная игрушка, заимствованная им в новых местах, которую я тут же отложил до «лучших времен», граммофонная труба, треснувший повдоль лоток — кататься зимой с гор. Мы катались на деревянных, но в большинстве

своем уже на железных санках сварной работы; у Вовки Грицких, председательского сына, появились первые алюминиевые, поражающие своей легкостью. Были там берестяные туески, ситные обечки, ручная мельница, табачная крошельная машинка, веретешки и прялки, скупо украшенные резьбой. Последние я видел [redacted] работе перед тканьем половиков, когда в долгие зимние вечера мы с матерью забирались на печь и коротали время — она за прядевом или починкой, я за книжкой или рисунком. Мама любила слушать сказки. Что делалось у нее [redacted] душе, в какие дальние дали уносилась она в это время своей изустной памятью? — ведь она не умела ни читать, ни писать.

Ручная мельница выглядела новой, хотя и сделана была по подобию древних. Я вспомнил: один раз соседские ребятишки меня взяли собирать колоски по нарочно выжженной стерне, пахнущей печеными сочнями, [redacted] когда вернулся, братья возились на широком крыльце с двумя плоскими чурками, похожими на колеса, они забивали в них треугольные зубья от пилы конной сенокосилки по кругу в виде лучей. Потом приделали ручку и под задорные возгласы запустили мельницу, подсыпая горелое зерно [redacted] срединное отверстие верхнего жернова. До этого отай собранные братьями колоски, отмятые и отвеянные, мать толкла [redacted] деревянной ступе, стоящей за крыльцом.

Рубчатым вальком мама выкатывала после стирки грубые ткани и верхнее платье, разную одежду, хотя у нее был паровой утюг. Приглушенное рыканье и стуки валька доносятся до меня и по сей день, как и повжикивание веретена, хлопки и клюканье кросен. Мир бытовавших [redacted] ту пору звуков еще не далеко отступил от природных, что-то и сейчас должно сохраниться. Это были живые, узнаваемые голоса, словно вещи, орудия труда, строения были одушевленными. По-своему скрипели ворота и калитки огорожи, телеги и сани, упряжь лошади, по-своему разговаривали мельничные жернова и колеса, нашептывали решеты и ситы, стучала ступа, секла [redacted] корыте капустный лист и крапиву сечка, узнаваемо бренчали коровьи ботала, позвякивали молотки косарей, ухала кувалда молотобойца, кузнецы умели отбивать мелодии на наковальнях. И все не оскорбляло слух и нервы, человек мог слышать и понимать родину. Громче всех у нас звучал пастушеский рожок Афанасия Тугарина в холодные ясные утра, да ор какой-нибудь бабы, в сумерках загоняющей мелюзгу [redacted] дом.

9

На тех же сенях я нашел зыбку, вынянчившую нас всех. Рамочка ее деревянный венец, украшали наугольные маковки с кольцевой нарезкой. От углов шли четыре ремня, сведенные на крюке. Подопревшая холстина посередке расползлась, говорили: это я, уже большеньким, составил компанию племяшу Саньке и провалился вместе с ним на пол. Рядом с зыбкой лежала толстая пружина, приспособленная отцом вместо очипа; специально привезенная им из МТС для своего меньшого, — старшие качались на гибкой жердине, вдетой в кольцо под потолком, к концу которой и подвешивалась люлька.

Много чего было на сенях, однако больше всего мне понравились две вещи: самопрялка, ни разу не виданная мной в деле, и скальня. В них, кроме любовного старания мастера и теплого гладкого дерева, я обнаружил легкое движение. Движение это вроде бы никуда не вело, но я всматривался [redacted] него, вслушивался, то приближаясь к какой-то маленькой точке, почти стоящей на месте, то удаляясь на огромное расстояние, развивая головокружительную скорость, и — летел. Мне нравилось, что я мог легко управлять этим движением, запускать и останавливать колеса, взлетать и приземляться.

Потом оказалось, что с помощью скальни мы с мамой будем перематывать с клубков на берестяные цевки цветастую дранку, вставлять ее в челнок и ткать половики. Тогда же вышло, что и частая, собранная из тонюсеньких планочек, решетка, похожая на радиатор моторчика от кинопередвижки, вовсе не для того, чтобы на ней стрекотать, цепляя ногтями, а тоже вставляется [redacted] ткацкий

станок, и зовется она бердом. Для кросен же сделаны найденные мной две лапки с веревочками — подножки, навой в виде толстой оси с тремя колесами из какого-то крепкого дерева, набелки, нитченки и два точеных кругляшка, бегающих в полости березовых щечек — шкивы.

Перед одной вещью я оторопел, несколько секунд не мог к ней притронуться... Из-за черепового бревна карниза на меня ощетиненно целилось какое-то круглое, безглазое, безротое и безносое существо. Казалось, оно вот-вот прыгнет прямо в лицо. «Бука, — решил я, — вот она какая Бука, которой меня часто пугали когда-то! Она на самом деле существует, живет на белом свете!» Это была воронкообразная щетка для чесания льна и конопли — щеть.

Когда мама готовилась ткать, я узнал еще, что такое мотовило, сновальня, тюрик-девятерик, чисменки, пасмо и другие вещи, вещающие о том же, о чем написал в своем «Ладе» Василий Белов. Целый языковой пласт, чернозем хозяйственной поэтики вдруг открылся передо мной. И пусть многие слова слышались впервые, означенные ими предметы были налицо, они еще жили, могли служить и точь-в-точь походили на самое слово: берр-до, нить-чен-ки, на-вой, челн-ок, цевки — цевье, вить, свить, цвить.

Надо сказать, вещи в наше время из-за их мелочной многочисленности, вернее, неисчислимости, часто ненужности и плохого качества, рассчитанного на один день, совершенно обесценились в трудовом и нравственном значении, даже в игровом, не говоря о их языковой бесплодности, бездарности. А ведь вещи потому и вещи, что вырабатывались вечностью, выносились из вечности и вечно помогали людям прожить век, завещанный предками согласно природе и миру.

Древняя мудрость гласит: «когда в государстве много лишних вещей, народ беднеет». Не все, оказывается, может служить во благо человека — делаться может и на благо, а служит во вред.

10

Спустился я с сеней почти археологом, завороженным тайной прошлого, а благодаря материнскому запрету брать что-либо из ткацкого оборудования в игры, интерес этот превратился в настоящий зуд. По-другому я начал смотреть и на остальные постройки нашего двора: баню, хлев, отцову кузницу, амбар. Заглядывался в колодец, куда мать опускала иногда летом на веревке что-нибудь скоропортящееся — погреб у нас получился с южной стороны и холод не держал.

Хлев и баня никогда не замыкались, лишь запирались на деревянный колышек. В хлеву, кроме навоза, куриного помета и гнезд с подкладышами, устроенных мамой из старых ящиков и корзинок, ничего особенного не было: коровы и свиньи летом жили под навесом. Но в такое уж время я родился и начал познавать мир, что даже хлев однажды произвел на меня неизгладимое впечатление. Перед этим я заметил какие-то таинственные приготовления к чему-то очень серьезному, и, может, даже опасному. Я чуял: над домом вьется тревожный дух. К нам зачастил сосед Гаврила Назарович Шишкин. Всегда громогласный, стал говорить тихо, с оглядкой. О чем-то шепталась с моей матерью его мать — бабушка Валентина. И вот в сумерки в пригоне появились люди, что-то втащили в хлев, пошарились там, постучали, и все смолкло. Стемнело. Я долго не мог заснуть: огромный желтый лев с человеческим лицом и большими человеческими усами подозрительно косился на меня с большого лучиночного ковра, висевшего над моей деревянной, прежде отцовской, кроватью. Может быть, в этот раз я впервые через подушку услышал биение своего сердца, оно походило на то, как точат о точильный камень нож, каждый раз поворачивая его другой стороной. Наутро ни свет ни заря я выбежал во двор, перемахнул через прясло, подскочил к хлеву — замок. Однако в тот же день подкараулил, и мне удалось заглянуть в него.

Посредине, упираясь в низкую матицу, стоял на дыбах матерый, неуклюжий зверь об одной ноге с перекошенными плечами и стегнами. В широченной клыкастой пасти, опутанной железной цепью, он крепко сжимал остатки какого-то жи-

вотного, по масти сходного с нашей коровой Майкой. В углу, на прелой подстилке, стояла приземистая широкая квашня, обтянутая обручами, — чан, наполненный вонючей жижой. В нем плавала еще одна облысевшая кожа с редкими кисточками по краям. Зверь весь был из дерева, но в полутьме хлева казался живым, страшным. Я подумал, что в пасти у него наша Майка, и хотел уже заплакать, когда мне объяснили, что она пасется в стаде. «Кожемялка»— услышал я имя зверя, и был выдворен вон с наказом держать язык за зубами.

Едва из хлева все было убрано, а тревожный дух еще не рассеялся над нашим домом, к воротам мягко подкатила качалка, рессорная бричка из райцентра. С нее спрыгнул милиционер, известный всем по фамилии Далбаев, и поджарого вида человек с толстым портфелем, в хромовых блестящих сапогах, штанах галифе и кителе. Скорым шагом пробежали они по двору, заглянули в хлев, на сеновал, под навесы и в свиной котух. Стали говорить с матерью сначала тихо, какими-то загадками, потом давай ругаться, кричать и стращать тюрьмой. Мать отмалчивалась, отводила глаза, ища заделья своим дрожащим рукам. Дрожал и я, как хвост таскаясь за ее подолом.

Чьи кожи мяли, наши или соседские? не помню, но тогда, видимо, это не имело никакого значения, а ведь от веку кожемялки устанавливались под открытым небом или просто под просторным навесом. Главное, мать не забрали, не посадили в тюрьму, и, может быть, впервые за свою короткую жизнь я до конца осознал, что значит быть с мамой. С тех пор по ночам я стал просыпаться и звать ее, пока не подрос.

11

На задах за колодцем, рядом с телятником, отец срубил довольно большой продолговатый пятистенок. В левой половине он оборудовал свою кузницу, все завел заново, потому что старое единоличное хозяйство сдал в колхоз, когда вступал в него. В правой он сделал баню. Долгое время после его смерти кузница, у нас называли мастерская, была заперта на замок, и я разглядывал и показывал своим сверстникам, что там внутри, через мутные стекла, окованные железной решеткой. Ключ от кузницы мать потеряла. Но разве удержит какая решетка безнадзорную детскую страсть? Вынул стеклину, померил голову — пролазит, и путь вовнутрь был открыт, а со временем и проторен. Я еще застал там кирпичный горн, жестяной огромный шлем над ним, весь в саже, наковальню на неохватной чурке, два верстака: слесарный замасляный и столярный чистый с деревянными винтами-зажимами, ручную настенную дрель, и разный бутор, из которого выбирал себе игрушки.

Забравшись тайком в кузницу, там, внутри ее замкнутого пространства, я делался как бы взрослее, пытался встать на место отца, но рано осиротевшая память не сохранила его за работой. Вспоминались рассказы матери, как я голоштанный робко подходил к дверям мастерской, распахнутым настежь, и внимательно смотрел на движения отца, тот замечал и, радостно привечая, говорил: «О-о, кто пришел-то! Помощник мой!» — брал меня на руки, подымал к потолку, подкидывал захлебывающегося от восторга и полета, потом давал мне деревянных баклашек и садил в смолистые, шуршащие кольца стружек — играть. Мне слышались вздохи соседок, приходивших в гости к нам: «Вылитый Ефим Иванович, отцова карточка, портрет». И руки сами собой тянулись к молотку, клещам, очипу мехов, начинала тонко и жалобно названивать наковальня, вздуваться без огня дым в горне, пурхая холодным пеплом в глаза. В груди что-то подпирало, тоже вздувалось, мешая выговорить: «Я вырос, тятя, ты хотел, чтобы я стал твоим помощником, я уже могу, смотри...»

Но снова пришли люди, сняли с кузницы замок, распахнули широкие двери на заржавленных петлях, и я, уже свободно войдя в нее, не увидел ни наковальни, ни мехов, ни шлема, ни дрели. Позднее узнал, что самое ценное из отцовской мастерской мать вынуждена была отдать в колхоз, променять на хлеб. Столярный инструмент забрал наш городской родственник, профессиональный плотник Иннокентий Матинин.

12

В этот раз из отцовской кузницы были вынесены верстаки, а горн выброшен по кирпичику за дверь. Вместо них водворена необычная, прямо-таки чудовищная, на первый взгляд, машина, чем-то напоминающая веялку, только гораздо больше и без ковша, зато с множеством толстых и тонких вертящихся барабанов и барабанчиков, обтянутых густой и цепкой проволочной шкурой. Шерстобитка. И потянулись, задами обходя улицу, колхозники ■ наш двор с мешками овечьей шерсти, серой и черной, зимней и летней, долго, по крохам копившейся от их немногочисленных стад. Зашуршала машина, завертелись ■ разные стороны бурые липучие вальцы — знай подбрасывай под них сырье, лишь расшиньгивай слегка, чтобы не втягивало комками, и получай на выходе, с другой стороны, моток пушистой, почти невесомой продукции. Не самоходом крутилась машина, вручную: по двое надо было стоять на приводе. Пропустили через нее небольшой, еще давний запас овечьей шерсти и мы с мамой. Немного перепадало нам за аренду помещения — сорные обитки, лохмотьями свисавшие под брюхом шерстобитки, так что на рукавицы и валенки должно было хватить.

Не знаю, куда девалась от нас шерстобитка, но больше ■ ни разу ее не встречал, хотя брат говорит, что машина была колхозная и располагалась раньше в одном из строений конного двора, рядом со столяркой и пимокатней, ■ конный двор я излазил вдоль и поперек и знал его наизусть. Впрочем, то было его время, довоенное, мне же продолжает казаться именно так.

13

Опустела левая половина пятистенка и скоро начала отпиливаться и разбираться на дрова. Осталась одна баня. Баня у нас была просторная, как все в усадьбе, например, телятник — настоящий бурятский утуг для косьбы сена. Мама иногда ворчала: «Куда отец разбухал такую напасть: побегай-ка, ноги отымутся». Но отец-то не думал умирать, пожить хотел и не как-нибудь, а крепко, широко, надеясь, что Николай или я останемся с ним, продолжим его дело. Семена, как первенца, он изо всех сил старался выучить, вывести в большие люди.

В бане, кроме обычной каменки, помещалась его работы добротная железная печка, круглая, немного зауженная кверху, куда был вмазан емкий чугунный котел. Делал отец все на совесть, аккуратно, с большим запасом прочности, хоть для себя, хоть для других, но такой печки ни у кого не было. В котле, когда баня топилась, грели воду, а я, бывало, распаривал две драницы, заостренные с одного конца. Распарив, затыкал их под матицу, загибал, подставляя для выдержки распорки из дров. Прибив к ним на следующий день ремешки, получал лыжи. Большинство нашего брата тогда каталось на самодельных лыжах. Ванька Хомяков, так тот вовсе не загибал доски: выберет потолще, не слишком длинные, затешет передки и погнал, да еще как! настоящим вьюном носился по перекатам. Но если уж воткнется, так воткнется — вместе с лыжами уходил ■ сугроб. Мне брат купил настоящие лыжи, когда вернулся с севера, ■ седьмом классе, и то разных размеров и фабрик, одна ехала вправо, другая влево.

Был ■ бане широкий и длинный верстак из двух солидных плах, на который обычно складывали белье, когда мылись. У этого верстака я сделал для себя самое выдающееся в жизни открытие, выразив его в одном единственном, но исключительно важном вопросе, обращенном к соседской девушке, за что был немедленно переведен из второй очереди моющихся в первую мужскую.

Верстак бездействовал со дня смерти жившего рядом пимоката Оловина. Но вот уже на моей памяти приехал, кажется, вернулся с войны, другой умелец, Михаил Герасимович Нефедьев. (Опять однофамилец. У нас полдеревни было Нефедьевых, не состоящих ■ родстве, по-видимому, унаследовавших фамилию или принявших фамилию казачьего атамана 17 века, а может быть, переселенцев из Вологодской области, где по почтовой книге насчитывается четыре одноименных деревни.) Приехал и брат Николай, поступил к нему в подмастерья.

Задымила баня, не разбирая суббот, запарила в открытую дверь, разнося вокруг кислотно-шерстяной дух. Голые до пояса мужики замаячили в маревом ее нутре, откуда слышались глухие удары, шипение, мокрое хлюпанье, дребезжащий звон железа об железо — это в руках катальщика прохаживался по квадратному прутку чугунный валек, очень похожий на материнский для глажения. Пруток катался с подскоком по голенищу, уплотняя его до нужной прочности, усаживая до нужного размера. Носок простирывался (прокатывался) на особой деревянной гребенке, прибитой к краю верстака. В котле постоянно поддерживался горячим раствор кислоты, куда время от времени окунали неуклюжую пока заготовку.

Из разговора взрослых я запомнил: чем больше в растворе кислоты, тем быстрее скатывается шерсть, пимокату легче, но тем холоднее и тверже получаются катанки. К тому же при носке, намокая от снега, без удержу продолжают садиться, становясь в конце концов малыми, что мы и испытываем на своих ногах в нынешнее время.

Про Николая говорили: «Способный парень, заращивать быстро научился», то есть основывать будущий валенок. Правильно заростить, равномерно разложить шерсть считалось первым делом, катать же проще, но физически трудней. Я видел, как вначале намотанную на палку заготовку с матерчатой прокладкой внутри откатывают босыми ногами на полу. Стопу под конец обсаживают крепкими ударами специального деревянного крюка на катушке — круглой колодке с талией.

Помню, брат принес из бани маленькие, еще отдающие в нос чем-то щекочущим, аспидно-черные катаночки и торжественно вручил их мне — радости нашей не было границ.

Долго после этого лежали на верстаке у окна бани пимокатные инструменты: целое беремя разных прутков, катушек, половинчатых колодок, клиньев и длинных вставок, из которых можно было легко собрать деревянную ногу. Здесь же ржавел чугунный валек, а из-за плах, с подоконника выглядывали горлышки бутылок с остатками кислоты. Пимокат переквалифицировался, сел за руль новой, только что изобретенной машины бензовоза ЗИЛ-150.

Примерно через год-два, когда квартировали у нас очередные шефы из числа их строительного начальства, баню перенесли к колодцу, из просторной по заказу матери сделали совсем крохотную — куда нам двоим, тем более что многодетная семья соседей Митрофановских переехала вместе со своим домом на Подгорную улицу. Мы попустились телятником, обрезали по амбару ограду, и наша усадьба стала вдвое меньше.

Непривычно было видеть обновленный и словно бы ссевшийся, знакомый до сучка, до жердинки родной и близкий детскому сердцу мир. Мир, лелеявший меня своими отдаленными, но все же огороженными уютными и тихими углами. Скоро по тому месту, где стояла отцова мастерская с баней, пролегла полевая дорога, ведущая к речному броду и дальше, в луга.

14

У любой кузницы, рядом с широкими дверьми или напротив их есть ворох разных железок, полосовых и круглых прутков, обрубков, сношенных подков, колец и шестерен от вышедших из строя механизмов — была такая и у отцовой мастерской. К тому времени, когда ее сломали, все самое интересное из нее я успел растаскать для игр и переключиться на колхозную. Не припомню, чтобы у меня, да и у других ребят нашего околотка, кроме председательского сына Вовки Грицких, были покупные или своедельные деревянные игрушки — все железяки. Мотоциклетом БМВ, как у дяди Миши Ершова, трофейным, единственным в деревне, служила нам круглоногая загогулина не то от сеялки, не то от сложки. «Иропланом», пролетающим аж под самой пазухой солнца, перечеркивающим своей молниеносной тенью нашу улицу поперек, был очень похожий на настоящий, только с недорослыми, как у цыпленка крылышками, рожек от конной сенокосилки. Из треугольников ее пилы, сегментов, мы городили на завалинке разную городьбу, в зубчатыми вкладышами

высекали из камней искры. Этими вкладышами в наше время еще пользовались некоторые старики, добывая огонь для трубок. Из шестерен сельхозмашин мы делали себе тачки.

Ах, какие тачки были у нас! Как они гудели, как буксовали, вытаскивая друг друга из грязи. Как сшибались, встречаясь на узкой тропе, на доске, переброшенной через лужу, тарахтели, стрекотали на разные лады, таранили обидчика. Как мы ремонтировались, когда заедало колесо или отваливалось совсем, перетерев ось или крестовину, служившую одновременно и рамой, и рулем, и сиденьем для пешеходов, которых мы непременно подбирали на дороге и доставляли, куда им надо, совершенно бескорыстно.

Чтобы возить пассажира, ось делалась подлинней, выступала с обеих сторон вроде подножек, на перекрестье оглобель-ручек прилаживалась дощечка, могла укладываться и просто какая-нибудь лопоть — поехали! Да смотри не засунь в колесо ногу, не оборви с гвоздей мотор — жестянку или проволоку, приткнутую вплотную к зубчатке, иначе придется тарахтеть ртом.

Возили мы на своих тачках крапиву для свиней, солому коровам, спуская ее темными осенними вечерами с гор, с колхозных полей, потому как накосить сена вдосталь колхозникам не давали, особенно тем из матерей, у которых сын или дочь сбежали в Ангарск. Не смотрели, что награждены были медалями «За победу над Германией» и оставили все свое здоровье на полях и фермах колхоза, как моя мама. Зимой солому воровали на санках, при луне. Собачий холод, волчье безмолвие и глубокий снег. Высота над долиной, звезды, темный неторёный спуск, летим вниз, переворачиваясь вместе с соломой и санками, лишь бы не маячить на гребне горы, обрушивая на себя снежную лавину. Дома сразу на печь — и никакого угрызения...

Нашим матерям не только сена косить не давали, не давали коней вывезти дрова или картошку с поля, если под нее выделяли клочок земли, запрещали пахать огороды, так что часто мы сидели без дров, а коровы без корма. Особенно усердствовал в этом председатель колхоза, выдвинутый райкомом, бывший в гражданскую лихим пулеметчиком, в Отечественную офицером и потом еще долго донашивающий военную форму.

15

На деревянных спицах, вделанных в стены амбара и мастерской, обычно висели запасные тележные шины, ушатные и кадочные обручи. Эти колеса я мало-помалу раскатал по ярам и канавам, утопил в речке. На смену им пришли для нас закладные кольца от грузовиков, они хоть и тяжелей старинных, но мне, например, нравилось, как они звонко поют, легко и ровно скользят в проволочном ухвате, когда их гонишь по лугу. Таких колец в ту пору у ребятни была большая недостача: редко шофера выбрасывали или теряли их, мы угоняли кольца друг у друга, стоило отвернуться, оставить у магазина, у ворот дома — увели, и попробуй найти, когда все они одинаковые.

В поисках очередной железной игры я нет-нет наталкивался где-нибудь в углу двора, в крапиве за рассохшимися, выпавшими из ободьев ступицами тележных колес, за подушками с тяжелой осью на удивительно ловко, с каким-то удалым вывертом загнутые из круглого прутка штуки с дырочками в разлапистых фигурных концах. Это были самые многочисленные детали, оставшиеся после отца. Они хранили прикосновение его рук, его кузнечного инструмента — оковки для легковых дорожек, ходков и кошевок. Чья-то кошевка, должно быть привезенная ему для ремонта, так и осталась доживать свой век у нас. Брошенная за хлевом, на солнечной стороне, она сделалась для меня и моих друзей любимым местом забав, особенно ранней весной и поздней осенью. Мы попеременки запрягались в нее, изображая коня часто непослушного, уросливого, выбивающегося из оглобель. Это уже был настоящий жеребец, поймать и зауздать которого стоило больших хлопот.

Но чем больше мы подрастали, тем меньше желали запрягаться. Тогда в передок кошевки, между верхними связями вставляли палку, на нее надевали ту же шестеренку или плужное колесо — сам

плуг, увязив в навозной жиже рало, кособоко ржавел под заплотом — и наши санки превращались в машину. «Шофер» усаживался на облучок, вцеплялся, как клещ, руками в баранку и вез нас по кочкам и ямам в самые непредвиденные места. В любое время кошевка могла обернуться в тачанку с пулеметом, самолет, лодку.

Потихоньку подкрадывался я к веялке, ветродуйке, как у нас говорили, чтобы тоже заполучить ее в свое игровое хозяйство. И получил: веять нам с матерью стало нечего. Много ли заработаешь починкой колхозных кулей и содержанием на постое ангарских шефов — разве спасет заметенное иной раз в кузове квартировавших в нашей ограде машин во время уборочной? Но эти злыдни, за которые можно было получить срок, мать отвеивала непосредственно на бесшумном, природном ветру. Ветродуйка же благодаря мне скоро перестала крутиться, что-то у нее там внутри отвалилось, и на ней очень удобно устраивались на ночлег куры. С таким же успехом я порешил бы и медогонку, но она хранилась в амбаре под замком, а в огороде за ним еще жили два улья из бывших семи, к тому же старший брат сулился приехать в отпуск как раз к первому медосбору.

16

Настал срок, приехал братя Сема. Он приехал, кажется, в то лето, когда тетку Лукею хватил радикулит, и она, заголив поясницу, гнездилась под нашими ульями, под самыми их летками, в расчете, что пчелки полечат ее своими укусами. Но пчелы, как назло, не обращали на ее недуг никакого внимания. Это удивило тогда всех женщин нашего края деревни, а слух об этом разнесся далеко за пределы. Я же, боявшийся пчел, как огня, был просто поражен их равнодушием.

С приездом брата Семы в доме стало весело: то и дело слышится звонкий, радостный и какой-то недеревенский голос невестки Нади, бегают по ограде голопузые племяши Инка и Санька, поддевая пухленькими пальчиками вот траву-мураву, с визгом отмахиваясь от пчел. Амбар растворили настежь, у порога кипит самовар без крышки, из него торчит круглая ручка широкого обоюдоострого ножа для снятия корочки опечатанных сот. На выгребной яме сусека — противень с уже срезанными ошурками, подходи, бери, жуй, отжимая, купая язык и небо в теплой горчащей сладости, но опасайся рассерженных крылатых хозяек, отстаивающих свое законное добро. Брат в сетке, с дымарем, гнилушки для растопки которого мы помогали собирать, колдует над раскрытыми ульями. Я кручу ручку, пристроенную на верху железной бочки с воронкообразным вогнутым днищем. Бочка гудит, приплясывает от быстрого вращения тяжелых, насыщенных медом рамок, вставленных в сетчатые гнезда барабана. Мне видно, как внутренние стенки ее покрываются янтарными каплями, вспыхивают искрами, сначала большими и частыми, потом маленькими и редкими, наконец сливаются одна с другой и оплывают вниз густыми обильными токами.

С тех пор слово «обилие» у меня всегда связывается с медом, с его прозрачно-золотистой массой, когда невозможно оторвать от него деревянную расписную ложку, когда мед сам просится в рот, липнет к губам, рукам, рубахе, склеивает ресницы и волосы, источает ни с чем не сравнимый аромат, вобравший запахи многих полей и лугов, растянувшихся буйным разнотравьем по обе стороны речки Иды, по долинам Бугутуя и Шарахтуя.

Но кончились медвяные дни, опять все разъехались, и мы с мамой снова вдвоем. Я за хозяина и снова волен, нередко предоставлен самому себе. Рабочих рук в колхозе не хватает, все чаще, все яростней и нетерпеливей стучит бригадир Середкин не слезая с коня в уличную раму избы, наряжая пятидесятишестилетнюю тетку Марью на полевые работы. Мне еще далеко до десяти. Наконец-то могу разыскать от амбара ключ и провести в нем ревизию.

17

Почти все, можно сказать, богатство сельской [illegible] сосредоточено в самом

доме, в квартире, как у городских (в гараже, правда, еще), раньше оно хранилось в загонах, хлевах и амбаре — часто в двух, трех. В нашей деревне почти не было безамбарных усадеб, как и по всей Сибири у коренных жителей, а Шишкин Иван Гаврилович имел двухэтажный, амбар на амбаре. Сгорит, не дай бог, дом, еще не беда, семья не разорится — не отстояли амбара, считай, пошли по миру. Но амбар и так долговечнее избы: крылся он с особым тщанием, чтобы ни в коем случае не мочило семенной и хлебный запас, клался без моху, земля наверх не подымалась, под полом оставалось место для ветра, так что гнить ему было не с чего.

Над всей передней стеной напускалась в виде козырька крыша. Трудно переоценить значение этого напуска в сохранности сруба. Я уверен, древнерусские, более чем трехсотлетние острожные башни Илимска, Братска, Якутска и Бельска дожили до наших дней потому, что в них, как в амбарах, хранилась самая ценная казна: хлеб, порох, меха, соль,— и еще потому, что имели свои особые боевые напуски со всех четырех сторон. Так вот и наш амбар стоит до сих пор, в то время как избу новые хозяева вынуждены были перекатать и заменить не только оклад, но и многие бревна северной стороны.

После войны из старинных амбаров стали делать дома, перекладывая их на мох и прорезая окна. Иван Мигалкин срубил себе дом из колхозного амбара.

Забравшись в свой, когда матери не было дома, я первым делом кинулся (нет, не к медогонке) к большому, в маслянистых пятнах, ящику, давно сомущавшему меня. Отстегнул маленький, словно бы игрушечный замочек, поднял тяжелую крышку... Два отделения: одно узкое подвесное и переборчатое, другое просторное, глубокое. В отсеках первого: винтовочные и ружейные гильзы, пистоны, пыжи, дробь, картечь. Я так и знал, я слышал: отец иногда охотился и умел налаживать ружья. Со всей округи везли к нему стрелки свои поломки. Оружия в ту пору среди людей было хоть отбавляй, хранилось еще с гражданской войны. Отец держал у себя трехлинейку, берданку и простое ружье. Ружье кто-то выманил у матери, винтовку и берданку средний брат, лихой казак в молодости, пытался применить против соперников из соседних деревень, и их одну за другой конфисковали (делов было, может. расскажет когда-нибудь). Мне достался вот этот ящик. Но что же во втором отделении. Ага, затворы, магазинные коробки, курки с замками, патронники, отвинченные от стволов вместе со скобами и спусковыми крючками. Названий ружейных частей я тогда, конечно, не знал, но угадывал, что для чего, каким-то особым чутьем безошибочно. «А ну-ка!» — прицелился я из одной и с криком «ура» побежал показывать сверстникам. Раздал им горсть пистонов, после чего в крапиве за хлевом не стихала на камнях бомбежка. Мать увидела, что за штуку я подвешиваю к лямкам штанов, но не била, не ругала даже, а лишь переменилась в лице и каким-то усталым голосом упрекнула: «Добрался-таки, варнак, знал бы отец». Я поклялся не терять ни одной вещи из отцова ящика, но долго в моих руках почему-то ничего не задерживалось.

Игры в войну разгорелись с новой силой, исход которых при подавленном существовании взрослых в ту пору, наверное, нельзя было ни предугадать, ни пресечь. И пресеклось несчастным случаем.

Нас играло человек пять безнадзорных мальчишек. И надо же было снять со стороны настоящее охотничье ружье, волею судьбы оказавшееся неразряженным после охоты на коз. Один из нас, Проня, бок о бок с которым я в тот миг сидел, остался лежать с простреленным сердцем.

Выронилось золотое звенышко из цепочки Алешиных братьев. Обрушилась державная перекладинка в живой родительской лесенке. У отца с матерью на нее было больше всего надежды. Пусто стало между Алешей и его средним братом, такая же пропасть, как между мной и Николаем. Велико было родительское горе, почернели от слез глаза их, кого обвинить? И взяли они весь грех без остатка на свои души. Не забыть мне вашего страдания, вашей истинно русской

доброты и самого глубокого человеческого понимания. Я верю, смерти не совладать с жизнью, пока есть на земле такие люди, как вы.

18

И смерть не совладала с жизнью, лишь на миг жизнь оступилась, запнулась об нее, но не остановилась. Прошло время, распустились самосевные степные цветики на Прониной могилке, подзатянулись раны на наших душах, я вновь вернулся к раскопкам в амбаре. Вернулся, чтобы найти совсем противоположное тому, что нашел раньше. В одном из сусеков, среди пестерей с пропахшей мышами овечьей шерстью, ендовух с окаменевшей черемухой, собранной еще [redacted] трудные годы, корчаг с серым от пыли просом, рядом с распаявшимся двухведерным самоваром с полевого стана, так и не починенным отцом, я наткнулся на тяжелую пачку книг, перевязанную супонью. Рассупонил, думая, опять увидеть старые учебники сестры и братьев, но то были книги, каких я еще не держал в руках.

Читал я в детстве мало, как и большинство из нас: бесконтрольность, лавинообразно наступающий на деревню прогресс, вещий мир отцова наследства, квартиранты, ночевальщики — изба наша стояла на краю деревни, у самой дороги — а так же степное раздолье, чудесная теплая речка, зимой постоянно обновляющаяся наледью, урожайные ягодники под самым боком, кругом, будто нарочно для лыж [redacted] санок сотворенные холмы с перекатами и тряхунцами — все это не давал усидеть на месте. Бывало, прихватывал месячные ночи, чтобы лишний час погонять клюшку.

Найденные книги мать разрешила вынести на свет, и я узнал, что оставил их один из буровиков, хотел вернуться, но срок давно прошел. Я вспомнил: жил он у нас недолго, был молод, высок, задумчив [redacted] бледен. Одна книга показалась мне не менее загадочной, чем ее бывший хозяин, москвич, как я тогда думал. Она была намного больше и тяжелее других, просто богатырская книга, с корочками, словно из досок, твердыми и толстыми, оклеенными всамделишней, песчаного цвета, холстиной. На обложке, в маленькой рамочке портрет какого-то седовласого старца — название открылось лишь на третьей или четвертой странице: Очарованный странник. Первое слово я слышал впервые, так наши деревенские не говорили, но [redacted] звукостати обеих, как бы сплавленных вместе, вернее, сваренных кузнечной сваркой, было что-то притягивающее, манящее. Привыкший иметь дело с частями распадающегося хозяйства, я расковал заголовок: очарованный, отнес сразу к молодому буровику, владельцу книги, пропавшему без вести, а странник примерил к бабушке Мордвихе, сгорбленной старушке с морщинистым землистым лицом, во всем черном приходившей к Митрофановым. Беззвучно шевеля печеночного цвета губами, она постоянно читала Библию на церковнославянском языке, который, кроме нее, никто не понимал. Иногда ее можно было встретить на косогоре за деревней, повыше наших ягодников, где она собирала неведомую нам богородскую травку. Бабушка Мордвиха уходила так же незаметно, как появлялась, — все это казалось мне странным.

Митрофановы были, пожалуй, самой читающей семьей [redacted] деревне. Они приехали к нам после войны. Сам Тимофей Иванович, суровый на вид, но добрый сердцем мужик, исключительно работящий и мастеровой, стал достойной заменой Ефима Ивановича [redacted] колхозной кузнице. Митрофаниха знала грамоту и по вечерам при керосиновой лампе читала вслух, а мы, их многочисленная ребятня и я, растянувшись прямо на выскобленном добела полу, слушали. Мне запомнились названия трех книг: «Земля кузнецкая», «Знаменосцы» и «Белая береза». Читала тетя Маня прекрасно, без запинки, плавно, будто молитву, переживала за героев, словно они были ей родные и близкие, чем непременно заставляла и нас волноваться за них. Изредка она останавливалась, чтобы поправить в лампе огонь, высморкаться и утереть запоном глаза.

Из всей пачки найденных [redacted] амбаре книг мне понравилась еще одна, небольшая, [redacted] сером переплете с тисненой золотой каймой и такими же блестящими

узорами: «Капитан Сорви Голова», однако содержание ее, как и язык, забылись, перечитывать впоследствии не стремился, в то время как «Очарованный странник» очаровал на всю жизнь и прежде всего своим некнижным, народным языком.

19

Пора кое-что уточнить, открыть до конца одно немаловажное для сегодняшнего времени обстоятельство. Деревня моя зовется Новой Идой (Ида — название одного из бурятских родов, кочевавшего некогда по долине реки) и стоит в ста тридцати верстах от города по Александровскому тракту. Так вот, начало ее было положено всего лишь в 1928 году, а сложилась и стала колхозом «Труженик» в середине тридцатых. Значит, к тому времени, когда я подрос и стал, как говорится, входить в сознание, ей было два с небольшим десятка лет. Колхозу же — полтора, но посмотрите, как постарались старики! Как они перевезли сюда, на слияние Бугутуя, Шарахтуя и речушки Тарасы со своих Каменских заимок, стесненных в пахотной земле, все нажитое, всю как есть рухлядь, скарб, ничего не бросив, не раструсив по дороге. Напротив, они дополнили и обогатили свои усадьбы покупкой у бурят заброшенных домов и амбаров — буряты нашего аймака к тому времени почти все жили в русских избах, зажиточных тоже раскулачивали и ссылали.

Вот ядро Новой Иды, крестьянские семьи, большинство которых переехали с одноименных заимок и вскоре зажили несколькими домами одной фамилии: Агаповы, Шишкины, Лебедевы, Середкины, Вантеевы, Черниговские, Хомяковы, Нефедьевы, Ершовы, Ряхины, Грицких, Мигалкины, Беляевские, Силантьевы, — пусть простят, если кого-то пропустил, но не должен — все крепкие хозяева, потомственные землепашцы, не мыслившие себя без крестьянского, искони заведенного труда со всем сопутствующим ему жизненным укладом. Не для веселия собрались вместе, для работы, для жизни, ибо веселие русского крестьянина в достатке земли. И что еще поражает меня до сих пор, это то, что уже перед войной, за какие-то пять—шесть лет, кем-то придуманная, совершенно новая, небывалая в веках община — колхоз, созданный на основе переселенческих частных хозяйств, имел все необходимое для цветущей, безбедной, я бы сказал, автономной жизни: пашни и луга, ферму, окруженную загонами и стайками, полными скота, птичник, мельницу, сушилку, маслобойку, кирпичный завод, кузницу, столярку с балом и токарным станком, пимокатню, шерстобитку, конный двор с обширными конюшнями, табуном лошадей, племенными и выездными жеребцами, амбары, склады, хомутарку, веревочные вьюшки, прекрасный полевой стан с крытым током, сельхозмашинами и подсобными помещениями, ямку для смолокуренья в Бугутуйском лесу, пасеку в Шарахтуйском логу, забыл еще овчарню, свинарник и пожарку с каланчой и пароконной машиной. Провались все кругом, разорись или сгори, — как выразился один мой старший друг, — а колхоз как жил, так и жил бы, не будь внешнего нарочитого воздействия.

Заключение

Я вырос, оперился и, как многие до меня, вылетел из родного гнезда на учебу. Остались в нем одна мать. Через год с моего согласия средний брат продал дом, забрал ее к себе в Ангарск, где она чуть не задохнулась от недостатка воздуха, а я, закончив учебу и исколесив полстраны в поисках мифических пряников и игрушек, осел в городе. Построил недалеко от него дачу, пятый год рублю баню, десятый мечтаю завести маленькую кузницу с кавалерийским походным горном, брошенным некогда отступившими колчаковцами в тайге,— он давно лежит у меня под навесом — амбара мне не надо, в стайках пусто, в огороде не густо, на чердаке шаром покати. В отпуска странствую, топчу матушку-кормилицу землю, открыл две стоянки первобытных людей и множество брошенных сел

1987

Владимир БОЛОХОВ

Отчей речи матерый птенец,
страж истоков ее безымянный,
вновь кружу, как... внезапный слепец,
средь родимейших слов
иностранный...

Если дальше так — без словаря
не постигнуть — их кровного! смысла...

Конъюнктурной мочалкой...
заря
в эпигонских березах зависла...

От дежурных нет продыху од
и к России «любвей» календарных...
Но тем зорче таранный полет
отчей речи птенцов благодарных...

Аллеи мшистых лип и тополей
захлестывают звуки ножевые.
Под стародавнее:
«Эх, лей, да веселей!» —
отплясывают юные живые...
Все глуше — парк.

Гнилые чаще — пни.
Опушка. Старец. Борода — лопатой...
Плеснул в стаканник:
«На-кось, помяни...»
— Кого?!
«Здесь было кладбище...
когда-то...»

Нет выше правды творческой.
И ложь
не может стать предтечей созиданья...
Так думал я под невесомый дождь,
■ зеленое вплывая мирозданье...

Привет тебе,
беспечный с виду лес,
истерзанный двуногими царями...
О чем молчит твой даровый навес —
над оргией стекло — бумажной дряни?..

Зачем ■ сам
с угарным гулом лба
приподнимаю тело юной ели,
разбитой царской похотью раба,
от сытого сдуревшего безделья?..

Кому грожу я — мини-Дон-Кихот?
Какая мельница
даст правой злости выход?..
И прав ли ■ — бессильный доброхот,
когда вокруг покойно так
и тихо?..

Татьяна НАЗАРОВА

□ □ □

Торжественно растет трава.
А в ней кузнечики мерцают,
И даже неба синева
Пред этим чудом нежно тает...

И злость бессмертная мертва,
Когда безвременью на зависть
Растет в саду твоем трава,
Едва колен моих касаясь.

ОДИНОКОЙ ЛЮБВИ

А у нас любовь. Как ей меж нами
От разлуки нашей трудно жить.
Улечу я с солнечными днями,
Теми, что уже не возвратить.

Но приеду снова непременно
И тебе навстречу побегу.
Ты моя зазывная сирена,
Близкий свет на дальнем берегу.

Я уеду от тебя под вечер,
Тихо сяду в поезд у окна.
А любовь до следующей встречи
Будет жить без нас совсем одна.

ВЕКОВАЯ МЕТЕЛЬ

Ах, какая бушует метель
Посреди неостудного лета!
Буря двери срывает с петель
И уносит с собой два портрета.
Два портрета, две жизни скупых

Пусть уносит метель вековая,
Два портрета, беззлобно немых.
На одном из них я.
Как живая.

□ □ □

Все равно я твоею была,
Если даже с другими смеялась.
Моего озорного тепла
Перепала им самая малость.

Потому ты меня не кори
За любовь, как за злую измену,—
Это я над тобой до зари
Все витаю голубкой презренной.

Я ТЕБЯ ЦЕЛУЮ

Я стала дерзкой и смешной.
Так будь и ты беспечно весел.
Летучий дождик проливной
Обрывки туч в полях развесил.

И я с открытой головой
Бегу с тобой под божьи струи.
И без конца тебя целую,
Как юный дождик огневой.

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Г. Машкину

Я подъехала к церкви.
К церкви я подошла.
Колокольные звоны
Бились, как зеркала!

Я под звоны литые
В Храм высокий вошла.
Здесь старухи святые
Измолились дотла.

Рощи свеч незажженных
Прорастали [redacted] углах.
И Христос изможденный
Угасал на крестах...

Воздух церкви старинный
Мне был близок и чужд,
Здесь пропах стеарином
Даже вербовый хруст.

[redacted] поставила свечку
За здоровье родных.
Время — это не вечность,
В чувствах вечности смысл!

Я в церковной ограде
Робко глянула ввысь,
Купола золотые
Мне навстречу неслись!

Георгий ЖЕРДЕВ

КОНЕЦ РИМА

Рим разграблен, разрушен, сожжен.
Так презрительные вандалы
Благодарность сыновью воздали
Колыбели времен [redacted] племен.

Вечный город, сплошной героон*,
Что рождал лишь богов [redacted] героев,
Город-мир, удобрявшийся кровью,—
Рим разграблен, разрушен, сожжен.

Императорам не до Рима,—
В резиденциях дальних таясь,
За корону хватаясь пугливо,
Воскрешали тщедушную власть.

Обложив обнищавших вассалов
Непомерным налогом, они
В дикой роскоши угасали,
Нравам предков своих изменив.

И открыли вандалам ворота
Сами римляне, ибо давно
Стали варварами для народа
Палачи — государи его.

И открыли ворота вандалам
От побоев шальные рабы:
Под плетьми давно прорастала
В них надежда, как форма борьбы.

Рим разграблен, разрушен.
Он пал!
Отвернулись от города боги.
Ну [redacted] римский народ — ликовал
У свободы своей [redacted] пороге.

Владимир ГОРЧАКОВ

РАБОЧЕЕ УТРО

Шагая утром на работу,
Когда царит повсюду тишь,
Дыхание хлебозавода
Благоговейно ощутишь.

Спешишь путем-дорожкой торной,
Подумывая на ходу:
«Уже печется хлеб, который
Я отрабатывать иду».

* Героон — святилище [redacted] честь героев.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Три года миновало мне...
Лежу на белой простыне.
Палату заливает солнце.
Откуда малышу понять —
Светлынь —
Из-за того, что мать
В окне
Счастливая
Смеется.

ИЗ РАЗГОВОРА

«...Корчуем яростно леса,
Зверье уничтожаем.
Нажива застит нам глаза —
Наживы жажда злая.
Неужто недалеко дни:
Оглянешься в испуге —
Кругом — ни кустика,—
Одни
Махровые хапуги!..»

Иван КОРОБКОВ

□ □ □

Когда закат отполыхал
и выплыла луна,
Старик, нахмурившись, сказал:
— Зажги-ка бакена.

И пену бархатную взбив
заклокотал мотор.
И в грудь пахнул реки разлив
и голубой простор.

Мутнели звезды за кормой.
И вот издалека
мигает мне зажженный мной
глаз светлый огонька.

Шли пароходы до зари.
Гудели вдалеке.
Им путь светили фонари
на той большой реке.

БОРЬКА — ГАРМОНИСТ

Звезда взойдет над крышей дома.
Затихнет ребятни галдеж.
У палисадника на бревнах
ждет гармониста молодежь.

Томятся парни в ожиданье,
грустят девчата в стороне.
И Борька шел к ним на свиданье,
гармонь качалась на ремне.

И грусти словно не бывало.
Преображался весь народ.
Ох, как гармонь его играла
на нашей улице фокстрот.

А под конец, уже привычно,
для всех танцующих не вновь,
он начинал свою обычно
про улетевшую любовь.

И расходились тихо пары.
И было звездно и темно.
Девчат вели под руку парни
через деревню за гумно.

А он шагал домой сторонкой
через пустырь, наперерез.
И, как басы усталой хромки,
скрипел натруженно протез.

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Долгие десятилетия история убийства царской семьи была окутана непроницаемой завесой умолчания. Иногда упоминалось только о расстреле самого царя, Николая II; об убийстве жены, детей, прислуги — сохранялась строжайшая секретность. В этом умолчании как бы крылось сознание преступности содеянного, античеловечности, но за всем этим стоит страх гласности, боязнь правды истории. Известно, что еще Ленин говорил, что убийство детей ляжет несмываемым пятном на революцию. Современные «блюстители истории» не ограничивались только молчанием, но уничтожали ■ материальные свидетельства преступления: ■ архиве из дневников царя были изъяты страницы последних дней, а ■ 1977 году в Свердловске (Екатеринбурге) был взорван Ипатьевский дом, ■ подвале которого были расстреляны русский самодержец Николай Романов, его жена Александра Федоровна, их дети — Алексей, Татьяна, Ольга, Анастасия, Мария, а также доктор Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп, горничная государыни Анна Демидова.

Белые пятна истории впоследствии всегда оказываются кровавыми. И чем тщательнее сохраняются в тайне те или иные события, чем длительнее это происходит, тем более влиятельные силы власть придержащих стоят за всем этим.

И сегодня, спустя семьдесят лет, отделяющих нас от кровавой ночи 17 июля 1918 года, нет полной ясности в причинах и следствиях, вынудивших Уральский Совет расстрелять семью Романовых ■ их прислугу. Эдвард Радзинский ■ статье «Расстрел в Екатеринбурге», опубликованной в «Огоньке», приводит текст телеграммы, обнаруженной ■ Центральном архиве Октябрьской революции в «Деле о семье бывшего царя Николая II».

«Председателю Совнаркома тов. Ленину, председателю ВЦИК тов. Свердлову... Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия ЧК большого белогвардейского заговора имевшего целью похищение бывшего царя и его семьи точка документы ■ наших руках точка постановлению президиума областного совета в ночь на 16 июля расстрелян Николай Романов точка семья его эвакуирована в надежное место По этому поводу нами выпускается следующее извещение ввиду приближения контрреволюционных банд красной столице Урала и возможности того что коронованный палач избежит народного суда скобки раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его самого ■ его семью и найдены компрометирующие документы будут опубликованы скобки президиум областного совета исполняя волю революции постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова запятая виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа в ночь на 16 июля 1918 года приговор этот приведен исполнение семья Романова содержавшаяся вместе с ним под стражей интересах охраны общественной безопасности эвакуирована из

города Екатеринбурга точка Президиум облсовета точка просим ваших санкций редакции данного документа документы заговора высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК извещение ожидаем у аппарата просим ответ экстренно ждем у аппарата...»

Все лживо от начала до конца ■ этой телеграмме, начиная с даты расстрела, включая эвакуацию семьи и кончая «большим белогвардейским заговором, раскрытым ЧК». Непонятно также, о какой «редакции» данного документа вопрошают товарищи из Екатеринбурга.

Объективную картину событий можно восстановить только тогда, когда рассмотрены будут все имеющиеся точки зрения. Именно в этом смысле интерес для нас представляет книга Николая Алексеевича Соколова «Убийство царской семьи», впервые опубликованная в Берлине ■ 1925 году, неоднократно переиздававшаяся за границей, ■ нашему массовому читателю совершенно не знакомая, хотя ссылки и цитаты из нее встречаются у многих советских авторов.

Н. А. Соколов, будучи следователем по особо важным делам, начал расследование убийства через год после того, как ■ Екатеринбург вошли войска Колчака. О его профессиональных данных высоко отзываются многие советские исследователи. В частности, известный публицист Гелий Рябов в интервью одной из газет говорит: «За те полгода, которыми он располагал до прихода Красной Армии, он проделал гигантскую работу. Были привлечены сотни людей, допрошены практически все свидетели ■ причастные. Когда ■ с моими друзьями, добровольными помощниками, начал поиски захоронения ■ окрестностях Свердловска,— кроме нас, шестерых, об этом никто не знал,— мы обнаружили следы раскопок, которые вел Соколов. Он перерыл все, спустил воду из окрестных прудов и озер... Это был блестящий профессионал дореволюционной школы, добросовестный ■ по-своему честный».

Если говорить о его идейно-политических взглядах, то он, естественно, был монархистом, противником большевизма в России, и это надо учитывать, читая его книгу. Он разделил участь миллионов русских, не принявших Октябрьскую революцию, и умер на чужбине ■ 1924 году.

В журнале «Родина» ■ прошлом году был опубликован очерк «Принуждены вас расстрелять». Автору очерка Гелию Рябову удалось разыскать место действительного захоронения одиннадцати человек, расстрелянных в подвале Ипатьевского дома. И теперь мы можем исходя из этого сказать о следственной ошибке, которую совершил Н. Соколов, когда ■ окрестностях открытой шахты нашел драгоценности, пуговицы, труп собачки одной из царевен. Он решил, что трупы были разрублены на куски, сброшены в шахту и растворены кислотой. На самом деле это оказалось не так.

Наверное, в книге Н. Соколова можно найти частные, субъективные выводы, неверные толкования тех или иных событий. Но она интересна прежде всего как документ истории, которая, как известно, не может быть переписана набело, какой бы кровавой она ни была.

Н. А. СОКОЛОВ

УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ*

ОТ АВТОРА

Мне выпало [redacted] долю производить расследование об убийстве государя императора Николая II и его семьи.

В пределах права [redacted] старался сделать все возможное, чтобы найти истину [redacted] соблюсти ее для будущих поколений.

Я [redacted] думал, [redacted] мне самому придется говорить о ней, надеясь, что ее установит сво[redacted] авторитетным приговором русская нацио[redacted] власть. Но суровая действительность [redacted] сулит для этого благоприятных условий [redacted] близком будущем, [redacted] неумолимое время кладет [redacted] все свою печать забвения.

[redacted] отнюдь не претендую, что мне известны все факты [redacted] через [redacted] вся истина. [redacted] до сего времени [redacted] известна более [redacted] кому-либо.

Скорбные страницы о страданиях царя говорят [redacted] страданиях России. И, решившись нарушить обет моего профессионального молчания, я принял [redacted] себя всю тяжесть ответственности в сознании, что служение закону [redacted] служение благу народа.

Знаю, что в этом исследовании на многие вопросы не найдет ответов пытливый ум человеческий: оно по необходимости ограничено, ибо основной его предмет — убийство.

Но потерпевший [redacted] преступления — носи[redacted] власти верховной, правивший многие годы одним из могущественнейших народов.

Как [redacted] всякий факт, оно свершилось [redacted] пространстве и времени и, [redacted] частности, [redacted] условиях величайшей борьбы народа [redacted] судьбу.

Оба эти фактора: личность потерпевшего и реальная действительность, [redacted] условиях которой свершилось преступление, придают ему особый характер: [redacted] исторического.

«Одним из [redacted] признаков ве[redacted] народа служит [redacted] способность под[redacted] на [redacted] падения. Как [redacted] ни было тяжко его унижение, но пробьет час, он соберет свои растерянные нравственные [redacted] и [redacted] одном великом человеке [redacted] нескольких великих людях, которые и выведут его [redacted] покинутую им временно прямую историческую дорогу»**

Никакой исторический процесс немыслим [redacted] представлений прошлого. В [redacted] нашем прошлом — [redacted] злодеяние: убийство царя и его семьи.

Правдивым рассказом я полагал бы послужить моему родному народу. Поэтому и, [redacted] русского историка, я старался, [redacted] ни соблазнительно ярки порой были [redacted] воспоминания пережитого, излагать факты, [redacted] исключительно [redacted] данных строгого юридического расследо[redacted].

Надо сначала знать, как [redacted] было построено.

---

* Печатается [redacted] соответствии с источником.

** Речь профессора академика В. О. Ключевского [redacted] торжественном собрании Московской Духовной академии 26 сентября 1892 года.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ

25 [redacted] 1918 года* г. Екатеринбург, где содержалась [redacted] заключении царская семья, был [redacted] от большевиков войсками Сибирской армии [redacted] чехами.

30 июля того же года началось судебное расследование. Оно возникло у судебного следователя по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда Наметкина** [redacted] обычном [redacted] порядке: в силу предложения, данного прокурором суда 30 [redacted] за № 131.

7 августа 1918 года Екатеринбургский окружной суд в Общем Собрании своих отделений постановил освободить Наметкина от дальнейшей работы по делу [redacted] возложить ее [redacted] суда Сергеева.

Такая передача была вызвана, с одной стороны, поведением самого Наметкина, с другой — обстановкой того времени.

Пред лицом фактов, указывавших на убийство, [redacted] всей царской семьи, то, [redacted] крайней мере, самого императора, военная власть, единственно обеспечивавшая порядок [redacted] первые дни [redacted] Екатеринбурга, предъ[redacted] Наметкину, как следователю по [redacted]нейшим делам, решительное требование начать немедленно расследование.

Опираясь [redacted] букву закона, Наметкин заявил военной власти, что он не имеет права [redacted] следствия и [redacted] начнет его, пока [redacted] получит предложения от прокурора суда, каковой [redacted] первые дни освобождения Екатеринбурга отсутствовал.

Поведение Наметкина [redacted] большое негодование по его адресу [redacted] в военной среде, [redacted] обществе. [redacted] чистоту его беспредельного уважения к закону [redacted] верили. Одни обвиняли его в трусости перед большевиками, продолжавшими грозить Екатеринбургу, другие шли в [redacted] подозрениях дальше.

Естественным выходом из создавшегося положения была бы передача дела судебному следователю по особо важным делам, [redacted] участок которого входит Екатеринбург, но Казань, где проживал [redacted] следователь, была отрезана от Екатеринбурга большевиками.

По предложению прокурора суд передал дело члену суда Сергееву, что [redacted] некоторых случаях разрешалось специальным законом.

[redacted] первые месяцы, когда Сергеев [redacted] свою работу, [redacted] свободная от большевиков территория России от Волги до [redacted] представляла собой конгломерат правительств, еще [redacted] объединившихся [redacted] одно целое. Такое объединение произошло 23 сентября 1918 года в Уфе, где для всей этой территории [redacted] одно правительство [redacted] лице директории из пяти лиц.

18 ноября 1918 года верховная власть сосредоточилась [redacted] руках Верховного правителя адмирала Колчака.

17 января 1919 года за № 36 адмирал дал повеление генералу Дитерихсу, бывшему главнокомандующему фронтом, представить ему все найденные вещи царской семьи и все материалы следствия.

Постановлением от 25 января 1919 года член суда Сергеев, [redacted] силу [redacted] Верховного правителя, как специального закона, выдал Дитерихсу подлинное следственное производство [redacted] все вещественные доказательства.

Передача была совершена [redacted] строго юридическом порядке [redacted] присутствии прокурора суда В. Ф. Иорданского.

[redacted] первых [redacted] февраля месяца генерал Дитерихс доставил все материалы [redacted] г. Омск в распоряжение Верховного правителя.

Высшей [redacted] представлялось опасным оставлять дело [redacted] общей категории местных «екатеринбургских» дел, хотя бы уже по од[redacted] стратегическим соображениям. Казалось

---

* Даты везде указываются по новому стилю. Там же, где употреблен старый стиль, это оговаривается.

** В России было три категории судебных следователей: 1) «участковый», 2) «по важнейшим делам» и 3) «по особо важным делам», делившиеся по степени важности самих дел. Эта «важность» определялась прокурорским надзором, [redacted] следствия у следователя по важнейшим делам возникали по предложениям прокурора суда, у следователя по особо важным делам — по предложениям прокурора суда, прокурора палаты или министра юстиции, как генерал прокурора.

необходимым принятие особых мер для охраны исторических документов.

Кроме того, дальнейшее нахождение дела у [redacted] суда [redacted] оправдывалось уже задачами [redacted] работы: [redacted] необходимость допросов весьма [redacted] лиц, рассеянных по всей территории Сибири [redacted] дальше, [redacted] член суда прикован [redacted] своему суду.

Наконец, самая передача дела Сергееву, [redacted] компромиссом, противоречила основному закону, возлагавшему производство предварительных следствий [redacted] особый технический аппарат судебных следователей.

[redacted] февраля [redacted] к себе адмирал. [redacted] был приглашен им [redacted] следователь по особо важным делам при Омском окружном суде. Он приказал мне ознакомиться с материалами следствия [redacted] представить ему мои соображения [redacted] дальнейшем порядке расследования.

6 февраля я защищал перед адмиралом следующий порядок:

1. Расследование должно быть построено [redacted] закона, [redacted] это делалось [redacted] до сего [redacted] устава уголовного судопроизводства.

2. К нему должны быть привлечены в достаточном количестве судебные следователи, ибо [redacted] недоступно физическим [redacted] одного лица.

3. Во [redacted] расследования должна стоять не коллегиальная, [redacted] единоличная авторитет[redacted] власть. Она представлялась [redacted] в лице сенатора с опытом в следственной технике.

Но суровая действительность была жестока к [redacted]. [redacted] далекую Сибирь не пришли та[redacted] сенаторы. Отсутствовали и рядовые техники, так [redacted] Сибирь почти [redacted] знала института судебных следователей. Иные боялись связывать свою судьбу с [redacted] делом.

При вторичном свидании в тот [redacted] день 6 февраля адмирал сказал мне, что [redacted] ре[redacted] сохранить обычный порядок расследования [redacted] его на [redacted].

7 февраля [redacted] получил предложение министра юстиции о производстве предварительного следствия и в тот [redacted] день принял от генерала Дитерихса все акты следствия и вещественные доказательства.

3 марта, пред [redacted] отъездом [redacted] фронту, адмирал нашел необходимым оградить свободу моих действий особым актом. Он принял лично на себя моральную заботу о деле и указал в этом акте, что следствие, порученное мне [redacted] законном порядке, имеет источником его волю. Эту заботу он проявлял до самого конца.

После его гибели я прибыл [redacted] Европу, где моя работа заключалась [redacted] допросах некоторых свидетелей.

Я указал [redacted] главных чертах основание, на котором было построено судебное расследование, имея [redacted] виду укоренившееся [redacted] обществе ошибочное представление об этой стороне дела и, [redacted] частности, о роли [redacted] нем генерала Дитерихса.

К моему прискорбию, он и сам [redacted] удержался на высоте исторического беспристрастия и [redacted] труде объявил себя высшим «руководителем» следствия*.

Это неправда. Генерал Дитерихс, пользовавшийся в военной среде уважением и авторитетом, оберегал работу судебного следователя более чем кто-либо. Ему более чем кому-либо обязана истина. Но ее искала не военная, [redacted] судебная власть, [redacted] источником волю Верховного правителя. И, конечно, генерал Дитерихс работой судебного следователя никогда не руководил и не мог руководить, [redacted] бы по той простой причине, что дело следователя, как его столь правильно определил великий Достоевский, есть свободное творчество.

[redacted] излагаю результаты преемственного судебного расследования. В основе его лежит закон, совесть судьи и требования науки права.

---

* Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале, часть 1-я, с. 14.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

§ 1

Ставка [redacted] дни переворота. — Арест государя

Когда началась февральская смута, царская семья была разделена: государь был в Могилеве, где находилась ставка, государы[redacted] с детьми — в Царском.

Сопоставляя показания свидетелей: генерала Дубенского*, находившегося в те дни при государе, [redacted] генерала Лукомского**, за[redacted] тогда должность генерал-квартирмейстера Верховного главнокомандующего, [redacted] также опубликованные последним документы [redacted] воспоминания***, представляется возмож[redacted] констатировать следующие факты.

8 марта государь отбыл из Царского в ставку, куда прибыл днем [redacted] марта.

10 марта там впервые была получена телеграмма военного министра Беляева, извещавшая, что [redacted] заводах в Петрограде объ[redacted] забастовка [redacted] что среди рабочих, на почве недостатка [redacted] продуктах, [redacted] беспорядки.

[redacted] тот же день Беляев вторично телеграфировал, что рабочее движение вышло на улицу [redacted] разрастается.

Обе телеграммы он сопровождал указаниями, что опасности нет, что беспорядки будут прекращены.

11 марта тот же Беляев [redacted] главный начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов доносили телеграфно, что в некоторых войсковых частях были [redacted] употреблять оружие против рабочих, к которым присоединяется чернь.

Беляев продолжал успокаивать, что приняты [redacted] меры [redacted] прекращению беспорядков. Хабалов же просил о присылке подкреплений, указывая [redacted] ненадежность петроградского гарнизона.

11 марта была получена впервые телеграмма председателя Государственной думы Родзянко. Он сообщал, что солдаты арестовывают офицеров [redacted] переходят [redacted] сторону рабочих и черни, что необходима присылка [redacted] Петроград надежных частей.

Вечером [redacted] тот же день и утром 12 марта от Родзянко были получены на имя государя императора еще две телеграммы. [redacted] указывалось, что единственная возможность водворения порядка — Высочайший манифест об ответственности министров перед Государственной думой, увольнение [redacted] отставку всех министров [redacted] сформирование нового кабинета лицом, пользующимся общественным доверием.

12 марта, около 12 [redacted] дня, генерала Алексеева вызвал [redacted] прямому проводу великий [redacted] Михаил Александрович. Он подтверждал сведения, сообщенные Родзянко, поддерживал необходимость указанных [redacted] мер [redacted] называл имена Родзянко и князя Львова, как тех людей, которым следовало бы поручить составление кабинета.

Несколько [redacted] в тот [redacted] день была получена телеграмма от председателя Совета Министров [redacted] Голицина. Она была аналогична с указаниями Родзянко [redacted] великого князя. [redacted] ней говорилось также, что нахождение у власти министра внутренних дел Протопопова вызывает всеобщее негодование.

[redacted] результате телеграмм Беляева, Хабало[redacted] и Родзянко, по [redacted] государя, генерал Алексеев телеграфировал 12 марта главнокомандующим северного и западного фронтов приготовить [redacted] отправлению в Петроград некоторые воинские части. Генерал-адъютанту Иванову было приказано принять на себя руководство подавлением мятежа.

Великому [redacted] Михаилу Александровичу государь ответил через генерала Алексеева, что он благодарит его за совет, [redacted] что [redacted] знает, как ему следует поступить.

По поводу телеграммы князя Голицина государь сказал Алексееву, что ответ на нее он составит сам.

После этого государь около часа говорил по телефону с императрицей, а [redacted] вручил

---

* Свидетель Д. Н. Дубенский был допрошен мною в Париже 28—29 декабря 1920 года.

** Свидетель А. С. Лукомский был допрошен мною [redacted] Париже 3 июля 1922 года.

*** Архив Русской революции, тт. II и III.

генералу Лукомскому собственноручно написанную [redacted] телеграмму [redacted] имя князя Голицина.

Государь указывал [redacted] ней, что при создавшейся обстановке [redacted] [redacted] находит возмож[redacted] производить какие-либо перемены в составе Совета Министров [redacted] требует подавления революционного движения и бунта среди войск.

Генерал Лукомский отправился с этой телеграммой [redacted] генералу Алексееву. Последний [redacted] склонить государя к уступкам, [redacted] которые указывали Родзянко, великий князь Михаил Александрович [redacted] [redacted] Голицин. Его попытка успеха не имела, и телеграмма Голицину была отправлена.

Свидетель Лукомский сознается на следствии, что [redacted] эти дни 10 и 11 марта [redacted] ставке [redacted] придавали серьезного [redacted] событиям [redacted] Петрограде.

Свидетель Дубенский, имевший возможность видеть [redacted] эти дни государя, показывает: «Он был [redacted] и [redacted] [redacted] не проявлял [redacted] [redacted] беспокойства».

Оно пришло только 12 марта. Но, как видно из показания свидетеля полковника Энгельгарда*, первого председателя революционного штаба Государственной думы, смута в Петрограде к 12 марта приняла уже организованный характер: в этот день между 3 и 5 [redacted] [redacted] [redacted] «Комитет Государственной думы» [redacted] появилась уже «Военная комиссия» этого Комитета, председате[redacted] которой [redacted] первые дни [redacted] был Энгельгард.

Ранним утром 13 марта государь отбыл в Царское, следуя по маршруту Могилев — Орша — Смоленск — Лихославль — Бологое — Тосна. Впереди шел свитский поезд: [redacted] расстоянии часа езды от него — поезд государя. [redacted] пути в [redacted] поезде стало известно, что в Петрограде [redacted] революционная власть [redacted] ею отдано распоряжение направить поезд государя [redacted] в Царское, а в Петроград. Об этом было дано [redacted] в поезд государя, и оттуда последовало распоряжение ехать в Царское. Но узловые пункты Любань и Тосна были [redacted] революционными войсками. Государь принял решение ехать [redacted] Псков.

Там 15 марта последовало отречение [redacted]ператора.

Поздно вечером 16 марта государь возвратился в Могилев, куда [redacted] следующий день прибыла государыня императрица Мария Федоровна.

Государь прощался с чинами штаба. Вечером 20 марта он собственноручно составил свое прощальное обращение к Русской армии, датированное [redacted] 21 марта.

Как известно, революционная власть запретила его распространение.

В дальнейших целях моего расследования [redacted] привожу его содержание полностью.

«В последний раз обращаюсь [redacted] вам, горячо любимые мною войска. После отречения Моего за Себя [redacted] за Сына Моего от престола Российского [redacted] передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да [redacted] ему Бог [redacted] Россию [redacted] пути славы [redacted] благоденствия. Да поможет Бог [redacted] вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. [redacted] продолжение двух с половиной лет [redacted] несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками, одним общим стремлением [redacted] победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война долж[redacted] быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин [redacted] мыслит. Исполняйте [redacted] ваш долг, защищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь [redacted] начальников. Помните, что всякое ослабление порядка службы только [redacted] руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь [redacted] нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог [redacted] да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий».

[redacted] [redacted] последние дни пребывания государя [redacted] ставке, как показывает свидетель Дубенский, генерал Алексеев вел переговоры с Временным правительством о свободном проезде его [redacted] Царское, свободном там пребыва-

---

* Свидетель Б. А. Энгельгард допрошен мною 12 апреля 1921 года в Париже.

[redacted] и свободном отъезде за границу через Мурман.

Свидетель Лукомский показал [redacted] следствии, что Временное правительство гарантировало свободу императору и отъезд его с семьей за границу.

21 марта [redacted] Могилев прибыли члены Государственной думы Бубликов, Вершинин, Грибунин [redacted] Калинин. [redacted] ставке ждали их, думая, что [redacted] командированы Временным правительством «сопровождать» императора [redacted] Царское. Но, когда государь [redacted] [redacted] поезд, эти лица объявили ему через генерала Алексеева, что [redacted] арестован.

Отъезд императора [redacted] ставки состоялся 21 марта. Свидетель Дубенский показывает: «Государь [redacted] из вагона императрицы матери [redacted] прошел [redacted] свой вагон. Он стоял у окна и смотрел [redacted] всех, провожавших его. Почти против его вагона был [redacted] императрицы матери. Она стояла у окна [redacted] крестила сына. Поезд пошел. Генерал Алексеев отдал честь императору, [redacted] когда мимо [redacted] проходил вагон с депутатами, [redacted] снял шапку [redacted] поклонился».

§ 2
Царское в дни переворота

Что происходило [redacted] эти дни [redacted] Царском?

Эта обстановка достаточно подробно [redacted]яснена на следствии показаниями лиц, окружавших [redacted] те дни императрицу и детей: воспитателя наследника цесаревича Жильяра, камер-юнгфер государыни Занотти и Тутельберг, [redacted] детей Теглевой, [redacted] помощницы Эрсберг [redacted] камердинера государыни Волкова*.

В первые дни смуты императрица была вынуждена уделять много внимания детям, постепенно заболевавшим корью.

Первым заболел наследник цесаревич. 7 марта он был уже [redacted] постели с температурой 38,3. Постепенно болезнь захватила всех [redacted] княжен [redacted] протекала у [redacted] бурно, при температуре 40,5. У Марии Николаевны [redacted] Анастасии Николаевны она впоследствии осложнилась воспалением легких.

О событиях, происходивших в Петрограде, императрица осведомлялась преимущественно докладами министра внутренних дел Протопопова.

Будучи [redacted] детьми, она принимала [redacted] доклады от Протопопова по телефону через своего камердинера Волкова.

Общий тон этих докладов был [redacted] Протопопов преуменьшал [redacted] событий [redacted] уверял императрицу, [redacted] он «не допустит [redacted] чего серьезного». Когда [redacted] движение приня[redacted] грозный характер, он растерялся, струсил и вынужден был сознаться, что «дела плохи».

Благодаря Протопопову императрица не имела правильного представления о характере движения. Когда даже камердинер Волков, передавая очередной доклад Протопопова, усомнился и указал императрице, что он [redacted] соответствует действительности, [redacted] даже казаки в Петрограде ненадежны, она спокойно ответила Волкову: «Нет, это [redacted] так. [redacted] России революции быть не может. Казаки [redacted] изменят».

Представляется совершенно очевидным, ввиду данных следствия, что такое состояние императрицы, обусловленное Протопоповым, совпадало по времени как раз с пребыванием в ставке императора. И я не [redacted] сомнений, что ответная телеграмма князю Голицыну, содержание которой было, несомненно, известно заранее императрице, была составлена под воздействием [redacted] Протопопова.

Когда грозные факты встали воочию перед императрицей, [redacted] связь с государем была

Эти свидетели допрошены на следствии: П. А. Жильяр 12—14 сентября 1918 года [redacted] г. Екатеринбурге членом суда Сергеевым и мною: 5—6 марта 1919 года и 27 августа того же года в г. Омске, 14 марта 1920 года в г. Харбине и 27 ноября того же года в Париже; М. Ф. Занотти — мною 11 ноября 1920 года в Париже; М. Г. Тутельберг мною 23—27 июля 1919 года в г. Ишиме; А. А. Теглева мною 5—6 июля 1919 года [redacted] г. Екатеринбурге и 17 июля того же года в г. Тюмени; Е. И. Эрсберг мною 6 июля 1919 года в г. Екатеринбурге, 17 июля того же года в г. Тюмени и 16 марта 1920 года [redacted] г. Харбине; А. А. Волков 22 октября 1918 года [redacted] г. Екатеринбурге членом суда Сергеевым и мною: 20—23 августа 1919 года [redacted] г. Омске [redacted] 15 марта 1920 года в г. Харбине.

порвана, в душе ее родилась тревога. Чувствуя свое одиночество, [redacted] позвала к себе великого [redacted] Павла Александровича. Этот факт [redacted] по себе знаменателен для понима[redacted] ее настроения. После смерти Распутина Павел Александрович, по личному приказа[redacted] императрицы, [redacted] мог появляться во дворце. Теперь она сама звала его.

Она пыталась бороться с событиями [redacted] не верила слухам об отречении государя, считая [redacted] провокационными.

[redacted] конце концов, она пришла, видимо, к выводу о необходимости некоторых уступок и пыталась снестись письменно с императором. Эта [redacted] имела успеха [redacted] являлась уже запоздалой: государь отрекся от престола.

Мужество [redacted] наружное спокойствие не покинули императрицу [redacted] только [redacted] первые дни смуты, но и после отречения императора.

Свидетели показывают:

Эрсберг: «Она была очень выдержана и держала себя [redacted] руках. Она, видимо, не теряла надежды [redacted] лучшее будущее. Я помню, что, когда она увидела [redacted] плачущей [redacted] отречения государя, она утешала и говорила, что народ одумается, призовет Алексея, [redacted] все будет хорошо».

Волков: «К событиям и самому отречению государя [redacted] относилась спокойно, проявляя мужество и выдержку».

Занотти: «Наружно она владела собой».

Жильяр: «Когда она узнала об отречении, [redacted] держала себя [redacted] руках, сохраняя спокойствие».

§ 3

Арест государыни. — Прибытие государя.— Их встреча

Арест государыни произошел [redacted] тот же день, [redacted] арест государя: 21 марта.

Он был выполнен генералом Л. Корниловым, бывшим тогда в должности командующего войсками Петроградского военного округа.

При этом аресте присутствовало только одно лицо: новый начальник царскосельского караула [redacted] Кобылинский, назначенный [redacted] этой должности Корниловым*.

Государыня приняла [redacted] одной из комнат детской половины. Корнилов сказал ей: «Ваше Величество, [redacted] меня [redacted] задача объявить Вам постановление Совета Министров, что [redacted] с этого [redacted] считаетесь арестованной».

После этих кратких слов Корнилов представил государыне Кобылинского. Затем [redacted] приказал ему удалиться [redacted] оставался наедине с ней [redacted] 5 минут.

Указанные [redacted] свидетели, осведомленные об [redacted] от государыни и детей, показали, что, оставшись с императрицей наедине, Корнилов старался успокоить [redacted] убеждал, что [redacted] грозит [redacted] худого.

Затем Корнилов собрал находившихся во дворце лиц и объявил им, что все, [redacted] хочет остаться при царской семье, должны впредь подчиняться режиму арестованных.

[redacted] тот же день произошла [redacted] караула. Сводный полк, охранявший дворец, ушел. Его [redacted] лейб-гвардии Стрелковый полк.

22 марта прибыл государь.

Его встречал [redacted] платформе [redacted] пол[redacted] Кобылинский. Он показывает: «Государь вышел [redacted] и [redacted] быстро, не глядя [redacted] на кого, прошел по перрону [redacted] автомобиль. С ним был гофмаршал [redacted] Василий Александрович Долгоруков. Ко [redacted] перроне подошли двое штатских, [redacted] которых один был член Государственной думы Вершинин, [redacted] сказали мне, что [redacted] миссия окончена: государя [redacted] передали [redacted] поезде с государем [redacted] лиц. Когда государь вышел [redacted] вагона, эти лица посыпались на перрон [redacted] стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, что [redacted] удирал тогда генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цабель. Сцена эта была весьма некрасивая».

Ворота дворца были заперты, когда по-

* Свидетель Е. С. Кобылинский был допрошен мною 6—10 апреля 1919 года в г. Екатеринбурге.

дошел автомобиль государя. Солдат, стоявший здесь, [redacted] открывал [redacted] [redacted] ждал дежур[redacted] офицера. Тот крикнул издали: «Открыть ворота бывшему царю». Многие наблюдали эту сцену прибытия государя. Свидетельница Занотти показывает: «Я прекрасно [redacted] позу офицера (дежурного). Он [redacted] обидеть государя: он стоял, когда государь [redacted] ми[redacted] него, [redacted] во рту папиросу и держа руку [redacted] кармане».

На крыльцо вышли другие офицеры. Они все были [redacted] красных бантах. Ни один [redacted] них, когда проходил государь, [redacted] отдал ему чести. Государь отдал [redacted] честь.

Государыня спешила навстречу ему. Но он предупредил ее и встретился с ней [redacted] детской половине. При этой встрече присутствовал только камердинер Волков. Он пока[redacted] «С улыбочкой [redacted] обнялись, поцеловались и пошли [redacted] детям».

Позднее, оставшись друг с другом, [redacted] плакали. Это видела [redacted] девушка государыни Демидова, погибшая [redacted] с царской семьей. Она рассказывала об этом другим, оставшимся [redacted].

ГЛАВА ВТОРАЯ

§ 1

Мотивы ареста государя [redacted] государыни

Постановление Временного правительства о лишении свободы государя и государыни состоялось 20 марта. [redacted] [redacted] [redacted] указано мо[redacted] принятия такой меры.

[redacted] пытался вскрыть их допросами трех лиц: [redacted] Временного правительства, председателя Совета Министров князя Львова, министра юстиции [redacted] его составе Керенского [redacted] министра иностранных дел Милюкова*.

Князь Львов показал: «Временное правительство не могло, конечно, [redacted] принять некоторых мер [redacted] [redacted] [redacted] государства, только что потерявшего власть. Эта мера, принятая [redacted] [redacted] императора [redacted] его супруги по постановлению Временного правительства, состояла [redacted] лишении их свободы. [redacted] бы сказал, что принятие ее [redacted] тот момент было психологически неизбежным, вызываясь всем ходом событий. Нужно было оградить бывшего [redacted] верховной власти от возможных эксцессов первого революционного потока».

Кроме этой причины [redacted] свободы Их Величеств, [redacted] Львов указал еще [redacted] другую: «Временное правительство было обязано, ввиду определенного общественного мнения, тщательно [redacted] беспристрастно обследовать поступки бывшего царя [redacted] царицы, [redacted] которых общественное мнение видело вред националь[redacted] интересам страны как с [redacted] зрения [redacted]тересов внутренних, [redacted] [redacted] внешних, ввиду войны [redacted] Германией».

Керенский показал: «Николай II [redacted] Александра Федоровна были лишены свободы [redacted] [redacted] Временного правительства, состоявшемуся 20 марта. Было две категории причин, которые действовали [redacted] [redacted] направ[redacted] Крайне возбужденное настроение солдатских тыловых масс [redacted] рабочих Петроградского [redacted] Московского районов было крайне враждебно Николаю. Вспомните [redacted] выступление 20 марта [redacted] пленуме московского Со[redacted] Там раздались требования [redacted] его, прямо ко [redacted] обращенные. Протестуя от имени правительства против [redacted] требований, [redacted] сказал [redacted] про себя, [redacted] [redacted] никогда [redacted] приму [redacted] себя роли Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд. Самая [redacted] злобы рабочих [redacted] [redacted] глубоко [redacted] [redacted] настроениях. [redacted] понимал, [redacted] дело здесь гораздо больше [redacted] в самой личности Николая II, а [redacted] идее «царизма», пробуждавшей злобу [redacted] чувство мести... Вот первая причина, побудившая Временное правительство лишить свободы царя [redacted] Александру Федоровну. Правительство, лишая их свободы, создавало [redacted] охрану [redacted] личности. Вторая группа причин [redacted] [redacted] на-

* Эти свидетели были допрошены мною в Париже: князь Г. Е. Львов — 6—30 июля 1920 года. А. Ф. Керенский — 14—20 августа того же года, П. Н. Милюков — 23 октября того же года [redacted] 12 июля 1922 года.

строениях [redacted] общественных масс. Если рабоче-крестьянские массы были равнодуш[redacted] к направлению внешней [redacted] царя [redacted] его правительства, то интеллигентско-буржу[redacted] и, [redacted] частности, высшее офицерство определенно усматривали [redacted] всей внутренней и внешней [redacted] царя [redacted] в особенности в действиях Александры Федоровны [redacted] ее кружка ярко выраженную тенденцию развала страны, имевшего, в конце концов, целью сепаратный мир [redacted] содружество с Германией, Временное правительство было обязано обследовать действия царя, Александры Федоровны и ее кружка [redacted] этом направлении.

Постановлением Временного правительства от 17 марта 1917 года была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия, которая должна была обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя [redacted] вообще лиц, приковывавших [redacted] себе внимание общества своими действиями во вред интересам страны.

Эта комиссия [redacted] должна была обследовать также роль Николая, Александры Федоровны [redacted] ее кружка.

Необходимость такого обследования указывалась в [redacted] мотивах постановления Временного правительства об учреждении комиссии. Для того, чтобы эта комиссия могла выполнить [redacted] обязанности, необходимо было принять известные меры пресечения [redacted] отно[redacted] Николая и Александры Федоровны. Эта необходимость [redacted] была второй причиной [redacted] свободы».

Милюков показал: «Мне абсолютно [redacted] сохранила [redacted] ничего [redacted] том, как, когда состоялось решение вопроса об аресте царя и царицы. Я совершенно ничего [redacted] помню по этому вопросу. Представляя себе вообще характер событий того времени, [redacted] кажется, что Временное правительство, по всей вероятности, санкционировало известную меру, предложенную ему Керенским. [redacted] то время некоторые заседания правительства происходили секретно, [redacted] журнала таких заседаний [redacted] велось. Вероятно, [redacted] такой [redacted] форме состоялось и решение самого вопроса».

§ 2
Инструкция Керенского для царской семьи. — Режим

Лишение свободы Их Величеств создало для них особый уклад жизни.

Кто установил его?

Керенский показал [redacted] следствии: «Установление известного режима в отношении Николая II, его [redacted] всех вообще лиц, которые пожелали остаться с ними, было возложено Временным правительством [redacted] Мне [redacted] принадлежало и наблюдение за вы[redacted] режима... Согласно воле Временного правительства, я выработал инструкцию, которая устанавливала самый режим [redacted] Царском, и передал ее для руководства Коровиченко» (коменданту дворца).

Инструкция вводила следующие ограничения:

а) Царская семья [redacted] все, кто остался с ней, были изолированы от внешнего мира.

б) Заключенные пользовались правом передвижения [redacted] пределах дворца.

в) Для прогулок были отведены особые места в парке, специально для этого огороженные. Во время прогулок узники окружались караулом.

г) Богослужения совершались в дворцовой церкви.

д) Всякие свидания с заключенными были абсолютно запрещены [redacted] могли быть допущены только с согласия Керенского.

е) Вся переписка подвергалась цензуре коменданта дворца.

ж) Дворец [redacted] парк были оцеплены караулами солдат.

з) Существовало двойное наблюдение за жизнью заключенных: наружное, принадле[redacted] начальнику караула, и внутреннее, принадлежавшее коменданту дворца.

Кроме этих общих мер, были приняты еще две, направленные, [redacted] образом, на особу императора.

Первая состояла [redacted] отобрании у императора его различных документов по требованию Чрезвычайной следственной комиссии, что [redacted] место [redacted]

Вторая мера состоя. в ограничении сво-

боды императора и внутри дворца. Он был отделен на некоторое время от государыни [redacted] виделся с нею, под наблюдением дежурного офицера, [redacted] присутствии всей [redacted] [redacted] приближенных только за столом. Позволялось в это время вести беседы лишь [redacted] общие темы. По этому поводу Керенский показал [redacted] следст[redacted] «Эта мера была принята лично мною, по моей инициативе, после одного из докладов, сделанного [redacted] по [redacted] делу Следственной комиссией. Имелся в виду возможный допрос их комиссией. В целях беспристрастного расследования [redacted] признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом [redacted] объявил сам лично. Александре Федоровне было объявлено об этой мере Коровиченко по моему приказанию... Такой порядок был установлен мною, кажется, [redacted] первых числах [redacted] [redacted] существовал приблизительно с месяц. Затем надобность в нем исчезла, [redacted] он был отменен».

Жизнь царской [redacted] [redacted] отречения императора — это состояние ареста. В [redacted] его лежала, [redacted] образом, мысль получить [redacted] способом возможность найти «вину» царя и царицы перед Родиной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ*

§ 1

Жизнь заключенной семьи в Царском. Эксцессы революционной среды

Эта идея создала основной фон жизни царской семьи [redacted] период ее пребывания [redacted] Царском.

На этой почве вырастали многие эксцессы, порождая для семьи неведомые [redacted] дотоле переживания.

Строгость режима, установленного Керенским, показалась некоторым из гг. революционных офицеров недостаточной. Они потребовали от полковника Кобылинского, чтобы вся царская семья ежедневно предъявлялась им. Упадок дисциплины, моральная распущенность [redacted] мещанское любопытство прикрывались здесь соображениями, что [redacted] [redacted] бежать. Кобылинский долго боролся с такими домогательствами, но, [redacted] конце концов, он должен был сделать доклад генералу П. А. Половцеву, сменившему Корнилова. Требова[redacted] офицеров было удовлетворено в несколь[redacted] смягченной форме: ежедневно, когда цар[redacted] [redacted] выходила к завтраку, в столовую являлись два офицера: кончавший дежурство и вступавший в него. Однажды, когда оба офицера явились к царской семье, государь простился с офицером, уходившим [redacted] дежурства, и, по своему обыкновению, протянул руку его заместителю. Тот отступил назад и [redacted] принял ее. Государь подошел к нему, [redacted] его за плечи и, заметно волнуясь, сказал: «Голубчик, за что?» Офицер ответил: «Я — из народа. Когда народ протягивал Вам руку, [redacted] не приняли ее. Теперь я [redacted] подам [redacted] руки». Этот офицер гордился впоследствии [redacted] поступком. Его фамилия Ярынич.

При полном безвластии того времени царскосельский совдеп также [redacted] [redacted] [redacted] [redacted] и «делегировал» [redacted] помощь Кобылинскому своего человека: армянина Домодзянца, [redacted] чине прапорщика. «Глупый, грубый и нахальный», по свидетельству Кобылинского, он упорно стремился проникнуть [redacted] дворец в роли начальствующего лица. Когда это [redacted] удалось, [redacted] [redacted] подкарауливать царскую [redacted] [redacted] парке и, как мог, отравлял ей жизнь. О нем упоминает в своем дневнике

---

* Содержание настоящей главы, кроме показаний предыдущих свидетелей, основывается еще на показаниях камердинера государя Т. И. Чемодурова, лакея наследника цесаревича С. И. Иванова, преподавателя английского языка детям С. И. Гиббса, дочери доктора Боткина Т. Е. Мельник и на записях в дневнике наследника цесаревича. Свидетели Т. И. Чемодуров, С. И. Иванов и С. И. Гиббс были допрошены: первый членом суда Сергеевым 15—16 августа 1918 года в г. Екатеринбурге, второй мною 18 июля 1919 года в г. Тюмени, третий мною 1 июля 1919 года в Екатеринбурге. Письменные показания Т. Е. Мельник составлены ею для дела 24 июня 1920 года. Дневник наследника цесаревича был обнаружен при обыске у охранника М. И. Летемина 6 августа 1918 года в Екатеринбурге.

наследник цесаревич [redacted] бранит [redacted] метким русским словом. Как [redacted] Ярынич, он также не принял однажды руки государя.

Подобные случаи повторялись неоднократ[redacted] и, [redacted] видно [redacted] показаний свидетелей, особенно тяжело отражались на состоянии детей, [redacted] у них чувство оскорбления, душевного возмущения.

Один из офицеров, студент университета, неизвестный мне по фамилии, особенно старался проявить [redacted] бдительность по охране [redacted] обыкновенно ни [redacted] [redacted] не отходил от семьи [redacted] время прогулок в парке. Идя однажды сзади государя, [redacted] буквально стал наступать ему [redacted] [redacted] Взмахом трости назад государь был вынужден охладить пыл революционера-охранника.

Подобное поведение некоторых [redacted] офицеров, а иногда [redacted] прямая агитация таких, [redacted] Домодзянц, развращали солдат. Они [redacted] старались проявить собственную инициативу в деле охраны [redacted] переходили границы всякой пристойности. Во время прогулок они [redacted] отходили от семьи, подсаживались к императрице, разваливались [redacted] непринужденных позах, курили [redacted] [redacted] неприятные для нее речи.

Однажды они увидели [redacted] руках наследника его маленькую винтовку. Это была модель русской винтовки, сделанная для него одним из русских оружейных заводов, ружье-игрушка, совершенно безвредная, ввиду отсутствия специальных для [redacted] патронов. Солдаты усмотрели опасность и через офицера потребовали обезоружить наследника.

Мальчик разрыдался [redacted] долго горевал, пока полковник Кобылинский тайно от солдат [redacted] передал ему ружья по частям, в разобранном виде.

Когда дети поправлялись после болезни, семья собралась как-то вся вместе и проводила вечер [redacted] чтением. В комнату вошли солдаты [redacted] заявили, что отсюда идут сношения с [redacted] миром путем световой сигнализации. Это — одна из княжен, занимаясь рукоделием, машинально покачивалась [redacted] сторо[redacted] в сторону. Ее тень и была принята за сигнализацию.

Солдаты входили во внутренние покои дворца, где [redacted] было [redacted] постов, рассматривали обиход семьи, [redacted] невежественные, [redacted] [redacted] грубые суждения.

Иногда поступки [redacted] были [redacted] всякого смысла, носили чисто хулиганский характер. [redacted] парке [redacted] дикие козы. Один [redacted] солдат, стоя [redacted] часах, застрелил одну. Он подвергся репрессии. Но, когда он снова стоял на том [redacted] посту, он застрелил другую.

Склонность революционных солдат к воровству была немалая. Часовые взламывали хранилища с царскими вещами, находившиеся вне [redacted] дворца, забирались [redacted] кладовые, похищали провизию.

Были в составе охраны и иные люди как среди офицеров, так и среди солдат. Они совсем иначе относились к царской семье, но делали они это тайно, боясь обнаружить свои чувства.

§ 2
Царская семья [redacted] приближенные

Мученичество царя порождала [redacted] одна только революционная среда. [redacted] погрешил бы перед истиной, [redacted] [redacted] умолчал о некоторых лицах, издавна окружавших царя [redacted] пользовавшихся его милостями.

В числе других людей, наиболее близкими к царю до его отречения от престола, были: начальник походной канцелярии Нарышкин, [redacted] конвоя граф Граббе, флигель-адъютант Мордвинов, флигель-адъютант герцог Н. Н. Лейхтенбергский, флигель-адъютант Н. П. Саблин, заведовавший делами государыни граф Апраксин.

Мы видели, [redacted] уходил Нарышкин из поезда царя, прибыв вместе с ним в Царское. Перед отъездом царя [redacted] Тобольск ему была дана возможность взять с собой несколько человек по его личному выбору. Он выбрал Нарышкина. Когда последнему было объявлено желание государя, он попросил 24 часа на размышление. Государь не стал ждать конца его размышлений и выбрал И. Л. Татищева.

Прибыв во дворец 22 марта, Государь ждал, что [redacted] нему [redacted] замедлят явиться Морд[redacted] и герцог Лейхтенбергский. Они не ехали. Он справился о [redacted] у камердинера Волкова. Тот пошел к обер-гофмаршалу графу

Бенкендорфу. «Доложи,— [redacted] Бенкендорф,— не приехали и не приедут».

[redacted] показании Волкова значится: «Государь не подал никакого вида и только сказал: «Хорошо». А Мордвинов был одним из [redacted] любимых флигель-адъютантов. Таким же любимым флигель-адъютантом был Саблин. Когда [redacted] дни переворота [redacted] дворцу стали стягивать войска и пришел гвардейский экипаж, [redacted] составе которого находился Саблин, я видел почти всех офицеров экипажа. Но Саблин не явился [redacted] больше не показался царской семье...»

Граф Апраксин был [redacted] дворце, когда генерал Корнилов арестовал государыню. Он остался [redacted] числе добровольно арестованных, но через несколько дней ушел.

Граф Граббе тайно скрылся, бежал не только от семьи, [redacted] [redacted] от своей службы.

Свидетели показали:

Кобылинский: «Самоотвержения графа Апраксина хватило всего-навсего дня на три, не больше. Он [redacted] скоро подал заявление и просил его выпустить, так [redacted] де [redacted] дела здесь, во дворце, [redacted] кончил».

Теглева: «Многие [redacted] им... Граф Апраксин ушел от них, убежал начальник конвоя граф Граббе. Забыл их близкий государю человек, свитский генерал Нарышкин, ни разу [redacted] не навестивший [redacted] Царском».

Эрсберг: «Ни разу [redacted] ним [redacted] [redacted] свитский генерал Нарышкин. Убежал от них начальник [redacted] граф Граббе. Ушел Апраксин. Ни разу к ним [redacted] пришел и ушел от [redacted] старший офицер гвардейского экипажа флигель-адъютант Николай Павлович Саблин».

Не все оказалось благополучным и в среде дворцовой прислуги. Многие приняли на себя роль добровольных сыщиков [redacted] шпионов. Когда императрица поняла серьезность положения, [redacted] уничтожила некоторые [redacted] документы при помощи Вырубовой. Как только Керенский прибыл во дворец, ему было сейчас [redacted] доложено об этом прислугой. Донос встревожил Керенского. Производилось расследование: допрашивалась прислуга, осматривались печи. Вырубова была отправлена в крепость.

Старый дядька наследника цесаревича боцман Деревенко, тот самый, [illegible] детей которого протекли первые годы [redacted] наследника, кто [redacted] [redacted] [redacted] руках [redacted] время болезни, [redacted] первые [redacted] дни переворота проявил злобу к нему [redacted] оказался большевиком [redacted] вором.

Всем [redacted] людям [redacted] противопоста[redacted] двух других, никогда не принадлежавших [redacted] придворной среде. Это были девушка Маргарита Хитрово [redacted] [redacted] Ольга Колзакова. Они не боялись [redacted] общение с заключенной семьей и [redacted] своих письмах слали ей слова любви и глубокой преданности, не прикрывая своих [redacted] никакими условностями.

Но [redacted] особо полагаю себя обязанным отметить высокую степень личного благородст[redacted] и глубочайшую преданность русскому царю и его семье двух лиц: воспитателя наследника цесаревича швейцарца Жильяра и преподавателя английского [redacted] детям англичанина Гиббса.

Неоднократно подвергая жизнь [redacted] риску, Жильяр всецело жертвовал собой для семьи, [redacted] ему, [redacted] иностранцу, ничего не стоило уйти от [redacted] [redacted] первую же минуту.

В момент ареста государыни Гиббс [redacted] был [redacted] дворце. Потом его уже [redacted] впустили. Он настойчиво стал требовать пропуска и подал письменное заявление, чтобы ему позволили учить детей. В показании его значится: «Вре[redacted] правительство не [redacted] [redacted] быть при них. Отказ, я [redacted] хорошо это помню, [redacted] подписи пяти министров. [redacted] не [redacted] теперь, [redacted] именно, но я помню, что [redacted] пяти министров, причем из моего ходатайства было видно, что [redacted] преподаю науки детям... Мне, англичанину, это было смешно». Пять революционных министров [redacted] сломили воли упорного англичанина. Он соединился с семьей, но уже в Сибири. [redacted] показании его значится: «Я приехал [redacted] Тобольск сам. Я хотел быть при семье, так [redacted] я им предан... Это было в час дня. Я был принят государем [redacted] его кабинете, где была императрица [redacted] Алексей Николаевич. Я [redacted] рад был [redacted] видеть. Они рады были [redacted] видеть. Императрица [redacted] это время уже понимала, что не все, которых она считала преданными им, были им преданы. Им не оказался преданным начальник конвоя граф Граббе. Граббе убежал от них на Кавказ во время революции».

§ 3

Должностные лица: дворцовые коменданты Коцебу и Коровиченко, военный министр Гучков, министр юстиции Керенский

Как относились к семье те люди, которым принадлежала власть над [redacted] [redacted] дни революционного потока?

Ближайшая [redacted] была [redacted] руках дворцового коменданта Коцебу и начальника караула Кобылинского.

Штаб-ротмистр Коцебу, офицер Уланского Ее Величества полка, был первым революционным комендантом. Его [redacted] на эту должность генерал Корнилов. Все свидетели в одинаковых выражениях говорят [redacted] роли Коцебу: он служил [redacted] революции, а царской семье. Но [redacted] [redacted] был искушен в этом трудном деле и [redacted] учел настроения дворцовой прислуги. Когда [redacted] сидел и беседовал с Вырубовой, [redacted] [redacted] внимательно следили. Подсмотрели, [redacted] он передает царской семье письма, [redacted] вскрывая [redacted] [redacted] читая [redacted] В результате последовал донос, [redacted] Коцебу был уволен.

После него короткое время обязанности коменданта нес Кобылинский, [redacted] затем комендантом был [redacted] Коровиченко.

Павел Александрович Коровиченко — военный юрист по образованию и адвокат по профессии. Политический единомышленник Керенского, связанный с [redacted] [redacted] общностью профессии [redacted] [redacted] узами, он был [redacted] полном смысле слова «оком» Керенского во дворце. [redacted] [redacted] последнего значится: «Коровиченко, [redacted] лицо, [redacted] мною, который был уполномоченным Временного правительства, [redacted] уполномоченным от меня. Ему [redacted] в мое отсутствие принадлежала [redacted] [redacted] власти».

Своей личной персоной Коровиченко не [redacted] зла семье. Наоборот, [redacted] старался сделать ее заключение менее стеснительным. Но не принадлежа [redacted] той среде, [redacted] которую он попал, [redacted] [redacted] умел держать себя и казался семье грубым, бестактным, плохо воспитанным. Передавая [redacted] письма или беседуя с ними, он «в шутку» говорил с ними словами [redacted] писем, [redacted] замечая, что такие «шутки» коробят их. Семья [redacted] любила его. Он оставил свой пост добровольно, будучи назначен командующим войсками [redacted] Казанского, [redacted] затем Ташкентского [redacted] округа, где [redacted] был убит большевиками.

После Коровиченко обязанности коменданта снова перешли [redacted] Кобылинскому, который сохранил их до самого конца. Поэтому о роли Кобылинского я скажу впоследствии.

Из лиц, [redacted] высшую власть, в Царском бывали: генерал Корнилов, военный министр Гучков и министр юстиции Керенский.

Несмотря на неблагодарную роль, которую принял [redacted] себя Корнилов, [redacted] некоторую сухость [redacted] нему императрицы, он [redacted] же, видимо, ни у кого не оставил во дворце чувст[redacted] недоброжелательства [redacted] себе.

В [redacted] камердинера Волкова значится: «Арестовывать государыню приезжал генерал Корнилов. [redacted] его [redacted] тогда видел... Держал себя Корнилов наружно с достоинством, как держали себя все приезжавшие в старое время во дворец. Государыня нисколько [redacted] была огорчена после отъезда Корнило[redacted] и была так же спокойна, как и раньше, до его приезда. [redacted] уверен, что Корнилов лично не сделал Ее Величеству ничего худого [redacted] [redacted] при[redacted] ей никакой обиды».

В таких [redacted] выражениях говорят об этом и [redacted] другие свидетели.

Когда позднее Керенский объявил Корнилова изменником России и государь узнал об этом, он выражал свое глубокое возмущение [redacted] негодовал [redacted] Корнилова.

Гучков был [redacted] Царском, видимо, один раз и до приезда государя.

Свидетели показали:

Князь Львов: «Он (Гучков) ездил туда, [redacted] военный министр. Делал ли он тогда доклад [redacted] поводу своей поездки, [redacted] [redacted] помню; с кем он [redacted] имел общение, [redacted] не знаю».

Камер-юнгфера Занотти: «После, должно быть, приезда Корнилова приезжали [redacted] нам [redacted] дворец еще какие-то люди. Насколько я могу помнить, среди [redacted] был тогда Гучков. [redacted] хорошо помню, что государыня тогда очень волновалась по поводу их приезда и выражала свое негодование по этому поводу: ей было неприятно [redacted] видеть. Но она видела тогда Гучкова (я теперь хорошо помню: да, это был Гучков). Она после говорила, что

приезд его был бесцелен, что ему [redacted] для чего было приезжать».

Камердинер Волков: «Зачем он (Гучков) тогда приезжал [redacted] императрице, [redacted] [redacted] знаю. Его [redacted] не звал. Приезжал он тогда сам и без предупреждения. Когда он шел назад, один из офицеров, приезжавших с ним, как заметно было, основательно пьяный, обратился ко мне, гардеробщику Ивану Мартышкину и лакеям Труппу [redacted] Предовскому (мы все стояли вместе) [redacted] злобно крикнул нам: «Вы — наши враги. Мы — ваши враги. Вы здесь все продажные». Он это кричал громко, с непри[redacted] жестами, [redacted] пьяный. [redacted] [redacted] ему: «Вы, милостивый государь, [redacted] нашем благородстве ошибаетесь». Больше [redacted] ничего не стал ему говорить. Гучков шел впереди [redacted] расстоянии всего нескольких [redacted] от этого [redacted] офицера [redacted] даже [redacted] [redacted] повернул [redacted] эти слова. Он [redacted] [redacted] не [redacted] этих слов».

Относились ли эти слова к [redacted] дворца?

Хотя [redacted] допрашивал Гучкова*, [redacted] свидетеля, [redacted] по узко специальному вопросу. Я надеялся, что [redacted] даст впоследствии более пространное, исчерпывающее показание. [redacted] его дальнейшее отношение [redacted] делу дало мне основание думать, что [redacted] [redacted] желает более свидетельствовать. Поэтому, освещая его посещение Царского [redacted] следствия, я, как судья, отнюдь [redacted] настаиваю, что они вполне соответствуют истине.

Первое свидание Керенского с царской семьей произошло [redacted] апреля 1917 года. Он был принят Их Величествами [redacted] присутствии наследника цесаревича и великих княжен: Ольги Николаевны [redacted] Татьяны Николаевны. Никто из посторонних при [redacted] не присутствовал [redacted] очевидцем происходившего [redacted] был. Правда, [redacted] детей Теглева находилась в соседней комнате, [redacted] [redacted] [redacted] только первые сло[redacted] Керенского и [redacted] существенного [redacted] дело не внесла.

Сам Керенский [redacted]: «Я видел тогда царя, Александру Федоровну и детей, познакомился с [redacted]. [redacted] был принят в одной из [redacted] детской [redacted]. Свидание [redacted] этот раз было коротким. После обычных слов знакомства [redacted] спросил их, [redacted] [redacted] ли [redacted] сделать мне, как представителю власти, [redacted] либо заявлений, передал им приветствие от английской королевской [redacted] и [redacted] несколько общих фраз успокоительного характера. В это [redacted] свидание [redacted] осмотрел помещение дворца, проверил караулы, дал некоторые указания руководящего характера».

Жильяр рассказывает в своей книге**, со слов наследника цесаревича, [redacted] Керенский во время этого первого свидания, уединившись с государем, [redacted] ему: «Вы знаете, что [redacted] добивался [redacted] смертной казни, [redacted] наказания... Я это сделал, [redacted] множество моих товарищей [redacted] жертвой своих убеждений».

[redacted] [redacted] [redacted] [redacted] виду при допросе Керенского этого рассказа и поэтому его [redacted] про «общие фразы успокоительного характера» могу лишь [redacted] на его совести.

Керенский бывал [redacted] Царском неоднократно. Он говорил на следствии: «... [redacted] был там приблизительно 8—10 раз, [redacted] [redacted] обязанности, [redacted] на [redacted] Временным правительством. [redacted] [redacted] посещения [redacted] видел Ни[redacted] иногда одного, иногда [redacted] с Александрой Федоровной».

Как же Керенский [redacted] к царской семье?

Многие из свидетелей, по [redacted] психологии, были несомненно враждебны Керенскому. Тем [redacted] менее [redacted] [redacted] [redacted] [redacted] довольно выпукла.

Чемодуров: «Отношение Керенского [redacted] государю [redacted] [redacted] семье было [redacted] благожела[redacted] и корректное».

Теглева: «Я была невольной свидетельницей первого прибытия [redacted] [redacted] Керенского [redacted] его первого приема государем. Он [redacted] принят тогда Их Величествами [redacted] классной [redacted] [redacted] присутствии Алексея Николаевича, Ольги Николаевны [redacted] Татьяны Николаевны. [redacted] [redacted] раз застряла тогда [redacted] ванной, [redacted] [redacted] [redacted] было пройти в первое время. Я видела лицо Керенского, когда [redacted] один шел [redacted] Их Величе-

* Свидетель А. И. Гучков был допрошен мною 15 сентября 1920 года [redacted] г. Париже.

** Трагическая судьба императора Николая II.

ствам: препротивное лицо: бледно-зеленое, надменное, голос искусственный, металлический. Государь ему сказал первый: «Вот моя семья. Вот мой сын [redacted] две старшие дочери. Остальные больны: [redacted] постели. Если [redacted] хотите, [redacted] видеть». Керенский ответил: «Нет, нет. [redacted] не хочу беспокоить». До [redacted] донеслась сказанная дальше [redacted] фраза: «Английская королева справляется о здоровье бывшей государыни». Дальнейшего разговора [redacted] не слышала, так как [redacted] удалилась. [redacted] видела лицо Керенского, когда он уходил: важности нет, сконфуженный, красный; он шел и вытирал пот с лица... Он приезжал потом. Дети [redacted] [redacted] их общее впечатление о приездах Керенского. Они говорили, что Керенский [redacted] в обращении с ними. Он стал относиться к [redacted] гораздо мягче, [redacted] в первый раз, проще. Он справлялся у них, не терпят [redacted] они каких притеснений, оскорблений от солдат, [redacted] готовность все это устранить».

Эрсберг: «Относительно Керенского я могу [redacted] следующее. [redacted] видела его или [redacted] первый раз, когда он приезжал во дворец, или [redacted] одно [redacted] первых его посещений дворца. Лицо у него было надменное, голос громкий, деланный. Одет он был неприлично: [redacted] тужурку, без крахмального белья. Вероятно, общение с августейшей семьей, в которой он [redacted] мог не почувствовать хороших людей, по[redacted] [redacted] него [redacted] лучшему, и он, вероятно, потом изменился [redacted] [redacted] с семьей. Я [redacted] помню, от кого, [redacted] мне пришлось слышать, что перед отъездом семьи [redacted] Тобольск он, разговаривая с государем, говорил ему, что [redacted] из добрых побуждений переселяет [redacted] из Царского в Тобольск, как удаленный от [redacted] дорог, тихий и спокойный город, где [redacted] будет лучше; что он, Керенский, надеется, [redacted] государь не усмотрит [redacted] его действиях «ловушки». Государь ему ответил, что [redacted] ему верит».

Занотти: «Сама я лично [redacted] могла быть, конечно, при приеме государем и государыней [redacted] первый раз Керенского. Лично Керенского я видела. Он был [redacted] простой рабочей тужурке. Держал [redacted] себя прилично. С деть[redacted] [redacted] говорила про Керенского. [redacted] [redacted] такое впечатление относительно Керенского: Керенский был в первые дни его приезда к [redacted] очень нервен. Он совершенно [redacted] понимал [redacted] Величеств. Потом [redacted] получил от них другие впечатления. Отношения между Их Величествами [redacted] Керенским стали проще, [redacted] Их Величества, безусловно, не относились, в конце концов, [redacted] душе [redacted] [redacted] Керенскому так, как, вероятно, сначала... Я должна сказать, что лично Керенский относился вполне вежливо [redacted] царской семье [redacted] [redacted] не делал ничего ей неприятного».

Волков: «Под конец царская семья, [redacted] надо думать, привыкла [redacted] Керенскому. [redacted] по совести могу удостоверить, что государыня как-то говорила про Керенского мне лично: «Он ничего. Он славный человек. С [redacted] можно говорить».

Жильяр: «Керенский в Царском был несколько раз. Он приезжал [redacted] нам, как [redacted] правительства, чтобы видеть условия нашего режима. Его обращение с государем носило характер сухой, официальный. На меня это его обращение производило впечатле[redacted] отношения судьи к обвиняемому, в виновности которого судья убежден. Мне казалось, что Керенский считает государя [redacted] чем-то [redacted] и поэтому обращается с ним сухо. Однако [redacted] должен сказать, что все [redacted] Керенский проявлял полную корректность... Явившись после этого (после отобрания бумаг у государя) [redacted] дворец, Керенский был другой. Его обращение с государем изменилось к лучшему. Оно утратило характер прежней сухости [redacted] стало более мягким. [redacted] эту перемену объясню так. Мне казалось, что Керенский, ознакомившись с содержанием отобранных им у государя бумаг, понял, что государь не совершил ничего плохого перед Родиной, и сразу переменился в обращении с ним».

Гиббс: «Государь [redacted] (в Тобольске) немножко рассказывал про Керенского. Он мне говорил, что Керенский [redacted] нервничал, когда бывал с государем. Его нервность однаж[redacted] дошла до того, что он схватил со стола нож слоновой кости для разрезывания книг [redacted] так [redacted] его вертеть, что государь побоялся, что он его сломает, и [redacted] его из рук Керенского. Государь мне рассказывал, что Керенский думал про государя, что [redacted] хо-

тел заключить сепаратный договор с Германией, [redacted] об этом с государем говорил. Государь это отрицал, и Керенский сердился и нервничал. Производил ли Керенский обыск у государя, [redacted] Но государь говорил мне, что Керенский думал, что у государя есть такие бумаги, из которых было бы видно, что он [redacted] мир с Германией. [redacted] государя, и [redacted] понимал и видел, что, когда [redacted] рассказывал, у [redacted] душе было чувство презрения [redacted] Керенскому за то, что Керенский смел [redacted] думать».

Сам Керенский [redacted] «Я заявляю, что с того момента, когда государь отдал себя и свою семью под покровительство Временного правительства, [redacted] себя обязанным по долгу [redacted] перед Временным правительством оградить неприкосновенность семьи и гарантировать ей [redacted] обращении с ней черты джентльменства».

Найдена ли истина?

Я бы охотно поверил [redacted] джентльменство Керенского — ведь об [redacted] говорит [redacted] только [redacted] он, [redacted] свидетели — если бы [redacted] существовало иных фактов.

С гордо поднятой головой [redacted] в жилище царя Керенский. Он нес в себе уверенность [redacted] царя перед Россией. Ею проникнута та инструкция, которую он [redacted] лично составил для царственных узников*. Керенский вдавался [redacted] ней [redacted] большие [redacted] совершенно излишние подробности. Указывая, [redacted] блюда [redacted] кушать семья, [redacted] требовал, чтобы заключенный царь был скромен, чтобы его семья впредь «воздерживалась употреблять горячие закуски».

А после убийства царской [redacted] Екатеринбурге были найдены [redacted] шаровары императора**. На [redacted] оказались маленькие заплаты, [redacted] внутри левого [redacted] кармана, [redacted] материи, [redacted] надпись-пометка: «Изготов[redacted] августа 1900 года», «возобновлены 8 октября 1916 года».

Камердинер Волков, [redacted] лет знавший личную жизнь государя, обучавший его с молодых лет военному строю, показывает: «Его платья были часто [redacted] любил он мотовства [redacted] роскоши. Его штатские ко[redacted] велись у [redacted] с [redacted] времен, и [redacted] пользовался ими».

Своей инструкцией, чуждой, конечно, [redacted] джентльменства, [redacted] Керенский общение с царем.

Как он его закончил?

[redacted] упоминал [redacted] Маргариты Серге[redacted] Хитрово. Молоденькая девушка любила царскую семью [redacted] особенности Ольгу Николаевну. Это было чувство личного «институтского» обожания, чуждое всяких иных интересов. Ее облик был прекрасно [redacted] Керенскому.

Как только [redacted] узнала, что царскую семью увезли [redacted] Тобольск, она сейчас [redacted] последовала [redacted] ней.

А Керенский, [redacted] только узнал об отъезде Хитрово, отправил [redacted] Тобольск прокурору такую телеграмму:

Тобольск Прокурору суда [redacted] очереди.

Расшифруйте лично [redacted] если комиссар Макаров или [redacted] Думы Вершинин Тобольске [redacted] присутствии точка Предписываю установить строгий надзор [redacted] всеми приезжающими [redacted] пароходе [redacted] Тобольск выясняя личность [redacted] место откуда [redacted] равно путь которым приехали [redacted] остановки точка Исключительное внимание обратите приезд Маргариты Сергеевны Хитрово молодой светской девушки которую немедленно [redacted] пароходе арестовать обыскать отобрать [redacted] письма паспорты и [redacted] произведения все вещи не составляющие личного дорожного багажа деньги обратите внимание [redacted] подушки во вторых имейте в виду вероятный приезд десяти лиц из Пятигорска могущих впрочем прибыть [redacted] путем точка Их тоже арестовать обыскать указанным порядком точка Ввиду того что указанные лица могли уже прибыть в Тобольск произведите тща[redacted] дознание и [redacted] случае их обнаружения арестовать обыскать тщательно выяснить с

---

* Инструкция в разорванном виде была найдена 8 сентября 1918 года [redacted] г. Екатеринбурге, в здании Волжско-Камского банка, где помещался Уральский областной Совет, товарищем прокурора Н. И. Остроумовым.

** Шаровары императора были похищены из дома Ипатьева охранником Леонидом Васильевым Лабушевым. Они были найдены [redacted] частной квартире 7 августа 1918 года чинами Екатеринбургского уголовного розыска [redacted] присутствии камердинера Чемодурова.

кем виделись точка У [redacted] кого видели произвести обыск и [redacted] впредь до распоря[redacted] Тобольска не выпускать имея бдительный надзор точка Хитрово приедет одна остальные вероятно [redacted] точка Всех аре[redacted] немедленно под надежной охраной доставить [redacted] Москву Прокулату Если (они) кто-либо из них проживал уже Тобольске произвести (обыск) доме обитаемом бывшей царской семьей тщательный обыск отобрав переписку возбуждающую малейшее подозрение [redacted] все непривезенные раньше вещи [redacted] деньги лишние [redacted] Об испол[redacted] предписания по мере осуществления действий телеграфировать мне и Прокулату Москвы приказания которого надлежит испол[redacted] 2992.

Министр председатель
Керенский*

Хитрово была арестована, обыскана [redacted] отправлена [redacted] Москву, где дело о ней [redacted] было прекращено.

Керенский показал на допросе: «Действительно, по поводу приезда [redacted] Тобольск Маргариты Хитрово было произведено [redacted] моему требованию телеграфному расследование. Вы[redacted] это таким образом. [redacted] время Московского государственного совещания были полу[redacted] сведения, что к царю [redacted] проникнуть 10 человек [redacted] Пятигорска. Это освещалось как [redacted] увезти царскую семью. В силу этого и производилось расследование. Однако эти сведения [redacted] подтвердились. Ничего серьезного тут не было».

Не подлежит сомнению, что, будучи любезным [redacted] к царю, как о том говорят единогласно все свидетели, Керенский ни [redacted] одну минуту не был искренен с ним.

(Продолжение следует)

* Телеграмма эта получена от прокурора Тобольского окружного суда в числе других документов по делу, при отношении от 29 марта 1919 года за № 13.

Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского ■ В. А. Кротова)

1747 г. В феврале проехал из Тобольска через Иркутск назначенный воеводою ■ Якутск полковник Иван Жеребятников.

В апреле — 24-го р. Ангара вскрылась ото льда, и вскоре сделалось сильное наводнение от прибыли воды ■ Байкале ■ Ангаре после бывших продолжительных дождей. Перед городовою канцеляриею у собора берег подмыло водою, и он обрушился; это грозило и самому дому канцелярии, из которой присутствие и дела были посему перемещены ■ другой дом.

В мае месяце начато строение каменной Крестовоздвиженской церкви ■ Иркутске купцом Щербаковым. В настоящее время сей храм заключает ■ себе следующие пять престолов: во имя святой Живоначальной Троицы, освященный 1758 года, июня 4-го дня; Воздвижения Животворящего Креста Господня, освященный того же 1758 года, октября 11-го дня; Успения Пресвятой Богородицы, освященный 1760 г., декабря 13-го дня; Живоносного Источника, освященный 1779 г., ноября 26-го дня; во имя Господа нашего Иисуса Христа, в воспоминание празднования в городе Вологде образу Спасителя, именуемому «обыденным». По благословению преосвященного архиепископа Иркутского Нила престол этот упразднен, переделан ■ освящен наново, во имя св. чудотворца Николая, ■ освящен 1844 года, ноября 22-го дня. В связи с этою церковью находится каменная же колокольня, построенная в одно время с этим храмом.

Преосвященный епископ Иркутский и Нерчинский Иннокентий 2-й, при обозрении своей епархии, скончался ■ Братском остроге, отстоящем от Иркутска на 500 верст. В 26-й день июня с подобающею честию предан он земле ■ бывшей близ Братского острога Спасской пустыни. В 1840 году усердием иркутских купцов П. И. Саламатова и М. А. Балдакова над могилою преосвященного Иннокентия построен шатер в виде часовни, с красивым надгробным камнем, на коем надпись

С сего года начато укрепление берега р. Ангары, что у собора. Берег этот постоянно подмывало водою ■ грозило даже самому собору. Укрепление состояло из дерева, сплошным стоячим частоколом, над которым возвышалось несколько башен. Окончена эта работа ■ 1749 году. С 1822 по 1826 год сделано новое каменное укрепление этого берега откосом полковником Александром Анисимовичем Медведевым, существующее по настоящее время в прочном состоянии.

1748 г. Р. Ангара 5 января покрылась льдом, ■ вскрылась 28 марта, простояв подо льдом восемьдесят три дня.

Сего года выстроен в Иркутске каменный

---

* Продолжение. Начало см. Сибирь № 4, 5, 6, 1989, № 1, 1990.

дом для магистрата, по Спасской площади, существующий и по сие время. В нем ныне помещаются городовой и словесный суды. Дом этот стоил градскому обществу 3535 р. 80 к. сер.

Февраля 10-го дня деревянная церковь св. Прокопия и Ионна Устюжских чудотворцев сгорела по неосторожности во время топки печей. Сего же года, усердием иркутского купца Михайла Ивановича Глазунова, заложена новая двухэтажная церковь с колокольнею. Прах строителя покоится в ограде сей церкви, под надгробным камнем с надписью. В настоящее время эта каменная церковь имеет пять приделов: верхний во имя св. Прокопия [redacted] Ионна Устюжских чудотворцев, освященный 1767 г., августа 5-го дня, [redacted] потом через 78 лет по случаю поправок обновленный 1845 г., 7 октября; верхний придел во имя св. мученицы Параскевы, именуемой Пятницы, освящен 1754 г., ноября 27-го дня, [redacted] обновленный освящен снова 1846 г., июня 16-го дня; главный нижний престол Сретения Господня, освещенный 1749 г., 10 ноября, и обновлен по случаю перенесения этого престола из верхнего придела, где ныне придел Параскевы, 1778 г., 10 октября, и, наконец, в другой раз обновлен [redacted] освящен 1843 г., октября 23-го дня; придел нижний, во имя святителя [redacted] чудотворца Иннокентия, первого епископа Иркутского, освящен 1809 г., ноября 20-го, а обновлен марта 18-го дня 1844 г., [redacted] 5-го престол под колоколами, во имя архистратига Михаила, освященный 1765 г., июня 17-го дня, [redacted] по сие время обновляем не был. Первоначальная крыша на сем храме и деревянное крыльцо обветшали, крыльцо переделано, и крыша покрыта на всем храме листовым железом усердием иркутского купца П. И. Саламатова. Им же пожертвованы серебряные под золотом и финифтью сосуды. Вышеобозначенные поправки и обновления производились усердием прихожан.

В августе пришла [redacted] Иркутск рота солдат, следовавшая [redacted] Анадырский острог, под командою поручика Бельского.

Иркутскому купцу Югову дано право промышлять зверей на пустых островах, близ устьев рр. Камчатки, Караги [redacted] Олюторы.

1749 г. Января 14-го р. Ангара покрылась льдом, а 25 марта вскрылась, простояв подо льдом 70 дней.

Начата постройка каменного двухэтажного гостиного двора. Расходы уплачены складчиками напаях. В этом гостином дворе находится 248 лавок. Купечество открыло [redacted] нем торговлю 1752 г. в сентябре месяце.

В Вознесенском монастыре заложена первая каменная церковь во имя Вознесения Господня.

Прибывшая [redacted] прошлом году рота солдат отправилась к месту своего назначения — а Анадырск под командою капитана Якутского полка Василья Шатилова.

Открыта следственная комиссия для пресечения претеснений инородцами по сбору податей. Комиссию эту составляли чиновники, нарочно прибывшие из Петербурга: полковник Иван Вульф, майор Рагузинский, Чубанов, Маков [redacted] Турчанинов.

1750 г. Января 5-го р. Ангара покрылась льдом, а 27 марта вскрылась.

Приехал из Москвы в Нерчинск воевода асессор Василий Рубин.

Тогда же приехал из Тобольска [redacted] Якутск для производства следствий капитан Хотунской [redacted] сержант — [redacted] должности секретаря — Алексей Савалов.

Приехал из Камчатки в Россию известный уже нам архимандрит Иосиф Хотунцевский.

При Богоявленском соборе построен деревянный дом (келии) для проживания архиереев Иркутских, а до этого времени преосвященные проживали на квартирах у частных лиц.

Декабря 27-го р. Ангара покрылась льдом, причем было чрезвычайное возвышение воды; в местах, где берега низки, вода разлилась по улицам города и затопила низменные места.

1751 г. В марте месяце приехал из Тобольска комиссар, посадский Илья Коломин с целовальниками, следующие в Китай для караванной торговли. Коломин [redacted] Иркутске за беспорядки отрешен губернатором Лангом от должности, а вместо него поступил тобольский посадский Василий Пирожников, принявший здесь казенную мягкую рухлядь [redacted] который вскоре отправился в Китай.

Апреля 12-го р. Ангара вскрылась от льда, простояв под ним 106 дней.

Сего года уничтожены внутренние таможенные сборы.

Учреждается [redacted] Сибири начальство по части соляной под управлением особого начальника, имевшего пребывание в Тобольске, [redacted] которому подчинены были три комиссара: один заведующий канцелярией, другой соляными озерами [redacted] работами, третий был управителем [redacted] Иркутске.

Примечание. Нам известно, что г. Иркутск в прежнее время довольствовался солью из рук частных солеваров, которые вываривали соль на известном острове, ниже Иркутска по р. Ангаре, там, где теперешнее Усолье. Тут сначала по 1703 г. варил соль иркутский житель Игнатий Юринский, который не платил никакой пошлины в казну и продавал соль вольною ценою, вероятно весьма высокою ценою, по 16 к. за пуд, что видно из грамоты, данной Ирк. Возн. монаст. игумену Макарию с братиею 1704 г., когда эти варницы поступили [redacted] ведение сего монастыря: «а соль де на монастырскую потребу и тружеником [redacted] работником покупаете вы (т. е. игумен) дорогою ценою: пуд по пяти алтын по две деньги». Сего 1704 г. этою грамотою означенные Ангарские острова с соляными прожилками отданы Вознесенскому монастырю, с тем, чтобы монастырь варил соль на свой счет, для своей потребы [redacted] для всех монастырских людей [redacted] крестьян и с условием, чтобы игумен доставлял [redacted] Государеву казну пятый пуд на продовольствие служащих людей в Иркутске, [redacted] денежной пошлины в казну по два рубля на каждый год; вольная же продажа соли монастырю была запрещена, впредь до особого на то государства указа. Перед тем служилые иркутские люди жаловались, что они претерпевают большой недостаток [redacted] покупке соли и писали так: «чтоб великий государь их пожаловал, велел на вышеписанном Малом острову вам, игумену Макарию с братиею, соль варить, чтобы в соляном жалованьи им, служилым людям, в оклад их недодачи и скудости не было» и проч. Усть-кутская соль была известна гораздо ранее; тут впервые завел варницу сольвычегодский торговый человек, впоследствии боярский сын, известный амурский герой Ерофей Павлович Хабаров в 1639 году, и довольствовал солью всех тогдашних жителей по рр. Лене [redacted] Илиму и даже Якутский край; но заведение Хабарова [redacted] 1641 году якутскими воеводами отобрано у него [redacted] казенное ведомство, без всякой законной на то причины. 1753 г. в Охотске по недостатку и дороговизне варничной воли начали варить соль из морской воды. 1747 года открыта по р. Вилюю превосходная самосадочная соль, называемая «соль Сокольья» и другая Кемпендюйская. Кемпендюйский соляной ключ, отстоящий от Якутска (как говорит г. Словцов) в 1165 верст., от слободы Сунтарской в 57 в., бьет из земли вверх [redacted] виде водяной пыли, на 1 1/2 саж., с декабря до половины февраля, и соли садится в толщину на аршин, в длину на 29, [redacted] ширину 24 сажени. Пласт «Сокольей соли» находится вверх по речке Кемпендюю, в 20 верст. от устья. Соль эта чиста, как хрусталь. Не [redacted] дальнем расстоянии встречаются пласты гипсосоляные, желтоватого и красноватого цветов. За Байкалом есть соляное озеро, в 30 верст. от г. Селенгинска, из которого варилась соль частными людьми, с 1749 г. до начала XIX века. В Нерчинском округе находится богатое соляное озеро, называемое Борзинским, в 80 верст. от крепости Чиндантской, имеющее [redacted] окружности 3 версты 445 саж. В нем соль самосадочная и известна с 1750 г.; ею довольствовали весь Нерчинский край. Из этого озера [redacted] 1757 г. добыто соли 26063, в 1758 г. 28862, в 1772 г. 85443, в 1800 г. 14840, в 1801 г. 21060, в 1808 г. 43000 пуд. соли. Затем [redacted] следующие годы добыча тут соли садкою постепенно уменьшилась до 6000 пуд. Впрочем, садка соли [redacted] Борзинском озере бывает не ежегодно: если лето сухое, то садка соли бывает изобильна, а если дождливое, то в озеро притекает много пресной воды из текущих в него источников, так что с 1756 по 1820 г., т. е. [redacted] 64-летний период, было 38 лет, [redacted] которые соль не садилась.

ВТОРОЕ СТОЛЕТИЕ — С 1752 ГОДА ДО НАШИХ ВРЕМЕН*

Окончив первое столетие летописи города Иркутска, я приступил к второму, которое будет разделено на две части. Признавая это более удобным тем, что второе столетие летописи будет полнее первого, я надеюсь, что настоящее, предлагаемое читателю, будет более интересно. Таким образом, он проследит все былое города Иркутска, однако ж только то, что было доступно мне [redacted] тридцатилетие собрать в свои записки.

П. Пежемский

Но да убедятся власти, от подножия Всемилостивейших Помазанников России присылаемые, что Сибирь не пустыня безгласная, что есть в ней утесы, пустынными лесами отененные, от которых откликаются слова и дела, есть скромные летописи о правдах и неправдах. Нет мнения общественного, но растет история.

Словцов

1752 г. 1 января, Новый год встречен был [redacted] Иркутске празднествами, обычными увеселениями и торжеством.

1 февраля река Ангара покрылась льдом, а 3 марта вскрылась. Такого короткого стояния р. Ангары под льдом до сего времени, ни после того [redacted] наши времена не повторялось.

В мае месяце иркутский вице-губернатор Ланг сделался болен подагрою, а в октябре сдал дела управления полковнику Петру Мякинину** и 26 декабря скончался.

Сего года окончен строением деревянный гостиный двор, и в сентябре месяце иркутское купечество открыло [redacted] нем свою торговлю.

Уехал в Якутск воеводою Уар Еропкин.

В Иркутске свирепствовала оспа, от которой померло много всех возрастов людей.

1753 г. 10 января р. Ангара покрылась льдом, а 4 апреля вскрылась, простояв под льдом 84 дня.

При жизни еще вице-губернатора Ланга составлена промемория, что вызвать из Селенгинска в отправление вице-губернаторской должности бригадира Варфоломея Валентиновича Якобия, который 25 января сего года прибыл и вступил в отправление этой должности. Варфоломей Валентинович Якобий продолжал много лет службу в Сибири и был комендантом в Селенгинске. Он есть отец известного наместника Сибирского Ивана Варфоломеича Якобия, который с 1747 года находился в службе при отце в чине прапорщика.

Апреля 18-го наместник С.-Петербургского Александро-Невского монастыря Софроний (Кристаллевский) хиротонисан [redacted] С.-Петербурге [redacted] епископа Иркутского.

В августе месяце получен указ Сената об определении [redacted] Иркутск вице-губернатором генерал-майора Ивана Вульфа, находящегося на службе [redacted] Кяхте.

В настоящем месяце получен указ св. Синода об определении на Иркутскую епархию преосвященного Софрония.

Сентября 16-го Якобий уехал обратно в Селенгинск к своей должности коменданта.

Сего же сентября прибыл [redacted] Иркутск из Кяхты генерал-майор Вульф [redacted] занял должность вице-губернатора. Он был добрый начальник, скромных правил, бескорыстен, ласков, в обхождении с гражданами и служащими прост, но дела управления при нем текли тихо; он более следовал советам секретарей Григория Березовского [redacted] Ивана Иванова.

Приехал в Иркутск Афонские св. горы архимандрит Анатолий [redacted] 18 ноября за милостынею с Животворящим древом Креста Господня [redacted] частями св. угодников, был радушно принимаем в домах жителей со святынею, пел и служил молебны. 5 декабря он уехал обратно из Иркутска.

Иркутский купец Никифор Трапезников, торговец [redacted] мореход предприимчивый, открыл остров Атху, действовал морскою торговлею 25 лет и сего года скончался [redacted] бедном состоянии в Иркутске.

Декабря 24-го прибыл [redacted] Иркутск следующий в Анадырск и Камчатку на службу майор Шмалев. Он выехал из Иркутска [redacted] месту назначения следующего года 22 февраля.

[redacted] т. е. до 1858 г.

** По другой летописи — Мясникову.

1754 г. Января 3-го р. Ангара покрылась льдом, а 29 марта вскрылась, простояв подо льдом 85 дней.

Февраля 22-го прибыл в Иркутск миссионер, следующий в Китай, архимандрит Амвросий Юматов, бывший Московский славяно-греко-латинской академии иеромонахом и пиитики учителем. Посвящен в архимандрита синодальным членом, преосвященным Гавриилом, епископом Коломенском и Каширским 1753 г. июня 13-го дня. Амвросию сопутствовали в Пекин иеромонахи Сильвестр и Софроний, иеродиакон Сергий, церковники: Степан Зимин, Илья Иванов и Алексей Данилов. Сверх этих лиц с ними приехало [redacted] Иркутск несколько человек студентов, но эти последние почему-то не были пропущены в Китай. Миссия эта выехала из Иркутска за Байкал 23 марта в Чикойскую стрелку, а оттуда [redacted] 1-й день сентября отбыла в Китай при караване, которым управлял комиссар Алексей Владыкин. Эта миссия, во главе которой был архимандрит Юматов была несчастнее предшествовавших миссий; многим из членов ее не суждено было возвратиться на родину; сам архимандрит Амвросий, иеромонах Софроний, иеродиакон Сергий, церковники Илья Иванов и Алексей Данилов скончались в Пекине; остался в живых [redacted] выехал [redacted] Россию один только иеромонах Сильвестр. Миссия эта пробыла в Пекине семнадцать лет, и, как говорит предание, была там заперта по случаю каких-то пограничных несогласий россиян с китайцами.

20 марта прибыл в Иркутск на епархию преосвященный Софроний (Кристаллевский).

Приезд епископа Иркутского Софрония ознаменован торжественною встречею у церкви св. Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев, с хоругвями и св. иконами, [redacted] сопровождении городового духовенства в облачении, во главе которого был Пекинский архимандрит Амвросий, при колокольном звоне всех церквей города. От этой церкви чудотворцев преосвященный, в предшествии крестного хода, шел [redacted] Богоявленский собор и служил литургию, а по окончании оной преосвященный, в сопровождении духовенства, начальства [redacted] граждан города, прибыл на отведенный ему для квартирования дом иркутского купца Михаила Ивановича Глазунова (что ныне градская дума), где преосвященному дань обществом граждан великолепный обед.

Преосвященный Софроний из наместника С.-Петербургского Александро-Невского монастыря хиротонисан во епископа Иркутского и Нерчинского 1753 года, апреля 18 дня.

В июне было большое наводнение от дождей, которое повредило сенным покосам.

Открыта в Иркутске школа навигации и геодезии, по указу от 20 июня 1753 года. Первые учителя [redacted] ней были подпоручик Юсупов и прапорщик Бритов.

Начата перестройка архиерейских келий при Богоявленском соборе.

28 ноября получен в Иркутске Высочайший манифест о рождении цесаревича [redacted] великого князя Павла Петровича.

1755 г. 6 анваря, [redacted] день Богоявления Господня, преосвященный Софроний с городовым духовенством после литургии совершил крестный ход для водосвятия на устье речки Ушаковки (Ида тож), по случаю в то время непокрытия реки Ангары льдом.

24 января р. Ангара покрылась льдом, а 24 марта вскрылась, простояв под ледяным покровом 58 дней**.

Июня 10-го было в Иркутске сильное землетрясение.

Сего года начата постройка каменной ограды Богоявленского собора, а внутри ее построены деревянные корпуса консистории и семинарии, [redacted] преосвященный Софроний перешел [redacted] отстроенный архиерейский дом, а 9 сентября освятил домовую церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, устроенную [redacted] семинарии.

---

* Сюда относится дополнение, напечатанное после 1759 г. Чтобы не изменять порядка, в котором была печатаема летопись первоначально, помещаем это дополнение также после 1759 г. (*Ред.*).

** Река Ангара начала покрываться с 21 января, а потом лед проносило, [redacted] опять покрывалась, что повторялось до 7 раз и наконец с 23-го на 24-е совершенно покрылась (*Авт.*).

6 октября прибыл из Китая архимандрит Гервасий Линцевский с иеромонахом Феодосием Сморжевским. Они уехали в Россию 16 ноября.

15 октября было землетрясение.

26 декабря р. Ангара покрылась льдом.

1756 г. Января 26-го преосвящен. Софроний уехал для обозрения епархии за Байкал, а 14 февраля возвратился ■ Иркутск.

Приехали из Москвы отст. поручик Сарафанников ■ титул. сов. Иван Буянов, которые открыли ■ Иркутске корчемную контору.

27 марта р. Ангара вскрылась от льда, простояв под ним 92 дня.

9 мая преосв. Софроний выехал для обозрения епархии в Якутск, ■ оттуда возвратился в Иркутск 29 августа.

Сего года пришли ■ Иркутск польские старообрядцы для поселения за Байкалом. Их сопровождал подполковник Иван Иванов.

1757 г. 2 января р. Ангара покрылась льдом, а 30 марта вскрылась, простояв под льдом 85 дней.

В апреле месяце было наводнение в речке Ушаковке, от которого пильную мельницу размыло и лес, приготовленный в распилку, унесло водою.

В Китай уехали с бумагами стат. сов. Федор Братищев ■ секунд-майор Иван Якобий.

Приехал из С.-Петербурга в Иркутск определенный ■ товарищи иркутского вице-губернатора Андрей Шишков. Он страдал чахоткою и 18 ноября 1759 г. умер.

Наводнением ■ реке Иркуте ■ р. Кае ■ июне месяце в близ лежащей к городу деревне Марковой унесло несколько домов и утопило городским жителям принадлежащие сенные покосы.

Июня 20-го приехал в Иркутск из Нерчинска начальник тамошних заводов, тайный советник Ив. Семенов. Он определен тобольским губернатором. Из Иркутска ■ Тобольск уехал 15 июля.

Июля 30-го приехал из Тобольска капитан Тараканов за приемом рекрутов, с которыми отправился на судах вниз по р Ангаре 1 августа.

1758 г. Января 20-го р. Ангара покрылась льдом, в 29 марта вскрылась, простояв подо льдом 68 дней.

В январе же преосвящ. Софроний уехал за Байкал, в 20 февраля возвратился.

25 с. м. Братищев и Якобий возвратились из Пекина, а 29 ч. уехали ■ Москву.

27 марта на место больного вице-губернатора Шишкова приехал в Иркутск полковник Иван Слободской

28 марта приехал из С.-Петербурга первый полицеймейстер в Иркутск, секунд-майор Ив. Ив. Замощиков; человек был деятельный, но весьма корыстолюбивый. Полицейская команда дана от магистрата и сформирована из мещан с зачетом городовых по выборам служб.

Сего года церковь св. Михаила Архангела, находящаяся над св. вратами при Богоявл. соборе, за ветхостию разобрана, ■ вместо ее преосв. Софроний построил новую и освятил во имя св. великомученика и победоносца Георгия. Церковь эта существовала до 1782 года, которого упразднена, а иконостас ее со св. иконами отдан во вновь строющуюся каменную церковь ■ Усть-Кудинском селении.

Июня 4-го освящен престол св. Троицы при Крестовоздвиженской церкви.

Июля 21-го приехал ■ Иркутск драгунский капитан Долгих с драгунами для принятия рекрутов, с которыми уплыл вниз по р. Ангаре, на судах, 2 сентября.

Августа 30-го приехал сюда следующий на службу в Нерчинские заводы советник Кисотин, выехавший из Иркутска 6 сентября.

Декабря 29-го приехал в Иркутск, проездом ■ Кяхту на службу, директор Стрекалов, ■ в Кяхту уехал 15 января следующего года.

1758 г. Сего года построена при Спасской церкви каменная колокольня, в которой устроен придел св. Димитрия митрополита Ростовского чудотворца.

Сего же года приехал в Иркутск следователь винокуренных дел, кол. асес. Петр Никиф. Крылов, дерзкий подьячий своего времени (как выразился о нем г. Словцов), наделавший в Иркутске неслыханные пакости ■ противозаконные поступки по производимому им следствию о винокурении и содержании каштаков*, оставив по себе надолго самую

* Каштак — собств., балаган в лесу, где тайно выкуривают хлебное вино.

постыдную память. Поступки и все действия Крылова, [redacted] трехлетнее его пребывание [redacted] Иркутске, мы передадим читателю так, как они описаны в Иркутской летописи очевидцами, не прибавляя ничего.

По приезде своем Крылов показался иркутскому начальству и гражданам города, как должно быть честному [redacted] благонамеренному чиновнику; все поступки его обнаруживали в нем добрую душу, а на такое его ласковое обхождение со всеми сословиями жителей, [redacted] особенно с купечеством, оно в свою очередь благодарило его разными приношениями, и он не от каких подарков не отказывался, [redacted] принимал [redacted] много, [redacted] мало, следовательно, всем умел делать удовольствие, а через все это узнавал из-под руки: кто как живет, кто богат, кто беден [redacted] проч. Содержатели каштаков курили вино, продавали, и, казалось, все шло обычным порядком. Но не прошло и полгода, как Крылов вдруг переменился [redacted] характере, вдался в разные дерзости, жестокости, особенно [redacted] купечеству, занимавшемуся содержанием винокуренных заведений. Наглости свои начал он с того, что все дела, касающиеся питейных сборов с 1729 по 1758 г., как из магистрата, так [redacted] губернской канцелярии забрал в свои руки, а членов магистрата сменил и арестовал, и таким образом лишил их всех способов к оправданиям. Признав действительно, или же умыслом, что ведомости по питейной части сомнительны, фальшивы [redacted] не исправны, призвал к себе бургомистра Бречалова и ратмана Верховцова, требовал от них отписок с тех ведомостей и с угрозами устращивал, и обвинял их в воровстве. Они отвечали, что если есть черновые ведомости, то они охранятся [redacted] магистрате, куда отправился немедленно сам и найденные им вновь бумаги запечатал. И тогда же как бывших, так и настоящих членов магистрата приказал заковать [redacted] железа и держать под крепким караулом, [redacted] сверх сего, как у них, так [redacted] у некоторых купцов велел описать дома, товары [redacted] проч. имущество, запечатать и публиковать [redacted] ворами. Вскоре после этого исполнения описей, собрав всех подлежащих его суду [redacted] магистрат, где присутствовал сам. Крылов [redacted]варивать их, чтобы они признались [redacted] краже [redacted] утайке откупных денег, но никто не признался, отчего Крылов, как бешеный, бросился на ответчиков [redacted] некоторых бил своими руками, грозил простенком (застенок?) [redacted] тут же приказал сечь плетьми. Бургомистр Бречалов не вытерпел последнего истязания, принужден был в страхе угроз против совести своей, хотя [redacted] несправедливо, показать, что вино в курке стоило им от 50 до 60 коп. ведро, а показывалось по рублю, [redacted] что они излишние деньги делили между собою. Это подало повод Крылову исполнить свои угрозы над прочими, не сознавшимися; он мучил их в пытках, но никто из терпевших истязания не признался [redacted] краже, кроме Михайла [redacted] Максима Глазуновых [redacted] Василия Ворошилова. После этих допросов [redacted] пыток Крылов принудил купца Василья Елезова ехать в Петербург к главному откупщику Глебову с извинением об утайке по винокурению денег. С чем возвратился Елезов, неизвестно, [redacted] только он угодил Крылову и подал ему новый донос [redacted] своих сотоварищей. Вследствие чего начались новые пытки [redacted] истязания непокорных, которыми наконец удалось Крылову довесть купечество до безусловного сознания на все его требования. При этом случае потерпел более всех купец Иван Бичевин, который вскоре после претерпенного [redacted] мучения умер. К бывшему уже при смерти Бичевину несколько раз приходил Крылов [redacted] принуждал его признать за собою, вместо объявленных им при пытке 12, 30 тыс. рублей. Сумма регистра, насчитанная на купечество, написанная самим Крыловым и большею частию уж собранная, простиралась до 155 000 руб., хранившихся [redacted] его квартире, [redacted] сундуке за крепким караулом. При насильственном сборе денег у многих все имущество было продано и расхищено, в чем [redacted] сам Крылов участвовал. Так он отнял у Бичевина жемчуг, серебро [redacted] разные драгоценности и вещами этими дарил своих любовниц.

В продолжение производившихся пыток над гражданами купец Алексей Сибиряков (меньший), устрашась жестокостей Крылова, оставил жену [redacted] детей, уехал, никому не сказавшись, из города, неизвестно куда. Крылов узнал об этом; вообразив, что Сибиряков

уехал [redacted] Петербург с жалобою на него, призвал жену его и брата, первую посадил [redacted] железа, а второго мучил, допытываясь, где скрывается или куда отправился брат его. Сам ходил [redacted] дом его, везде обыскивал [redacted] не нашел, отправил за ним погоню до Верхотурья, и посланцы не нашли его, возвратились без Сибирякова.

Во все это время Крылов жил в доме купца Мясникова, распоряжался [redacted] нем, как хозяин; за содержание себя [redacted] всей своей многочисленной дворни Крылов ничего не платил и вдобавок развратом [redacted] гнусностию своих поступков доводил семейство своего хозяина до отчаяния и выжил напоследок из дома. Мать хозяина, старушку около шестидесяти лет, склонял неоднократно угрозами [redacted] побоями к прелюбодеянию с ним; жену его теми же способами соблазнял, бил ее собственными руками и принуждал мужа наказывать ее за несогласие на его желания. Принуждал хозяйку дома мыть себе ноги, исправлять постель [redacted] т. п., и не стыдился при свидетелях, часто лежа на постели с любовницей, давать разные приказания своим подчиненным. Однажды после семейного обеда у своего хозяина, по случаю именин его матери, Крылов наделал тьму неприятностей имениннице, тестю Мясникова [redacted] прочим гостям, полицмейстеру Замощикову [redacted] директору Ивану Щукину. Первый должен был его удержать от неприятностей, за что он, озлобясь, кинулся на Замощикова с распростертими кулаками, но тот не допустил его поколотить себя. Отсюда начинается ряд неприятностей с иркутским начальством, [redacted] наконец Крылов оскорбил [redacted] самого вице-губернатора Вульфа, упрекая его якобы за слабость управления губернией, за допущение к расхищению казенных денег [redacted] многое другое; а когда Вульф начал доказывать ему противное и, в свою очередь, взаимно упрекал в его действиях [redacted] противузаконных поступках, то Крылов решился его отстранить от должности, [redacted] сам вступил [redacted] права вице-губернатора; но, не мешкая, принудил опальных граждан подписать челобитную в том, чтобы был Вульф уволен от должности, а на место его определен Крылов. Челобитную эту [redacted] другие бумаги Крылов отправил с нарочным посланцем [redacted] С.-Петербург. Но в это время приготовлена была уже жалоба иркутского начальства и граждан города и якобы с донесением преосв. Софрония, [redacted] которых описаны были действия, пакости и гнусности Крылова, и пакет этот отправлен тоже [redacted] Петербург, к императрице, с лихим курьером, сержантом Конюховым, в августе 1760 года.

В других записках рассказано еще следующее: Все деяния Крылова известны были Софронию, епископу Иркутскому, у которого безвинные граждане искали защиты, но Крылов не хотел [redacted] слышать его увещаний. Тогда граждане просили владыку, чтобы он написал к императрице особое донесение, что нашел нужным и сам преосвященный. Крылов за несколько дней ранее отправил своего курьера, когда выехал вышесказанный Конюхов, только сей последний не прямо к императрице, а к митрополиту С.-Петербургскому, который был прошен о немедленном донесении императрице. Конюхов нагнал крыловского ездока в Тобольске, [redacted] при свидании с ним, как близкий знакомый, Конюхов уговорил товарища своего остановиться здесь на денек, отдохнуть [redacted] погулять. Согласились, Конюхов употребил хитрость, споил своего товарища так, что тот, как говорится, «свалился с ног» и уснул, потом взял лошадей и ускакал. На донесение это последовало распоряжение, чтоб арестовать Крылова, сковать [redacted] отослать [redacted] Москву; распоряжение доставлено в Иркутск тем же Конюховым 8 ноября того же 1760 года.

По получении сего, вице-губернатор Вульф взял с собою асессоров Федорова и Владыкина, секретаря Брусенцова, [redacted] сопровождении двадцати пяти отборных казаков, отправился с ними, в полночь, [redacted] квартиру Крылова. По приходе в дом сменили стоящий на крыльце караул, взяли стоящие [redacted] сошках ружья, [redacted] к людской избе, где жили караульные солдаты (приверженцы Крылова), поставили крепкий караул. Управясь на дворе, Вульф отрядил казака Андрея Подкорытова (исправлявшего должность сержанта), который был лихой служивый, с пятью казаками во внутренность дома, чтобы собрать крыловское оружие, [redacted] сам с остальны-

ми пошел за ними же. Крылов, увидя незнакомые ему лица, схватил ружье и хотел выпалить в первого, который осмелился бы к нему подступить, но Подкорытов успел его обезоружить. Тогда секретарь Брусенцов прочитал Крылову указ о арестовании его, но тот стал еще доказывать противное, что он во всем прав, что он не заслужил ареста, а действовал ■ пользу государства и согласно данных ему инструкций, за что ожидал себе награды, а не позорного арестования, ■ проч. Вульф, несмотря на все его оправдания, арестовал ■ заковал Крылова ■ железа, приставил крепкий караул, имение запечатал.

Крылов просидел под арестом почти целый год; о делах ■ деяниях его производилось следствие, ■ наконец, в 20 ноября 1761 г., получен в Иркутске указ, чтоб Крылова отослать за караулом в Москву.

Неизвестно, какое решение дел последовало над Крыловым, где ■ как окончил он свою жизнь, а известно, что императрица Екатерина изволила сама присутствовать в Сенате во время суда над Крыловым.

ДОПОЛНЕНИЕ СКАЗАНИЯМ О КРЫЛОВЕ

К приезду в Иркутск следователя Крылова предупредили его следующие бумаги. Известно, что ■ это время был сибирским откупщиком обер-прокурор Александр Глебов; он написал в Иркутск следующее письмо:

«Почтенные господа, Иркутского магистрата члены.

Я крайне принужден удивиться странным вашим предприятиям ■ чудным ■ поступкам, которые от человека честного света апробованы быть не могут. Вы делаете такие дела, которые отнюдь не простительны. Не только тонким образом тиканство свое употребляете, но ■ нагло, ■ противность законов, поступки свои оказываете так, что ■ принужден, видя такие странные дела, просить в Правит. Сенате о учинении следствия о всех ваших поведениях, что принадлежит винной поставки и прочего, ■ чрез то самое иметь себе сатисфикацию и справедливость закона. Я инова понять не могу, что все вы свои дела производите в одной надежде, что в такой великой отдаленности от здешнего места находитесь. Не понимаю, какой бы вам резон был такие наглости противу повеенного моего Андрея Евреинова употреблять ■ во всем препятствия вымышленные делать. Буде вы себя льстите, что меня чрез понесенные вами убытки удержать от поставки вина, то вы сие весьма несправедливо мыслите, ибо чем более от вас мне препятствия ■ огорчения последует, то тем более я, не жалея капиталу, в предпринятом деле упражняться стану, хотя бы до ста тысяч убытка понес, но от обязательства моего отступить не могу ■ по силе заключенного со мною контракта чрез все десять лет исполнять должен, ■ вы при всех своих вымыслах большого барыша не найдете. Что всего еще чудее, вы делаете сборища совсем недозволительные, что, получа указ, исполнять по нему, или нет о том уже высокого Правительства повеления. Буде вы надеетесь на свое богатство, то оно, всеконечно, сколько бы велико ни было, не заплатить правосудию высоким правительствующим в сделанном учреждении, ибо не пользует в день ярости и гнева. И так не многого чего требую с вас, как прошу только меня оставить в покое, исполняя закон. Ваш слуга Александр Глебов. Октября 9-го 1757 года».

Крылов не доехал еще до Иркутска, с дороги писал в магистрат, чтобы он приготовил для него несколько стоп бумаги ■ ведро чернил. Магистрат отвечал ему, что бумага приготовлена, а чернильного мастера в Иркутске не имеется, ■ приготовлено несколько черешков китайской туши*.

По прибытии Крылова в Иркутск, 8 июля 1758 г., на другой день лично доставил ■ магистрат указ Сената следующего содержания:

---

* Известно, что в Иркутске до 1777 года писали китайскою тушью и только этого года привезены были чернильные орешки и купорос (*Авт.*).

«Понеже в силу сообщенного из Правит. Сената ■ сенатскую контору, по доношению Правит. Сената обер-прокурора Глебова, что Иркутский магистрат, имея у себя питейные сборы в содержании, на дрова, свечи ■ постройки деньги держал не из своих, но казенные, о том и о прочем, показанном в том его господина обер-прокурора, донесении на Ирк. канцелярию и корчемную контору, для исследования отправлен ■ Иркутск сенатской конторой асессор Петр Крылов и при нем один секретарь, два канцеляриста и четыре человека копиистов. Приказали: о том исследовании дать ему, Крылову, указ (который ему и дан). И как ему асессору, так и оным приказным служителям в бытность их при оном следствии жалование производить по ассигнациям штата конторы, також ■ на то следствие: на бумагу, сургуч, свечи, дрова ■ прочие канцелярские расходы деньги употреблять из иркутской канцелярии на счет виноватых; что же принадлежит при том следствии быть для караулов ■ посылок солдатам, а для заседания следователя ■ служителям покоям ■ тем всем также ■ квартирами их удовольствовать ирк. канцелярии, и оной канцелярии по требованиям от него Крылова, что к тому следствию потребно будет, всякое удовольствие и скорое отправление чинить ■ о том ■ иркутскую канцелярию послать указ и по назначенному следствию принадлежит быть требованию из Иркутского магистрата; чего ради ■ в тот магистрат о том же послать указ, с тем, чтоб, как оной магистрат, так и иркутская канцелярия по присылаемым от того следствия указам и по другим письменным требованиям немедленное исполнение чинили, дабы в том следствии ни малого продолжения, а паче остановки быть не могло, опасаясь за некоторое по вышеписанным исполнение непременного штрафа, иркутской канцелярии чинить о том по сему указу, а в Иркутский магистрат о том же указ послан. Генваря 30-го дня 1758 года». Подлинный подписали: секретарь Иван Комаров, канцелярист Иван Казаринов. Пометка: «получен от Крылова 9 июля 1758 года».

Из других сказаний мною найдено еще следующее о Крылове:

Чрез продажу имения иркутских граждан действительно ■ казну поступило 93 120 р., да сверх того, удержано следовавших купечеству 8142 р., а всего 101 262 р. Сверх того, на разные расходы по Крыловской комиссии из имения пострадавших взыскано 3780 р. 31 к. Кроме того, отобрано Крыловым вырученных от продажи вина более 70 000 р. Таким образом, Крылов ограбил и разорил все иркутское купечество, без всякого препятствия со стороны местного начальства, которое имело ■ виду указ Сената.

Из описанных вещей купца Бичевина галантерейные вещи и жемчуг подарены Крыловым девице Парасковье В... Прочее же имение Бичевина, кроме известных уже нам 30 000 р., распродано на 22 413 р. 26 к.

Дом Бичевина находился близ нынешнего музеума, против гауптвахты, где ныне плацпарадная площадь. О богатстве Бичевина сохранилось предание, что у него золотые и серебряные деньги хранились ■ бочонках, а медные ■ бочках, прикованные к стенам его кладовых. Развалины дома Бичевина видны были еще в 1801—5 годах, когда это место обращалось в площадь ■ очищалось от всех строений для хлебного базара.

Дом, где занимал квартиру Крылов, был дом ирк. купца Ивана Аф. Мясникова, супругу его звали Дарья Ник., а мать — Вера Максимовна. Дом этот сохранился по настоящее время ■ том же виде, только снаружи обшит тесом. Ныне он принадлежит наследникам протоиерея Парнякова.

1759 года в августе Крылов приказал гражданам Иркутска, для снискания милости у откупщика Глебова, отправить от себя поверенного ■ Петербург. Для этого избран был купец Василий Елезов, на что собрана была с купечества значительная сумма денег. Сверх того, дана ему доверенность на занятие там денег до 50 тыс. руб. Издержки поверенным простирались до 30 000 руб., занятые у г. Мамонова, чем населен был иркутскому обществу новый удар уплатою сих денег.

1760 г. ■ апреле Крылов, бывший с вицегубернатором Вульфом и многими другими чиновниками в гостях у купца Василья Зайцева и подгулявши порядком, стал укорять Вульфа ■ слабости его управления губернией

и расхищении казны. Вульф, оправдываясь, в свою очередь, упомянул [redacted] о действиях Крылова, [redacted] о средствах, им употребляемых в следствии, ему порученном, для разыскания истины. Крылов, жестоко оскорбясь на Вульфа, тут же приказывает арестовать его, и сам вступает [redacted] управление губернию.

Чем кончилось это неслыханное и вопиющее дело над Крыловым, летописи умалчивают*. Только известно было в Иркутске, что после этого бывавшие в Петербурге купцы видали Крылова разгуливающим по петербургским улицам. Вероятно, его защитил обер-прокурор Глебов, дав другое направление его делу.

Что касается вице-губернатора Вульфа, то известно, что служба его в Сибири была для него не безынтересна и что он не был прикосновенен по крыловскому делу, это видно из того, что он пред выездом из Иркутска пожалован был 7 июля 1765 г. в тайные советники. Вульф Ив. Ив. пробыл на службе [redacted] Сибири 16 лет; он приехал полковником с следственною комиссиею для пресечения притеснений инородцам по сбору податей 1749 г., с ним приехали члены этой комиссии: подполк. Ив. Ив. Чубков, майор Пав. Карп. Рогозинский и секретарь Кс. Ил. Маков. А выехал из Иркутска 1765 г. марта 15-го дня, оставив в Иркутске по себе добрую память**.

Иркутск вздохнул свободнее, избавившись от Крылова, который держал в постоянном страхе всех жителей, особенно [redacted] женском поле он поселил такой страх, что старые [redacted] малые даже днем боялись ходить по улицам, чтоб не встретиться с Крыловым, прятались от него [redacted] бегали, как от страшилища, детей унимали именем Крылова, даже [redacted] они чувствовали панический страх, молчали и не смели шалить [redacted] плакать. Если Крылов входит к кому в дом по приязни в гости или по делам, то женщины и девицы или прятались в доме, или уходили со двора, к соседям.

Квартира Крылова в доме Мясникова походила на маленькую вооруженную крепость — у него был постоянно военный караул. Говорили, что он не надеялся на иркутских солдат, а вытребовал себе из Селенгинска, платил им хорошее жалованье, содержал на свой счет и назвал их хранителями и приверженцами. Говорили также, что деньги, собранные Крыловым, были многим возвращены, но за всеми этими раздачами оставалось еще до пятнадцати тысяч рублей, которые хранились более двадцати лет, [redacted] их наконец решено было отдать на сооружение [redacted] Иркутске каменной Благовещенской церкви, заложенной 1785 года, [redacted] якобы эта сумма есть основной для постройки капитал, но правда ли это, за верность этого я не ручаюсь.

Долго, очень долго длилась память о Крылове в Иркутске, она не забыта и ныне: еще доселе повторяют у старожилов, особенно в тех семействах, которых род продолжается до сего времени, передаваемый из рода в род рассказ, что были здесь какие-то гибельные крыловские времена.

В дополнение статьи о Крылове [redacted] должен поместить здесь и самый регистр насчитанных Крыловым на иркутских граждан денег. Регистр этот хотя сам по себе не совсем интересный документ, но я уверен в том, что в настоящее время многие наши граждане встретят здесь своих предков, живших за сто лет, и не без интереса прочтут этот регистр. Многие фамилии уже пресеклись; так, Бичевиных, Глазуновых, Бречаловых [redacted] иных в Иркутске уже не слышно. Он есть следующий:

Николай Бречалов 23 000 р., Иван Ворошилов 12 000, Михайло Глазунов 15 000, Василий Ворошилов 4800, Сергей Добрынский 6090, Василий Сибиряков 2500, Максим Глазунов 15 000, Алексей Шилин 2500, Петр Мальцев 1500, Семен Верховцев 1500, Яков Перевозников 1500, Василий Зацев 1500, Иван Елезов 5400, Иван Мясников 1600, Иван Бичевин 30 000, Федор Власов 1600,

---

* В одной летописи записано, что Крылов умер в Моск. тюрьме (*Ред.*).

** Этим дополнением я много обязан одному моему достопочтеннейшему любителю старины [redacted] любителю наук, который в настоящее время сам есть живая история Иркутска, знает его с 1810-х годов; я обращаюсь к нему с моею благодарностью, умалчивая о его имени. Впрочем, это не то дополнение [redacted] сказаниям о Крылове, о котором я упомянул в перечне под 1758 г., которое мною еще не получено, а надеюсь получить (*Авт.*).

Василий Елезов 2000, Сергей Шапошников 1800, Петр Дудин 800, Андрей Елезов 500, Николай Пермяков 500, Иван Осокин 300, Осип Сибиряков 500, Алексей Сибиряков 1040, Иван Рудаков 700, Степан Чураков 750, Лаврентий Козлов 700, Матвей Пуляев 600, Иван Прянишников 400, Петр Звездочетов 450, Семен Пахолков 500, Алексей Старцев 600, Иван Дружинин 700, Михайло Дрюков 450, Яков Корюхов 500, Григорий Бородин 750, Гаврило Васильев 200, Фёдор Сизой 200, Николай Дементьев 3500, Леонтий Чипизубов 100, Иван Громов (середний) 270, Михаил Потаповский 500, Петр Миковцов 630, Иван Абадуров 700, Иван Верховцев 550, Лупп Пахолков 300, Данило Глазунов 200, Василий Кирилов 100, Михайло Пономарев 500, Николай Зубов 400, Прокопий Гусев 70, Яковь Гурьев 330, Данило Дементьев 350, Тарас Ракитин 60, Никифор Перевозников 600, Яков Зельников 210, Федор Запельев 200, Иван Пестовский 300, Максим Калашников 200, Матвей Кудреватый 120, Иван Хромов (большой) 260, Михайло Маньков 150, Григорий Кузнецов 50, Иван Смоленский 100, Евдоким Овсянников 175, Степан Лычагов 270, Яков Портнягин 50, Осип Калашников 50, Иван Каргаполов 225, Иван Безруков 100, Терентий Кабанов 100, Родион Петчиков 50, Никита Трапезников 60, Панфил Гордеев 45, Иван Красногоров 100, Елисей Балахонцев 115, Иван Петрухов 180, Федор Лазарев 360, Яков Дудоровский 250, Василий Попов 100, Иван Зырянов 50, Тимофей Шаламов 160, Наум Квасников 70, Иван Богомолов 40, Иван Слатин 15, Семен Замякин 250, Авраам Бачин 160, Михайло Кудреватых 15, Федор Стрекалов 100, Павел Зимин 450, Василий Фролов 100, Яков Никитин 370, Петр Куроптев 300, Иван Кочнев 170, Афанасий Стрекалов 50, Герасим Подрезов 500, Данило Зимин 100, Федор Новиков 350, Иван Калинин 270, Иван Пахолков 65, Родион N 50, Михайло Назаров 175, Василий Бухов 222, Осип Шаламов 83, Афанасий Кочнев 234, Алексей Елезов 300, Лука Соловьев 20, Степан Дудин 30, Семен Кузов 130 и Василий Шарыпов 1 р. 55 к.*

Итог этой суммы 155 090 р. 55 к.**

1758 г. Ноября 19-го приехал в Иркутск св. Афонские горы архимандрит Виссарион за сбором подаяния, пробыв [redacted] Иркутске по 18 марта следующего 1759 года.

Наводнение от р. Ангары.

Сего ноября проехал чрез Иркутск в Якутск воеводою асессор Андрей Павлуцкий.

1759 г. Мая 13-го, [redacted] 4 часа попол., сильный пожар в Иркутске, истребивший 22 дома. Пожар начался в доме регистратора Иванова: загорелась баня, от которой вспыхнул [redacted] дом его, [redacted] потом сгорели значительные дома: секрет. Березовской, казачьего головы Шангина, Бречалова и других.

Октября 11-го освящен престол Воздвижения Креста Господня, в каменной церкви в Иркутске, именуемой по этому престолу Крестовоздвиженской.

Того же месяца с 16-го [redacted] 17-е число, в 2 часа попол., было сильное землетрясение.

Декабря 29-го р. Ангара покрылась льдом.

---

* Итого 154 490 р. 55 к., [redacted] 155 090 р. 55 к., как указано в летописи. Очевидно, что или кто-либо из недоимщиков пропущен [redacted] списке, или при напечатании летописи [redacted] 1859 г. вкралась [redacted] частных цифрах опечатка (*Ред.*).

** Один из почтеннейших любителей сказаний о старине, преимущественно иркутской, обещал сообщить мне дополнение к сказанию о Крылове и, как отзывался, очень интересное; но рукопись его по сие время не отыскана, коль скоро обещанное получу, то все интересное будет сообщено читателям в Иркутской летописи (*Авт.*).

ДОПОЛНЕНИЕ К 1754 ГОДУ

О поправках Тихвинского храма, последовавших 1845—47 годах к написанному [redacted] летописи сообщено еще следующее. Когда начались внутренние поправки храма, после снятия иконостасов, разборки полов [redacted] прочего, оказалось, что под полами находились так называемые балки, или матни, огромной величины бревна, на которые настилаются полы. Эти балки были удивительного размера. Они были длиною 8 саж. 1 арш., отрубы [redacted] корню 16, а в вершине от 12 до 16 в. Они

пролежали под полами ровно сто лет и в новое употребление в дело уже не годились; концы их огнили и частию повреждены гнилостию во всю длину; их употребили на дрова. Они занимали пространство в храме во всю его ширину и концами были вложены в стены, на проход до наружности. Эти бревна вырублены не где-нибудь в отдалении от города Иркутска, а [redacted] самом месте города, что ныне преображенский [redacted] благовещенский приходы, когда на этих местах не было еще домов, а был дремучий лес, в котором, по преданию, иркутские жители собирали грибы. Там срублены были эти колоссальные лесины и доставлены к месту постройки не лошадьми, а людьми, на расстоянии от 50 до 700 саж., и каждое бревно обошлось строителю [redacted] 2 руб. 50 коп.

В постройку 1846 г. нужно было достать таких же четыре бревна, на тот же предмет; на вызов подрядчиков нашелся только один желающий, по 25 р. за каждое бревно, [redacted] достать их нужно было из нетронутых лесов Байкала, с так называемого Толстого мыса, о чем [redacted] было уже условлено за сказанную цену. Но скоро подрядчик отказался от доставки.

1760 г. Марта 26-го р. Ангара вскрылась ото льда, простояв покрытою 88 дней.

Декабря 13-го освящен престол Успения Богоматери при Крестовоздвиженской церкви.

1761 г. Генваря 11-го р. Ангара покрылась льдом, а 28 марта вскрылась, быв под льдом 76 дней.

Проехал директором в Кяхту Петр Максимович Гурьев.

Приехал в Иркутск 25 января, проездом [redacted] Нерчинск, в томашние заводы главным начальником бригадир Василий Иванович Суворов.

Обнародована третья народная перепись, [redacted] которую вошел и женский пол.

Настоящий год есть год кончины государыни императрицы Елисаветы Петровны. Царствование ее продолжалось двадцать лет. Один историк Сибири, при восшествии на престол императрицы Елисаветы, внес [redacted] историю немногие, но весьма замечательные следующие слова: «Молчаливый сын Сибири, мрачные, тяжкие времена пронеслись, [redacted] ты завтра увидишь улыбку, переливающуюся на устах истории. Дщерь Петра Великого, предшествуемая [redacted] напутствуемая любовию народною, приемлет скипетр [redacted] девственную руку, с чувствами матери отечества, отечества великого [redacted] сиротствующего. Бодрая, юная и образованная красота престола, милость своего народа нехитрого, она восстановляет Сенат [redacted] прежние преимущества и [redacted] тот же день (12 дек. 1761 г.) прощает тысячи виновных всякого сословия, кроме решительных злодеев; освобождает из каторги и ссылки за начеты и другие вины сосланных [redacted] предает их жребий рассмотрению судебных мест. Вся, кажется, Россия стонала от отчаяния то под взысканием, то под следствием и судом, то в заточении, и пораженная широкою, со дня на день углубляющеюся раною, не знала, к кому посылать вздохи, потому что везде вздыхали. Но ангел России собрал в сосуд [redacted] вздохи, [redacted] слезы и вознес горе святые перлы печали народной. Завтра, сын Сибири, увидишь новую деятельность, новую жизнь на Урале, Алтае [redacted] даже в Камчатке. Ты услышишь о восстановлении магистратов, о воссоздании купечества, этой разрушенной храмины, об уничтожении внутренних пошлин и о пресечении кровавых зрелищ смертной казни. Двадцатилетие Елисаветы, окруженной природными образованными вельможами [redacted] мужами, есть смягченное продолжение сильного царствования Петрова [redacted] вместе прехождение к новым идеям управления. В нем потухает заря вечерняя [redacted] другая утренняя занимается, заря из-за облака, предвещающая славной незабвенной день Екатерины». Так передал нам г. Словцов.

23 декабря р. Ангара покрылась льдом.

Проехал из С.-Петербурга чрез Иркутск в Пекин лейб-гвардии капитан Иван Кропотов, возвратившийся [redacted] генваре 1764 года.

1762 г. Марта 28-го р. Ангара вскрылась, простояв подо льдом 95 дней.

19 октября указом Великой Екатерины уничтожена Тайная канцелярия [redacted] произношение ненавистных речей «слово [redacted] дело». Указ сей состоит в 11 пунктах, из них [redacted] 1-м сказано: Тайных розыскных дел Канцелярия уничтожается отныне навсегда, [redacted] дела ее предаются вечному забвению; во 2-м ненави-

стное выражение, а именно «слово и дело» не долженствует значить отныне нечего, за произношение их наказывать полициею, как озорников и ослушников; 3, кто имеет что объявить, то объявлял бы прямо [redacted] судебное место; 4, все преступники, [redacted] ссылки и каторги посланные, ни о каких делах доносителями быть не могут и проч.

Приглашали из Тобольска [redacted] Иркутска для слушания новосочиняемого Уложения четверо купцов. Из Иркутска ездил купец Илья Андреевич Сизой, другой же неизвестен.

Ноября 26-го освящен в девичьем монастыре храм Знамения Пресвятой Богородицы преосвященным Софронием.

Екатерина II Алексеевна вступила на Всероссийский престол.

1763 г. Генваря 1-го р. Ангара покрылась льдом, а марта 28-го вскрылась, простояв подо льдом 86 дней.

Июня 17-го освящен придел при Воскресенской церкви (Тихвинская тож) Св. пророка Илии.

Июля 19-го обвалился каменный свод строившейся тогда Троицко-Духовской церкви, что на Потеряихе. При этом случае убито три человека [redacted] несколько ушиблено.

1764 г. Генваря 7-го р. Ангара покрылась льдом, а 14 марта вскрылась, простояв под ним 67 дней.

Сего года отправлен [redacted] Сибирь лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майор Щербачев с командою, для пресечения притеснений какими сибирские дворяне, дети боярские и казаки, отряжаемые для сбора ясаку, бессовестно и до конца разоряли беззащитных ясачных всех племен. Щербачев был снабжен особою инструкциею, подписанною собственноручно императрицею Екатериною. Инструкция эта [redacted] 19 пунктах. Она начинается так: Коим образом во всей Сибирской губернии [redacted] в Иркутской провинции положенной ясак с тамошних жителей, с крайним отягощением и беспорядком доныне собирался, и какие посылаемые для сбору того ясака люди грабительства чинили, о том Мы, будучи сведомы с крайним не только неудовольствием, но [redacted] совершенным о бедных [redacted] беззаступных ясачных народах соболезнованием, остались и не могли, по природной Нашей склонности, такие от безделков беспорядки [redacted] грабительствы без пресечения обидимым ясачным народам, не подав монаршей Нашей к спокойнейшему их житию протекции; оставить. И для того данным от Нас февраля от 6-го числа Сенату именным указом о таких происходящих в той Сибирской губернии неустройствах знать дали, причем повелели к отвращению всех доныне происходивших вредностей и к постановлению доброго тамо в сборе ясака порядка, ведая вашу к службе Нашей прилежность и добрые поведения, отправить в Сибирь вас, [redacted] для случающихся по оной врученной вам комиссии нужды и посылок, в точную вашу команду взять из гвардии Нашей обер-офицеров 2, унтер-офицеров 4, капралов 4, рядовых 12, да из армейских и отставных штаб [redacted] обер-офицеров 6. Разным образом и секретаря одного, канцеляриста одного же [redacted] двух копиистов, кого вы за способных при той вверенной вам комиссии быть найдете; [redacted] если, сверх того, по обстоятельству дела потребны вам будут из воинских [redacted] штатских чинов, то и оные тамо от команды их вам брать позволяется ж; тако ж для пользования вас [redacted] команды вашей дан вам будет лекарь, чем всем вас Нас Сенат удовольствовать может. По получении ж вами надлежащего от Сената отправления повелеваем чинить вам следующие». Отсюда начинаются пункты. Все они весьма интересны [redacted] обширны; ими повелевалось с инородцами обходиться ласково, без угроз и притеснений, обнадеживать монаршею милостию и спокойным жительством: тем, которые отлагались и ясак не платили, даровать прощение; поверить старые переписные книги и с них составить новые, с верною записью каждой души, делая то чрез князцов [redacted] тайшей инородцев, делая оклады с согласия их, платежом зверями [redacted] деньгами, дабы эти родоначальники платили ясак каждый за свой улус, а не мелочным сбором; на известные, так называемые сугланы или инородческие ярмарки, чтобы торгующее купечество приезжало однажды в год, [redacted] такое время, когда туда будут приезжать комиссары за получением ясака для обоюдного удобства; а [redacted] прочее время в их улусы [redacted] кочевья ни с какими товарами отнюдь не въезжать,

■ чем накрепко запретить, а по съезде князцов, комиссаров и купцов на ярмарку, торговли не начинать до тех пор, пока весь ясак не будет внесен; ■ случае поступающих жалоб на прежних сборщиков ясака, на грабителей и взяточников принимать и отсылать ■ Сибирскую губернию ■ ■ другие тамошние канцелярии и тех виновных, кои не офицерских рангов ■ больших преступлениях найдутся ■ тягчайшим штрафом или смертной казни принадлежать будут, отсылать ■ Анадырский острог и на Камчатку на вечное поселение, а те, которые имеют чины, должны возвращать взятое, отрешать их от должности ■ доносить Сенату; стараться рассмотреть ■ разведать о жительствах инородцев, по обширности сибирских мест, чем кто пропитание имеет, ■ против прежних лет умножается ль хлебопашество и проч. Прежде узаконено было, чтобы иноверческих князцов, которые исправно взносят ясак, дарить сукном ■ погребом, то ■ ныне разрешалось сделать установление, по скольку кому того вознаграждения давать прилично. Всем членам этой комиссии назначено двойное жалование и прогонные деньги; на непредвидимые расходы выдано 1000 руб. ■ предписано (Щербачеву) должность исправлять ревностно, поступать по самой истинной правде, как доброму ■ честному офицеру надлежит, а за подчиненными своими накрепко смотреть, чтобы взяток ■ подарков ни под каким предлогом брать не дерзали и в селах ■ ■ деревнях крестьянам, а в ясачных жилищах иноверцам, яко безгласному народу, никаких обид, побоев и в квартирах утеснений отнюдь не чинили ■ во взятии съестных припасов безденежно не касались, ■ поступать везде без всякого озлобления, а с нарушителями сего немедленно поступать по Высочайшим регулам ■ проч.

Сего года ■ Сибирском царстве открыта другая губерния — Якутская.

По несогласию с Китаем торг на Кяхте закрыть (до 1769 г.), почему многие иркутские и другие купцы выехали из Кяхты к своим местам.

1765 г. О покрытии ■ вскрытии р. Ангары льдом за шесть следующих лет сведений не имеется.

Марта 15-го прибыл в Иркутск первый губернатор, генерал-майор Карл Львович фон-Фрауендорф, был на службе ■ Омской крепости. Штат Иркутской губернии Высочайше утвержден 15 декабря 1763 года, которым назначено жалования: губернатору 1875 р., товарищам его — двум, каждому по 600 руб., прокурору 400 руб., секретарю 300 руб., воеводе 600 руб. ■ товарищу его 375 руб. в год. По приезде Фрауендорф заметил неустройство города, потому что самая постройка домов ■ прежнее время производилась без планировки, а кто как хотел: то выставлялась на улицу ретирада, другой над воротами строил огромный навес, где непременно ставилась св. икона, а перед домами по набережной строились лавки для сиденки, особенно безобразили дома неровными окнами, с прибавлением так называемых волоковых; у многих крыльцо и двери были прямо с улицы, что еще в наше время было видно. При домах же были обширные овощные огороды, где первое место непременно занимал хмельник, т. е. рос хмель ■ вился по высоким тычинам*; сверх сего, улицы были узкие ■ кривые, и по неровности местоположения во многих местах в летнее время, начиная с весны, стояли непроходимые грязи, местами похожие на озера ■ болота. Он крепкою рукою принялся за устройство города, что жителям поначалу было ■ тягость, ■ после сами признали все это за полезное.

---

* Известно, что предки наши любили попивать доброе пивцо, которое варили из своего хлеба и хмеля, зато очень мало пили вина, несмотря на то, что оно было дешево — 5 и 8 руб. ассиг, ведро. Этот прекрасный обычай выжила откупная администрация с запрещением варить повсеместно пиво, ■ сожалению нас, потомков. Каждый праздник, частный или общий, не был без пива; если праздник престольный, то предки наши праздновали его отлично, они не напивались допьяна, потому что мало пили вина, а довольствовались своим полухмельным пивом и любили досыта поесть пирогов-курников, гуляя непременно три дня, перехаживая из дома ■ дом. Родины, крестины или именины — везде пиво играло главную роль. В деревнях к престольным праздникам варили общественное пиво, так называемые кануны, для чего имелись особые пивоварни ■ искусные в своем деле пивовары (*Авт.*).

При нем же выстроен был первый губернаторский дом.*

Июля 7-го бывший иркутский вице-губернатор Вульф выехал [redacted] Иркутска в Россию в чине тайного советника.

1766 г. Обретены святые мощи Иннокентия первого епископа Иркутского, под алтарем Тихвинской церкви, [redacted] Вознесенском монастыре, при преосвященном епископе Иркутском Софронии [redacted] при архимандрите монастыря Синисии.

Инородцам [redacted] Сибири, их шуленгам и тайшам определено жаловать за услуги кинжалы, так называемые кортиками, для ношения при кафтане.

Сентября 1-го освящен главный престол Воскресения Христова при Воскресенской церкви, которая известна [redacted] Иркутске под именем Тихвинской, преосвящ. Софронием.

1767 г. Января 2-го губернатор Фрауендорф скончался, 16-го похоронен на немецком кладбище, что против Крестовоздвиженской церкви, управляя губерниею 1 год 9 месяц и 24 дня.

Начало постройки каменного архиерейского дома, заложенного преосвященным Софронием, который окончен в 1770 году, и в 31 октября того же года преосвященный перешел в него на жительство.

Апреля 17-го строющаяся церковь Вознесения Господня, в Вознесенском монастыре, сего дня преосв. Софронием освящена при настоятеле Синесии.

Ныне же прибыл в Иркутск комендантом (в 17 марта) Петр Десамс. Он скончался здесь 20 ноября следующего года.

Ноября 4-го прибыл из С.-Петербурга второй губернатор в Иркутск, генерал-майор Адам Иванович Бриль. Он встречен был торжественно, даже с пушечною пальбою. Бриль был человек доступный всякому, скромен [redacted] рассудителен в делах. Им подтверждено уничтожение хмельников по укрывательству в них воров, наблюдение о чистоте улиц [redacted] штраф с бродячего скота. Береговой обруб, пришедший от времени [redacted] разрушение, в бытность его исправлен и укреплен новыми сваями. Служение его продолжалось в Иркутске по 12 апреля 1776 года, выехал из Иркутска 20 мая с. г. с определением на службу в Москву президентом мануфактур-коллегии.

1768 г. Проехал [redacted] Кяхту известный уже летописи полковник Ив. Ив. Кропотов для переговоров с китайскими чинами о восстановлении кяхтинской торговли и о прекращении обоюдных неудовольствий. Тогда же проехали в Нерчинск генерал-майор Петр Ив. Ивашев [redacted] полковник Василий Дм. Тулубьев за производством [redacted] заводах следствий якобы о похищении казенного серебра [redacted] других злоупотреблений.

Кропотов успешно кончил дела с китайцами; размен трактатов последовал 18 октября с. г. при пушечной пальбе, [redacted] сего же дня начался торг.

1769 г. Февраля 15-го [redacted] 11-м часу пополуночи на северо-западе были видимы два красные [redacted] один черный столбы, причем было землетрясение.

В марте прибыл из Селенгинска с полком солдат Иван Варф. Якобий, следующий [redacted] Россию.

Июля 8-го прибыл [redacted] Иркутск на службу губернаторским товарищем полковник барон Иван Осип. Соловьев. Он скончался в Иркутске 1772 года мая 15-го числа, похоронен 17-го при Тихвинской церкви.

Августа 14-го прибыла из Томска в Иркутск игуменья Ираида с двенадцатью монахинями [redacted] Знаменский девичий монастырь.

Учреждена в Иркутске банковая контора с тем, чтобы капитал ее не превышал полумиллиона. Она помещалась в доме, где ныне казенная аптека.

Сего года уехал [redacted] С.-Петербург вместо бывшего там доверенного от иркутского общества Мальцева Прокопий Козьмин — по крыловскому делу.

В августе же возвратился из Нерчинска генерал-майор Ивашев с членами комиссии.

1770 г. В генваре месяце по покрытии Байкала льдом преосвященный Софроний посетил Забайкалье [redacted] Кяхту [redacted] сего месяца возвратился в Иркутск.

В июле прибыл [redacted] Иркутск на службу [redacted]

---

* Дом этот построен был около Спасской церкви, где находились и другие присутственные места, прежний воеводский дом, канцелярская палата, тюрьма, дом для пыток с застенком (*Авт.*).

Селенгинска, комендантом, бригадир Иван Ант. фон-Ленейман. Он скончался [redacted] Иркутске 23 июля 1788 года.

Приезжали в Иркутск к губернатору три китайские чиновника, пробывшие здесь пять дней.

Октября 17-го проехал чрез Иркутск в Кяхту директором Непряхин.

Губернатор Бриль получил орден Св. Анны 1-й ст.

Прибыли из Селенгинска дети Якобия, восемь дочерей, едущие в Россию. Они отправились из Иркутска водою по р. Ангаре на судне купца Киселева.

1771 г. На смену губернаторского товарища Соловьева приехал определенный Дмитрий Конст. Соболев.

Марта 7-го губернатор Бриль пожалован в чин генерал-поручика.

Сего же марта 30-го, в 2 часа пополун. скончался преосвященный епископ Иркутский Софроний. Тело его предано земле в соборе, в приделе Казанской Богоматери, у левого клироса, но отпевание усопшего пастыря совершено 9 октября священническим обрядом. Это произошло от недоумения иркутского духовенства, не знавшего обряда отпевания епископов, о чем представляемо было св. Синоду [redacted] испрошено разрешение.

Июля 26-го было землетрясение.

Сентября 18-го получено [redacted] Иркутске радостное известие из С.-Петербурга о взятии российским оружием турецких городов в Крыму: Перекопа, Козлова (ныне Евпатория) [redacted] Еникуля (ныне Керчь-Еникале).

Генерал Ивашев [redacted] полковник Тулубьев проехали из Нерчинска в Россию 10 декабря.

Сего года уехала в Пекин российская духовная миссия, свиту которой составляли архимандрит Николай, священник Иоанн Протопопов (бывший приходским свящ. Иркутск. Спасской церкви), иеродиакон Никифор, студенты: Яков Коркин, Алексей Парышев, Федор Бакшеев, Алексей Агафонов, причетники: Петр Родионов [redacted] Иван Гребешков. В другом месте мы находим сказание о членах этой миссии таковое: что она составлена [redacted] Москве 1767 г., сентября 8-го д. из следующих лиц: начальник миссии архимандрит Николай Цвет, бывший Троицко-Сергиевой семинарии иеромонах, учитель французского [redacted] немецкого языков; два иеромонаха Иуст [redacted] Иоанникий, иеродиакон Никифор, церковники Семен Цвет и Семен Килевский. Сверх этих лиц назначены еще вдобавок в свиту миссии 1769 г. ученик Яков Коркин и таковые же из Тобольска трое — Агафонов, Парышев [redacted] Бакшеев. Миссия эта прибыла [redacted] Иркутск 1769 г. [redacted] осталась здесь почти до 1772 года.

В это время иеромонах Иоанникий скончался (с. с. [redacted] 21 апреля), [redacted] церковники Цвет [redacted] Килевский оказались неспособными; тогда вместо этих трех поступили из Иркутска сказанные свящ. Протопопов и церковники Гребешков [redacted] Родионов. Архимандрит Николай, благополучно кончив чреду служения церкви пекинской, выехал из Китая 1782 г., желая провести остаток дней своих на покое в Киево-Печерской лавре, но, недалеко отъехав от Пекина, скончался.

1772 г. Марта 14-го дня возвратился из С.-Петербурга иркутский купец, депутат Алексей Сибиряков, бывший там по крыловскому делу.

Апреля 7-го, в 10 час. вечера было большое затмение луны, напугавшее жителей.

Июня 13-го возвратились [redacted] Пекина прежней духовной миссии члены: иеромонах Сильверст и студент Степан Борис. Зимин. Нам уже известно, что прочие члены все скончались [redacted] Пекине (См. 1754 год).

Сего года открыт [redacted] Иркутске на казенное иждивение оспенный дом, по случаю свирепствовавший опустошительной натуральной оспы между инородцами.

В четыре года привита оспа 6450 бурятск. дет. Привитие ее оказало повсеместно спасительное действие.

В октябре, вследствие указа, запрещено погребать умерших при церквах, [redacted] отведено место для кладбища, далее Крестовоздвиженской церкви, на Иерусалимской горе.

Ноября 29-го, [redacted] 9-м часу утра было довольно сильное землетрясение.

Декабря 5-го Тобольского Знаменского монастыря архимандрит Михаил (Миткевич) хиротонисан [redacted] Казани [redacted] епископа Иркутского [redacted] Нерчинского преосвященными: синодальным членом Вениамином (Пучек-Григоровичем),

архиепископом Казанским ■ Варсанофием (Любарским), епископом Вятским.

Декабря 14-го р. Ангара покрылась льдом.

1773 г. Января 21-го прибыл на службу ■ Иркутск губернаторским товарищем Василий Семенович Бестужев.

Февраля 11-го, по полученному известию о скором прибытии в Иркутск епископа Михаила, депутация иркутского духовенства выехала из Иркутска на встречу преосвященного на восьми экипажах, ■ сопровождении двух генералов.

Марта 17-го преосв. Михаил прибыл в Иркутск, встречен был торжественно у Владимирской церкви духовенством, губернатором города Брилем и многочисленным народом. В церкви этой он облачен был в архиерейские одежды, ■ сопровождении духовенства с крестным ходом ■ публикою, шествовал в Богоявленский собор, при колокольном звоне всех церквей ■ пушечной пальбе. В соборе совершил литургию ■ на окончании оной говорил поучительное слово. С преосвященным Михаилом приехал его племянник — семинарист Иван Гаврилович Миткович, впоследствии бывший кафедральным протоиереем ■ членом Иркутской консистории.

Сего марта 17-го р. Ангара вскрылась, простояв подо льдом 93 дня.

Апреля 11-го было полное затмение солнца.

Июня 2-го преосвященный Михаил освятил престол при Воскресенской церкви во имя Ионна Богослова.

Июля 14-го было землетрясение.

Августа 7-го иркутский полицеймейстер плац-майор Ельнев помешался в уме; вместо него на время определен капитан Мякинин.

1773 г. Августа 8-го числа проехали из Екатеринбурга ■ Якутск горные офицеры для исследования в тамошних местах разных руд, из которых якобы тамошние инородны плавили металлы ■ приготовляли для себя нужные вещи и проч.

17-го числа пришла в Иркутск рота солдат в числе 300 человек и часть конных драгун. Войско это размещено было на квартиры в Иркутске и несколько человек отправлено в Оекскую слободу.

28-го числа иркутский прокурор Петр Иванов выехал для ревизии Тельминской фабрики и солеваренного завода.

1774 г. Января 2-го р. Ангара покрылась льдом, 16 марта вскрылась, простояв под ледяным покровом 73 дня.

Июня 3-го прибыл в Иркутск определенный в Якутск воеводою кол. сов. Данило Петр. Озеров, а в это время по донесению губер. Бриля на товарища своего Дмитрия Соболева, якобы за сочинение подсудимым просьб, по указу Сената уволен от должности, ■ потому место его заступил Озеров, ■ вместо Озерова прибыл ■ С.-Петербурга новый ■ Якутск воевода Федор Шатилов в октябре месяце.

Сего же октября получено приятное известие о заключении мира с Оттоманскою портою, по этому случаю праздновано здесь несколько дней сряду, давались обеды ■ проч.

Декабря 20-го р. Ангара покрылась льдом.

Продолжение следует

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР,
В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР,
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ*

В последние годы под знаменами объявленной «демократизации», строительства «правового государства», под лозунгами борьбы с «фашизмом и расизмом» в нашей стране разнуздались силы общественной дестабилизации, на передний край идеологической перестройки выдвинулись преемники откровенного расизма. Их прибежище — многомиллионные по тиражам центральные периодические издания, теле- и радиоканалы, вещающие на всю страну.

Происходит беспримерная во всей истории человечества массированная травля, шельмование и преследование представителей коренного населения страны, по существу объявляемого «вне закона» с точки зрения того мифического «правового государства», в котором, похоже, не будет места ни русскому, ни другим коренным народам России.

Тенденциозные, полные национальной нетерпимости, высокомерия и ненависти публикации «Огонька», «Советской культуры», «Комсомольской правды», «Книжного обозрения», «Московских новостей», «Известий», журналов «Октябрь», «Юность», «Знамя» и др. вынуждают заключить, что пасынком нынешней «революционной перестройки» является в первую очередь русский народ. Представители трех его ныне живущих поколений, начиная от ветеранов Великой Отечественной войны, спасших мир от гитлеризма, представители разных социальных слоев и профессий — люди русского происхождения — ежедневно, без каких-либо объективных оснований именуются в прессе «фашистами» и «расистами» или же — с сугубо биологическим презрением — «детьми Шарикова», то есть происходящими от псов. Это прямо приводит на память гитлеровскую пропагандистскую терминологию относительно русских, «низшей» славянской расы.

Регулярному расистскому поношению подвергается все историческое прошлое России — дореволюционное и послереволюционное.

Россия — «тысячелетняя раба», «немая реторта рабства», «крепостная душа русской души», «что́ может дать миру тысячелетняя раба?» — эти клеветнические клише относительно России и русского народа, в которых отрицается не только факт, но сама возможность позитивного вклада России в мировую историю и культуру, к сожалению, определяют собою отношение центральной периодической печати и ЦТ к великому героическому народу-труженику, взявшему когда-то на свои плечи беспримерную тяжесть созидания многонационального государства.

«Русский характер исторически выродился, реанимировать его — значит вновь (?) обрекать страну на отставание, которое может стать хроническим» — читаем мы напечатанное на русском язы-

---

* Впервые опубликовано в «Литературной России» № 9, 2 марта 1990 г.

ке, на бумаге, выработанной из русского леса. Само существование «русского характера», русского этнического типа недопустимо по этой чудовищной логике! Русский народ объявляется сегодня л и ш н и м, глубоко нежелательным народом. «Это народ с искаженным национальным самосознанием», — заключают о русских советские политические деятели и журналисты. Желая расчленить Россию, упразднить это геополитическое понятие, они называют ее «страной, населенной п р и з р а к а м и», русскую культуру — «накраденной» (!), тысячелетнюю российскую государственность «утопией». Стремление «вывести» русских *за рамки* homo sápiens приобрело [redacted] официальной прессе формы расизма клинического, маниакального, которому нет аналогий, пожалуй, средь всех прежних «скрижалей» оголтелого человеконенавистничества. «Да, да, все русские... люди — шизофреники. Одна их половина — садист, жаждущий власти неограниченной, другая — мазохист, жаждущий побоев и цепей» — подобная «типология» русских нарочито распубликовывается московскими «гуманистами» в прессе союзных республик — для мобилизации всех народов страны, в том числе и славянских, против братского русского народа. Русофобия [redacted] средствах массовой информации СССР сегодня догнала и перегнала зарубежную, заокеанскую антирусскую пропаганду. Особенность здешних хулителей и клеветников — в отрицании истинного характера своей деятельности, в отрицании непреложного факта — советской р у с о ф о б и и, в непризнании за собой состава преступления против России [redacted] русского народа.

Дискриминированный [redacted] реальных гражданских правах, ошельмованный как «раб», как «фантом» или «призрак», русский человек в то же время сплошь [redacted] рядом нарекается «великодержавным шовинистом», угрожающим другим нациям и народам.

Для этого лживо, глумливо п е р е п и с ы в а е т с я история России, так что защита Отечества, святая героика русского патриотического чувства, трактуется как «генетическая» агрессивность, самодовлеющий милитаризм. «А с кем только не воевала?! — сокрушается насчет «забияки» — России член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев в «Литературной газете» (14 февраля с. г.).— И все это [redacted] памяти. Все это формирует сознание, остается в генофонде... Психологически — наследие отягчающее».

И уж не для того ли, чтоб снять с нас генетическую, психологическую «тяжесть» патриотической ратной славы, центральная пресса ныне равно отказывает России и в победе над Наполеоном, [redacted] победе над гитлеровской Германией? Примеры подобной беззастенчивой лжи средств массовой информации, которые пытаются перекричать и Карамзина с его «Историей государства Российского», и «Клеветникам России» Пушкина, и «Войну и мир» Л. Толстого, и свидетельскую память наших живых еще современников, — воистину бессчетны.

Явно сочувствуя националистическим движениям и фронтам (от Прибалтики до Молдавии [redacted] Закавказья), проникнутым русофобскими настроениями, многие средства массовой информации замалчивают трагедию русского народа, его великие жертвы в прошлом и настоящем, многочисленные погромы, которым подвергается ныне русское население в союзных республиках.

На фоне этих погромов, организуемых в разных регионах страны, перед лицом десятков тысяч русских беженцев, лишенных приюта [redacted] собственном государстве, в средствах массовой информации учащаются грубые провокации, имеющие целью вызвать отвращение [redacted] русским, представить их в зоологическом виде — как это сделано было, например, в телепрограмме «Взгляд» 2 февраля с. г. в связи с вечером журнала «Наш современник». Провокационно раздувается жупел «Памяти», которую выдают за могущественно-агрессивную силу—нечто вроде гитлеровского абвера, хотя речь идет, по сути, о нескольких маскарадных фигурах, которые во всех случаях не могут быть признаны выразителями мировоззрения целого народа, не говоря уж о том бесспорном факте, что их самодельные плакаты, попадающие в телекадры, ничуть не националистичнее лозунгов

многих «демократических» «народных» фронтов в союзных республиках.

Пример крупномасштабной провокации, задевающей честь множества народов России, — дружные усилия центральной прессы объявить VI пленум правления СП РСФСР «антисемитским шабашем». Между тем едва ли не 70 процентов участников пленума были представителями братских литератур РСФСР.

Замалчивая многонациональный состав пленума, демократический механизм принятия решений, единодушие подавляющего большинства его разнонациональных участников, центральная пресса нарочито суживает общественное мнение писателей России, ставит на один из полюсов нынешней литературно-идеологической конфронтации исключительно русских, только и именно их.

Лжеинтернационалистам из «Огонька», «Книжного обозрения», «Недели» и т. п., верно, невыгодно выявленное пленумом единство. Ибо это мощно заявившее о себе единство взглядов, сознание общности национальных судеб народов России не согласуется с клеветнической целью прессы и ЦТ—запугать население СССР «русским великодержавным шовинизмом». Центральная пресса игнорировала [illegible] своих «отчетах» о VI пленуме правления СП РСФСР выступления писателей из автономных республик, областей [illegible] округов России, не нашла для них места на своих многочисленных страницах, и уже одно это вынуждает подвергнуть глубокому сомнению якобы интернационалистическую позицию авторов провокационных «отчетов».

Возмутительный и, пожалуй, «новаторский» пример провокации — подстрекательство ленинградской прессы и телевидения накануне проведения [illegible] Ленинграде культурно-просветительского мероприятия «Российские встречи» с участием писателей из Москвы, Вологды и других городов России. «Политическим безрассудством [illegible] безответственностью», «всплеском националистической волны», который угрожает городу актами «хулиганства, насилия и, не дай Бог, кровопролития», — вот как обозвала провокационно-клеветническая пресса приезд в «город на Неве» российских деятелей культуры и литературы. Словно вела речь о вражеском, иноземном нашествии! Словно русские деятели культуры направлялись не в русский город, недавнюю столицу России, а в ощеренный стан своих ненавистников и посягали на чужую землю, готовящуюся к отпору агрессорам! «Наш город должен ответить отказом... принять их на невской земле», — призывали в газете «Смена» члены бюро обкома ленинградского комсомола. «Проведение «Российских встреч» может стать элементом, дестабилизирующим обстановку в нашем городе», — кликушествовали в письме [illegible] газету работники Ленинградского обкома ВЛКСМ, снова и снова призывая к «организации отпора» российским гостям.

Стоит заметить, что ничего подобного насчет куда более уместного отпора не публиковала ни «невская», ни другая советская пресса накануне слета в столице России, [illegible] декабре 1989 г. около 60 представителей крупнейших сионистских организаций Запада [illegible] Израиля, включая председателя исполкома Всемирной сионистской организации С. Диница.

А если вдуматься, что ленинградская пресса (и ТВ) желала бы запретить въезд в русский город таким знаменитым русским писателям, как, например, Василий Белов или Владимир Солоухин, фронтовикам — Сергею Викулову и Михаилу Алексееву, а также детям и внукам тех, кто сложил головы на подступах к Ленинграду [illegible] 1941—1944 гг., тех, кто прокладывал Дорогу жизни по Ладоге ради помощи ленинградским блокадникам, — станет ясной всемирно-историческая беспримерность провокационной, организованной травли лучших представителей коренного народа России.

Эта оскорбительная травля не стихала [illegible] в саму неделю «Российских встреч», несмотря на успех литературно-публицистических, творческих вечеров у ленинградцев. Город был наводнен русофобскими, расистского толка листовками; у дверей концертных залов, где выступали российские писатели, вспыхивали провокации, гости нуждались [illegible] заботе правоохранительных органов. Одну [illegible] недостойных провокаций, учиненную ленинградской журналисткой А. Репиной, стре-

мительно поддержала всесоюзная газета — «Известия», — вопреки разъяснению по ТВ работников Ленинградского ГУВД насчет мнимо пострадавшей от русских писателей неудачливой провокаторши.

Возникает вопрос: зачем некоторые журналисты ставят себя в столь незавидное, унизительное положение? Не только лгут очернительскими своими перьями, искаженными фокусами своих теле- и фотосъемок, уродующими расово «несимпатичные» лица людей, но готовы к практическим инсинуациям, к саморучному сотворению «возмутительных» фактов ■ публичных местах, где немало свидетелей странного, порой именно буйного поведения «объективных» журналистов?..

Один из видов провокации — истерическое преувеличение, раздувание и натужное муссирование нежелательного события, даже и самого локального по его действительному масштабу.

Такой провокацией является опубликованное шестимиллионным тиражом «Литгазеты» (14 февраля 1990 г.) «Открытое письмо членам Политбюро ЦК КПСС» от коммунистов раскольнической организации московских писателей «Апрель». Оно посвящено «налету(!) экстремистов из «Памяти» на Дом литераторов», или же — «достаточно подробно описанному ■ газетах (и центральных журналах) «погрому ■ Доме литераторов».

Из «Открытого письма» выясняется, что экстремистские «налетчики», «погромщики» (группка лиц, покуда еще следствием не выясненных, бог весть как проникших ■ Дом литераторов, администрация которого несет полную ответственность за допуск в ЦДЛ не членов СП), были вооружены... мегафоном. Этот-то мегафон неведомых оппонентов «Апреля» авторы «Открытого письма» приравнивают к «самым смертоносным видам оружия», которым «набиты наши склады», наши «страшные арсеналы». А само обоюдовульгарное, не без комических черт происшествие ■ ЦДЛ фактически ставят ■ о д и н р я д с «трагическими событиями последних месяцев ■ Фергане и Азербайджане».

Кажется, надобно знать меру ■ средствах и формах отпора даже неправому мнению и поведению! Но, как ни досадно, скандальное происшествие в ЦДЛ, провокационность «Открытого письма» комитета «Апрель», похоже, далеко перекрывает суть и фабулу этого явно раздутого факта. Ведь мегафон неизвестных пришельцев на заседании «Апреля» побуждает «демократических» членов этой политической организации схватиться за... автоматы. «Надо уметь постоять за себя!.. — пишут «апрельцы». — Среди нас достаточно еще фронтовиков, которые повидали автоматы ■ руках не менее волосатых. Так что он подобных налетчиков защитить себя можем». Характерно, что это «ответно»-милитаристское заявление ■ «ЛГ» подписано ■ т о м ч и с л е и женщинами «Апреля» (отнюдь не фронтовичками). В том ли достоинство ■ долг писателей, чтобы при виде «оппонирующего» их политическим страстям приблудного, а возможно, ангажированного мегафона взывать к репрессиям и, на корню отвергая дискуссию, настраивать себя, Политбюро ЦК КПСС, миллионы читателей «ЛГ» не иначе как на гражданскую войну?

Глубоко провокационно ■ бездоказательное обвинение правлению Союза писателей РСФСР, будто оно причастно к обструкции «Апрелю» со стороны не числящихся в СП РСФСР лиц.

Глубоко провокационно и назойливое стремление ряда печатных органов «слить» СП РСФСР с ряжеными крикунами из тщеславного крыла «Памяти» — несколькими «присяжными» манифестантами. Это подобно тому, как если бы секретариат правления СП РСФСР взвалил непосредственно на «Апрель» ответственность за действия, скажем, известного провокатора А. Норинского. СП РСФСР, его печатные органы воздержались от подобной постановки вопроса, хотя — и этого нельзя оспорить — помянутый провокатор обязан популяризацией своих деяний как раз некоторым писателям — «апрельцам», ■ ныне запугивающим общественность жупелом «Памяти».

И тут надо сказать: попытка возвести всякую мысль о возрождении России, о ее политическом и экономическом равноправии, о самобытности ее исторического пути, неповторимости ее национальной

культуры к плакатам ославленных, хоть по сути — безвестных или самозваных, лиц из «Памяти», несомненно, служит сегодня прикрытию истинного расизма и неофашизма, нешуточные силы которого объединены [redacted] Союзе сионистов СССР, имеющем военизированные отряды *бейтаровцев*. Истерично крича об угрозе человечеству, всем народам СССР со стороны одиозных фигур из «Памяти», центральная пресса упорно тушует или безастенчиво приукрашивает идейную сущность сионизма и тщательно уводит сознание граждан нашей страны от того, что на счету легализированной в СССР организации «Бейтар» — не только расистские лозунги еврейской национальной «исключительности», но и причастность к таким деяниям, как, например, резня в лагерях палестинских беженцев Сабра [redacted] Шатила, к сотням кровавых преступлений, террористических актов, от которых не раз содрогалась мировая общественность.

Пряча в тени истинных «коричневорубашечников» сегодняшнего дня, антиконституционно вторгшихся со своим международным сборищем в самое сердце России — Москву (еврейско-сионистский съезд 18—21 декабря 1989 г.), развернувших практическую деятельность, ультрарасистскую пропаганду по всей нашей стране, «прогрессивная» пресса, в том числе печатные партийные органы, насаждает кощунственное понятие «русского фашизма», «нацизма российского», «российского неонацизма» — явления, которого у нас никогда не было и нет.

Выступая на февральском Пленуме ЦК КПСС, академик С. С. Шаталин разглагольствовал о том, что «великорусские шовинисты», к его, академика, «стыду», «решили возродить на нашей российской почве национал-социализм, что... эквивалентно национал-шовинизму» («Правда», 8 февраля с. г.).

Характерно, что «стыдливому» академику с его безответственным, бездоказательным обвинением никто на Пленуме не возразил. Хотя «возрождение на нашей почве национал-социализма» означает, что последний *уже бытовал* на ней в прошлом, и похоже, что академик как минимум перепутал народы, страны [redacted] почвы — Россию с Германией Гитлера, агрессоров — с жертвами агрессии. Такая «рассеянность», быть может, естественна для парящего [redacted] эмпиреях ученого мужа, но прилична ли для Пленума ЦК КПСС? Осталось неясным, что известно коммунисту С. С. Шаталину о «великорусских» планах завоевания мира, покорения других народов? И кого именно подразумевает ученый под «великорусскими шовинистами», *нацистами*, столь хищными, что вгоняют его [redacted] краску стыда за Россию?

В наглой, провокационной лжи о «русском фашизме», «давно зародившемся (!), — по уверениям советской прессы, — но до поры до времени не афишировавшем себя», — содержится, помимо прочего, непростительное глумление над народом, победившим в 1945 году гитлеровский фашизм, спасшим от него мир, в том числе — миллионы евреев. Подобное кощунство особенно чудовищно выглядит в канун 45-летнего юбилея героической Победы народа, сплотившего против фашизма все народы страны, как и народы Европы.

Именно официальные средства массовой информации, сфабриковав подложное понятие «русского фашизма», несут моральную ответственность за распространение [redacted] Москве [redacted] других городах листовок-карикатур с изображением Гитлера в русской косоворотке и смазных сапогах. И что-то вовсе не слышно, чтобы авторов, издателей, распространителей этой пропагандистской «изопродукции» привлекали к уголовной ответственности за клевету на русскую нацию, за кощунство над десятками миллионов русских, павших на фронтах Великой Отечественной — «народной, священной» — войны!

При отсутствии фактов насчет «великорусского фашизма» явственно проступают [redacted] печати социально-политические мотивы подобного вымысла. Вот газету «Известия» (19 февраля с. г.) «повергает в отчаяние», как «поднятый одним хулиганом (!)»: «Русским школам — русских учителей». Вот он, «русский фашизм!» — бьет провозвестник «беды» (!), «лозунг [redacted] площади», то есть «плакат, [redacted] набат» газета [redacted] обзоре писем читателей.

Являясь органом Советов народных

депутатов СССР, «Известия» решительно отказывают русским [redacted] тех именно элементарных социальных правах, какие всячески приветствует эта газета, когда речь идет о любой африканской стране, когда аналогичные права укрепляются (хоть бы в гипертрофированном виде) [redacted] Прибалтике, Армении или Грузии. Так, «Известия» не усмотрели «фашизма» [redacted] выступлении на I Съезде народных депутатов Ш. Амонашвили, который призывал [redacted] развитию «грузинской школы» — не просто ведущей преподавание на грузинском языке, но воспитывающей в детях грузинские национальные идеалы, любовь к Грузии [redacted] национальную гордость.

Мы тоже согласны с народным депутатом из Грузии. Однако не возьмем в толк, чем по существу отличается от него тот «один хулиган», что размечтался о «русской школе» с русскими учителями, которые бы (по слову Некрасова) «русские мысли внушали [redacted] умы» русским детям, воспитывая их русскую речь, русский смысл — «русский взгляд на жизнь» (Тургенев).

И мы поневоле приходим к выводу: фантом «русского фашизма» призван сегодня «оправдать» длящуюся и, возможно, планируемую на будущее всестороннюю дискриминацию России.

Так, спроста ли бесславный протест против создания РКП [redacted] даже Российской академии наук был выдвинут на февральском Пленуме ЦК КПСС — тем же академиком Шаталиным — как раз вслед за его измышлениями о «велорусском национал-социализме», «национал-шовинизме»? Словно бы этим именно — фашизмом — означена была история Российской академии еще со времен Михайлы Ломоносова!

Фантом «русского фашизма» приду[redacted] для разнообразных, [redacted] том числе [redacted] внешнеполитических, конечно, целей. По замыслу его изобретателей, он способен с помощью средств массовой информации решительно отвлечь внимание народов нашей страны от какой-либо внешней опасности государству.

Фантом «русского фашизма», «антифашистская» истерия в средствах массовой информации СССР, развернутая по этому мнимому поводу, призвана вместе с тем загодя затруднить возможность союзнических блоков нашей страны с другими государствами [redacted] случае общей для нас и для них внешней угрозы.

Выдумка о «русском фашизме» насаждается и для того, чтобы оправдать разрушение Советской Армии, подрыв оборонной мощи нашей страны.

Внедряемая [redacted] массовое сознание — у нас и за рубежом — ложь о «русском фашизме» была разработана, [redacted] частности, во имя аннулирования внешнеполитических следствий второй мировой войны, результатов победы Советского Союза [redacted] европейских стран антигитлеровской коалиции — всех народов, поднявшихся для разгрома фашистской Германии. Провокационная ложь о «русском фашизме» выдвигается нынче как глубоко унижающий Россию «моральный фон» для объединения Германии. Как идеологическое средство превращения страны-победительницы в страну, покрываемую позором.

Насаждение вымыслов о «русском фашизме» фактически ведет к «переосмыслению», упразднению в качестве состава преступления таких реальностей, как измена Родине, сотрудничество с иностранными фирмами и правительствами на основе предательства государственных интересов нашей страны.

Что ж до внутренне-политических следствий, то безудержные измышления о «великорусском национал-социализме» нанесли (и наносят) небывалый, глубоко рассчитанный удар по традиционной, исторической дружбе народов в Советской стране, которые издавна «сплотила Великая Русь» и которые могут быть ныне обречены на губительно-авантюрную политическую судьбу.

Притворный ужас перед «русским фашизмом» доходит до абсурда, до самых дешевых провокаций, какими не брезгует, к сожалению, даже верховно-парламентская пресса. Ее «берет оторопь», например («Надо бить [redacted] набат, в колокол — кто во что может...», как пишут «Известия»), от «фашистского» желания русских помочь друг другу [redacted] общенародной беде. «Как же случилось, — ужасаются [redacted] «рупоре» Советов народных депутатов СССР, — что молодежная газета помеща-

ет объявление: «Готов приютить семью русского военнослужащего? С адресом. Значит, если по этому адресу обратится оставшаяся без крова «смуглая» женщина — ей дверь не отворят?»

Таков, при всем его очевидном безумии, терроризирующий русского человека, науськивающий на него вывод всесоюзного печатного органа! «Вот где корень озверения», — прямо указуют «Известия» на русское племя.

Но следует сделать [redacted] общий, равно касающийся и «русых», и «смуглых» наших соотечественников, куда более объективный, правдоподобный вывод: та идеологическая, широко финансируемая [redacted] технически оснащенная антирусская кампания, что развернута в средствах массовой информации СССР, может иметь единственно логический практический итог — установление [redacted] России, в стране [redacted] целом бескомпромиссного «режима Претории». Ведь нетрудно заметить, что под моральный, политический трибунал последовательно, изощренно подводятся как «националистические», по-своему «шовинистические» и «расистские» все народы страны, даром что многие из них в то же время используются для глобальной антирусской кампании. Натравливаемые друг на друга и непременно при этом — на братский русский народ, они неизбежно увидят себя столь же «бросовыми», как и русская нация, материалом для транснациональных экстремистов, политических гангстеров ультралевого, тиранического толка, а свою историческую территорию, природные богатства и культурные ценности — предметом международной спекуляции, источником наживы «общечеловеческих» мафиози от «национально-освободительного» движения и мифической «демократии».

Не замечателен ли сам по себе факт, что фабрикация мифа о «русском фашизме» проходит на фоне стремительной реабилитации и безоглядной идеализации сионистской идеологии?

Эта идеализация равно касается нынче и советских, и зарубежных культурных, общественных деятелей еврейского происхождения — в том числе политических деятелей фашистского государства— агрессора Израиля. Эта чисто расистская идеализация дошла ныне до игнорирования едва ли не всей мировой общественности с ее трезвыми оценками и выводами. Так, сионисты и просионисты в советской прессе (среди них — и народные депутаты СССР, и некоторые работники Идеологического отдела ЦК КПСС, и отдельные лица из Политбюро ЦК КПСС) гримируют преступный лик сионизма, «отмывают» его, с криводушием утверждают уже, будто «сионизм... оклеветан ООН», принявшей с 1948 года свыше тысячи резолюций по осуждению сионистской агрессии на Ближнем Востоке и определившей сионизм как форму расизма и расовой дискриминации. Эти фарисеи от «демократизации» в национальной политике пытаются придать сионизму то конфессиональный статус «духовного», «религиозного» течения, то героическую окраску «национально-освободительного» (от арабов Палестины? от русских — [redacted] России?) движения.

Подобная неисторичная планомерная идеализация — испытанное средство формирования представления о «супернации», «über»-нации, высшей нации.

Некритическое, слащаво-умильное, по существу, раболепное, отношение к еврейству [redacted] его прошлом и настоящем, к здешнему [redacted] зарубежному, к империалистам и сионистам в том числе, оказывается, с точки зрения ведущих средств массовой информации, главным мерилом личного, общественного, профессионального достоинства советских людей нееврейского происхождения.

Даже формальная констатация еврейской национальности конкретного лица или лиц обрекает русского человека (а впрочем, [redacted] украинца, [redacted] белоруса, [redacted] чуваша, [redacted] азербайджанца, [redacted] т. д.) на клеймо «антисемита». Такая объективная констатация расценивается как посягательство на «права человека», на — нововведенную—«национальную тайну», как «злостное» раскрытие ее, приравниваемое к разглашению врачебной да, кажется, [redacted] государственной тайны. Ибо права «высшей» нации на деле включают [redacted] себя разом: [redacted] сокрытие национальной принадлежности, и, напротив, спекулирование ею (ее льготным статусом), [redacted] на-

циональное самозванство, маскировку под чужим именем, и националистическую гордыню. Это обеспечивает ■ итоге свободу от исторической ответственности и тем паче от того национального «покаяния», которого вымогают у других народов страны, ■ первую очередь — у русского народа.

В этих условиях даже многие честные справедливые советские евреи не застрахованы от обвинений в «антисемитизме» со всеми вытекающими отсюда грозными последствиями.

В этих условиях «сеяньем межнациональной розни в СССР» оказывается на практике даже сочувствие борющемуся за свои законные права арабскому народу Палестины.

В этих условиях, следует с тревогой отметить, на особом подозрении ■ недостатке «надлежащего» раболепия и покорности оказываются русские, даром что — «тысячелетние рабы»! Вопреки историческим фактам они обвиняются в «зоологическом», как бы врожденном антисемитизме. А Еврейский научный центр Советской социологической ассоциации АН СССР публикует ныне в «Вестнике еврейской советской культуры» (№ 4, 1990) отобранные академиком Заславской «данные» о первенстве России в «проявлениях антисемитизма» (к сожалению, не названных), сравнительно с другими республиками нашей страны.

«Антисемитизмом», «расистской одурью» «русским фашизмом», «нацизмом российским» ■ давно уже перевернутом зеркале средств массовой информации является, если вдуматься, все, не выгодное — нет, не евреям ■ целом, но сионистам. А поскольку последним, сугубо ориентированным на интересы государства Израиль, на рваческие интересы выродков еврейского народа, невыгодно отсутствие антисемитизма ■ России (сдерживающее эмиграцию ■ Израиль, препятствующее льготному статусу «политических беженцев» для евреев-эмигрантов из СССР), то и признание отсутствия антисемитизма в России расценивается как «антисемитизм». Такова казуистика националистического политиканства! Так совершается подлог истинных интересов множества советских евреев, не желающих оплевывать свою русскую родину, поддерживать агрессивные планы Израиля. Так сужается, превратно трактуется, заметим, объективное понятие фашизма, которое нарочито сводится исключительно к «проявлениям антисемитизма». Словно бы подлинный, слишком известный со времен Гитлера и Муссолини фашизм ограничивался преследованием лишь одной нации и был нацелен лишь против евреев — и, следовательно, «не бывает» фашизма, нацизма сионистского толка. Между тем именно последний несет прямую ответственность за многие, в том числе еврейские, погромы. За «обрезание сухих ветвей» древа своего же народа — в Освенциме и Дахау, во Львове и Вильнюсе.

В связи с расширяющимися вне воли русского народа дружественными контактами СССР с государством Израиль свободный экспорт сионизма в нашу страну стал грозной реальностью, и опасность его для всех народов страны выдвинулась на первый план. Эта опасность привычно маскирует себя разнообразными фактическими и идеологическими подлогами. Так, не отличаются ото всех названных выше подлогов и подрывные, сеющие злобу и панику слухи о готовящихся еврейских погромах в Ленинграде, Москве и других городах России. Эти слухи едва ли не ежедневно в последние месяцы транслируются телевидением, раздуваются прессой.

Пожалуй, можно указать на один из источников подобных слухов.

В уже упомянутом еврейском «Вестнике» сообщается, что среди «делегатов и гостей первого съезда еврейских общин и организаций», который состоялся в Москве, было проведено анкетирование, охватившее 352 еврейских активистов.

«Как вы считаете, — вопрошала анкета, — возможна ли ■ вашем населенном пункте в ближайшее время вспышка антисемитизма, сопровождаемая актами вандализма, жестокости, насилия?» (разрядка Еврейского научного центра Социологической ассоциации, возглавляемой академиком Заславской).

Откровенная провокационность подоб-

ного опроса, его огласки, публикации в прессе не нуждается в комментариях.

Эти социологические игры — под эгидой Академии наук СССР и с одобрения «гостей» еврейского форума в Москве, среди которых оказались столпы международного сионизма,— состоялись еще в декабре прошлого года, предваряя собой широкую волну панических слухов о «ближайшей будущности» советских евреев.

А сегодня дело дошло до того, что иные руководящие партийные [redacted] советские работники, вместо того, чтобы вскрыть источники провокационных измышлений, тревожащих — подчеркнем— отнюдь не одних лишь евреев, и принять меры против мастеров запугивания советских людей, с телеэкрана «демократически» призывают население к безоглядному доносительству насчет всего, хоть бы и померещившегося по части «еврейских погромов».

Ни один другой народ нашей страны, пусть и давно уже втянутый [redacted] кровавые межнациональные конфликты, не удостоился подобной заботы со стороны «бдительных», «человеколюбивых» [redacted] могущественных средств массовой информации.

Впрочем, эта «забота» все более смахивает, в свою очередь, на едва прикрытую национальную провокацию, все более убеждает, что кто-то из «сильных мира сего» жаждет погромов и, по сути, готовит их, загодя перекладывая ответственность на непричастных, противоборствующих провокациям лиц: на правление Союза писателей РСФСР, его VI пленум, на целый ряд русских деятелей культуры, патриотические организации России.

Слишком ясна конечная цель ширящейся политической провокации: несомненно задев как раз неповинных в низком политиканстве евреев, еврейские погромы, насильно призываемые сегодня на русскую землю, стали бы [redacted] итоге «кровавой баней» для русского народа, а затем и других народов РСФСР. «А что, если не дожидаться погромов?..» — спрашивают уже самые нетерпеливые журналисты.

В этой связи весьма показательно муссирование в прессе вопроса о специфическом, исключительном, защищающем сугубо одну нацию «законе об антисемитизме». Уже сама постановка такого, жизненно неактуального и узкого вопроса о преимущественной, выборочной национальной льготе, или особом праве на защиту со стороны государства, свидетельствует о национальной, по сути — националистической предвзятости многих средств массовой информации. Ведь этот предвзято-законодательный, национально-эгоистический вопрос подымается в обстановке несчетных человеческих жертв, которые несут сегодня разные народы страны (но отнюдь все же не собственно еврейский)!

Нет сомнений, что все народы СССР имеют равное право на законодательную и практическую защиту их национального достоинства и жизненных интересов. И потому [redacted] говорим решительное НЕТ как провокации (и возможному инспирированию) еврейских погромов, так и специфическому законодательству [redacted] пользу одного какого-либо народа. Мы говорим решительное НЕТ умышленному расчесыванию ненанесенных ран — культивированию, нагнетанию общественной истерии. В обстановке расчетливо организуемых вспышек братоубийства в стране мы глубоко возмущены ханжеской, спекулятивной прессой, впадающей в театральный мелодраматический «ужас...при виде пролитой крови» — «там, где она пролилась пока не буквально, а фигурально» («Известия», 19 февраля с. г.) Ибо взвинчивая нервы читателей, эта пресса, освящая фигуральные жертвы, жестоко-равнодушна к жертвам натуральным. Она оставляет на обочине своего внимания и русских беженцев из союзных республик, и неисчислимые славянские жертвы Чернобыля, и угрозу самому бытию множества «забытых» народов РСФСР. Она бесстыдно клеймит «оккупантами» посланных на заклание, в полыхающие костры межнациональных усобиц, русских солдат — юность, надежду приговоренной к вымиранию русской нации.

Что же касается вымогаемого средствами массовой информации, группой народных депутатов СССР, рядом «демо-

кратических» фронтов и движений помянутого «закона об антисемитизме», то, имея в виду все вышеизложенное, этот искусственный закон особенно опасен для русского населения, сполна уже испытавшего на себе его действие в 20—30-е годы. Как известно, по существу это был ЗАКОН О ГЕНОЦИДЕ РУССКОГО НАРОДА.

Моральное шантажирование терпеливого, добросердечного, открытого к болям соседей русского народа, ежедневное попрание его национального достоинства достигли того градуса, когда провокаторам не следовало бы с легкомыслием полагаться на русское всепрощение ■ незлобивость. Этот беспримерный моральный террор по национальному признаку происходит ■ условиях демографической катастрофы, переживаемой русским народом, 72-летней экономической, социальной и политической дискриминации, беззастенчивого грабежа его природных, трудовых, культурных богатств. Положение русского народа ■ собственном государстве таково, что он достоин, увы, стать предметом первоочередной, чрезвычайной заботы Организации Объединенных Наций ■ Совета Безопасности. Ибо лишь слепые или продажные политики могут уповать, что гибель русского народа, играющего огромную роль ■ мировой истории нового времени, не отзовется трагически на судьбах всего, прежде всего — западного, мира. Лишь параноические маньяки, превзошедшие своих учителей вроде Троцкого или «стратегов» из III рейха, могут, коптя русское небо, твердить в нашей печати катехизис самоубийственной злобы: «Россия должна быть уничтожена... Она вроде бы почти и уничтожена, но Кащеево яйцо цело».

Стоит помнить меж тем, что народ, доведенный до отчаяния, способен порой опрокинуть все «компьютерные» расчеты на его безропотную смерть.

Циничные ссылки на «плюрализм мнений», столь модные в средствах массовой информации (движущихся, однако, по монополистическому пути), иллюзии «равноправного диалога», якобы обеспеченного «эпохой гласности», какие навеваются нам с самых высоких трибун, не могут унять нашей тревоги, скорби ■ гнева.

Не может быть двух, как и «множества», мнений насчет тотального — во всю историческую ретроспективу и перспективу — поношения русской (как и любой иной) нации.

Не может быть равноправного диалога между народом, шельмуемым как нация «рабов» или даже собачья «нация Шариковых», и представителями «высшей», привилегированной, «избранной» для господства и управления силы. Такие исходные принципы «диалога», восторжествовавшие ■ годы «демократической» перестройки, заведомо не предполагают для русских ни моральной, ни материальной, обеспечивающей реальное равенство базы. В этих условиях «диалог» клонится разве что к смертельному поединку.

Мы требуем положить конец антирусской, антироссийской идеологической кампании ■ печати, на радио ■ телевидении. Мы требуем немедленного категорического запрещения всех видов русофобии на всей территории России и других советских социалистических республик. Мы требуем справедливого перераспределения ■ пользу России печатных средств массовой информации, которое соответствовало бы материально-экономическому вкладу РСФСР ■ бумажный фонд страны и действительно бы служило интересам русского народа и других народов, населяющих Российскую Федерацию, и было сообразовано с численностью каждого из них. Мы требуем равноправия РСФСР с другими союзными республиками ■ объеме теле- и радиовещания. Эти могущественнейшие средства массовой информации, играющие монопольную роль в формировании общественного мнения, идеологического воспитания населения, должны быть в РСФСР всецело повернуты к болям, тревогам, надеждам, национальным идеалам собственно русского народа и других народов нашей Федерации, прочно связавших с ним свою судьбу.

Соотношение: 1,5 млн. общего тиража патриотических периодических изданий, выходящих на русском языке, против 60 млн. (не считая моря «неформаль-

ной» газетно-журнальной прессы) тиража русско-язычных, но проповедующих русофобию, оскорбляющих национальное достоинство русского народа, — такое соотношение решительно нетерпимо как разрушительное для России!

Вместе с тем мы призываем всех русских людей — рабочих, крестьян, национальную интеллигенцию:

несмотря на все беды, угнетение, унижение, которые постигли в XX веке наш народ, всегда помните о национальном достоинстве великороссов, завещанном нам нашими славными предками, тысячелетней историей России;

ежедневно помните, что мы, русские,— высокоталантливый, геройски отважный, знающий радость осмысленного, созидательного труда, могучий духом народ. Что «русский характер», «русское сердце», бескорыстная русская преданность истине, русское чувство справедливости, сострадания, правды, наконец — неистребимый, беззаветный русский патриотизм — все это никогда и никем не может быть изъято из сокровищницы человеческого духа.

ВОСПРЯНЕМ ЖЕ! ВОЗЬМЕМ В СВОИ РУКИ СУДЬБУ НАШЕЙ РОДИНЫ — РОССИИ!

Виталий Маслов (Мурманск), *Сергей Алексеев* (Вологда), *Юрий Кузнецов* (Москва), *Петр Проскурин* (Москва), *Леонид Леонов* (Москва), *Владимир Личутин* (Москва), *Виктор Лихоносов* (Краснодар), *Карем Раш* (Москва), *Федор Сухов* (Горький), *Анатолий Иванов* (Москва), *Михаил Вишняков* (Чита), *Николай Воронов* (Москва) , *Борис Бурсов* (Ленинград), *Ирина Стрелкова* (Москва), *Виктор Кочетков* (Москва), *Владимир Бушин* (Москва), *Татьяна Глушкова* (Москва), *Тамара Саблина* (Омск), *Михаил Лобанов* (Москва), *Борис Лапин* (Иркутск), *Егор Исаев* (Москва), *Владимир Бондаренко* (Москва), *Анатолий Знаменский* (Краснодар), *Сергей Лыкошин* (Москва), *Олег Михайлов* (Москва), *Анатолий Василевский* (Владимир), *Николай Дорошенко* (Москва), *Сергей Викулов* (Москва), *Дмитрий Жуков* (Москва), *Станислав Китайский* (Иркутск), *Станислав Куняев* (Москва), *Эдуард Скобелев* (Минск), *Арсений Ларионов* (Москва), *Валентин Распутин* (Иркутск), *Юрий Прокушев* (Москва), *Маргарита Ногтева* (Москва), *Валерий Мурзаков* (Омск), *Вильям Козлов* (Ленинград), *Юрий Сбитнев* (Москва), *Аполлон Кузьмин* (Москва), *Ростислав Филиппов* (Иркутск), *Игорь Шафаревич* (Москва), *Владислав Шаповалов* (Белгород), *Вадим Кожинов* (Москва), *Татьяна Четверикова* (Омск), *Александр Проханов* (Москва), *Виктор Петелин* (Москва), *Сергей Панюшкин* (Липецк). *Майя Ганина* (Москва), *Валентин Сорокин* (Москва), *Михаил Годенко* (Москва), *Михаил Петров* (Калинин), *Сергей Воронин* (Ленинград), *Николай Шундик* (Москва), *Галина Литвинова* (Москва), *Виктор Коротаев* (Вологда), *Виктор Калугин* (Москва), *Владимир Крупин* (Москва), *Юрий Бородкин* (Ярославль), *Петр Выходцев* (Ленинград), *Григорий Калюжный* (Москва), *Петр Паламарчук* (Москва), *Александр Бологов* (Псков), *Александр Сегень* (Москва), *Владилен Машковцев* (Магнитогорск), *Лев Князев* (Владивосток), *Олег Кочетков* (Москва), *Владимир Шириков* (Вологда), *Виктор Смирнов* (Смоленск), *Николай Кузин* (Свердловск), *Юрий Лощиц* (Москва), *Николай Шипилов* (Новгород), *Валерий Рогов* (Москва), *Борис Споров* (Москва).

Составители В. В. Козлов, М. И. Тугова
Технический редактор Л. А. Жернова
Художественный редактор В. А. Лужков
Корректор С. Г. Калмыкова

РУКОПИСИ НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ И НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Адреса редакции:
664000, Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Союз писателей, телефон 24-56-76.
672000, Чита, ул. Богомягкова, 23. Союз писателей, телефон 3-45-78.

ИБ № 1664
Сдано в набор 27.12.90.
Подписано в печать 5.04.90.
НЕ 01786.
Формат 70×90[1]/16.
Бумага тип. № 2.
Усл. печ. л. 10,53.
Уч.-изд. л. 13,70.
Усл. кр.-отт. 10,97.
Тираж 12 000 экз.
Заказ 1816.
Изд. № 6366.
Цена 75 коп.

Индекс 73380

Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
664000, г. Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда»,
664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109.

ЧИТАЙТЕ В НОВОМ ГОДУ

В 1991 году «Сибирь» планирует закончить публикацию книги «Убийство царской семьи» следователя по особо важным поручениям Н. А. Соколова, а также «Иркутскую летопись», составленную П. И. Пежемским и В. А. Кротовым.

В разделе «Проза» будет опубликован роман Кима Балкова «Милосердие» о трагедии белого движения в Сибири.

Научно-фантастическая повесть Бориса Лапина «Голубые зарницы Язона». Повесть Александра Семенова «Вольные кони», рассказ Г. К. Честертона «Худшее преступление в мире» и другие произведения.

Публицистика будет представлена очерком Веры Секериной «Слышать провозвестия», посвященным выдающейся русской семье Рерихов, учению Живой Этики (Агни-Йоги).

Интервью с известными в стране учеными, писателями, публицистами Игорем Шафаревичем, Леонидом Бородиным, Анатолием Парпарой и другими.

Под рубрикой «История. Философия. Религия» планируется публикация книги Сергея Нилуса «Близь есть при дверех».

Для детей — «Моя первая священная история», или «Детская Библия» под редакцией священника П. В. Воздвиженского, издававшаяся последний раз в 1911 году.

ПОДПИСКА НА АЛЬМАНАХ «СИБИРЬ» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВСЕМИ АГЕНТСТВАМИ СОЮЗПЕЧАТИ, ПОЧТОВЫМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА И ЧЕРЕЗ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ГОД — 4 р. 20 к.

ИНДЕКС 73380

70 к.

БИРЬ

2 '90

В следующем номере читайте:

Гражданская война в описаниях белогвардейцев.

Допрос А. В. Колчака. Протоколы

Русские за рубежом. Интервью с А. М. Ермаковым

декс 73380